

В.Е. ЛАРИЧЕВ
Е.П. МАТОЧКИН

РЕРИХ И СИБИРЬ

НОВОСИБИРСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1993

Ларичев В. Е. и др.

Р25 Рерих и Сибирь, В. Е. Ларичев, Е. П. Маточкин.— Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1993.— 192 с., ил.

ISBN 5—7620—0674—3

Рерих... Под этим собирательным именем сегодня подразумевается не только художник, писатель, ученый, мыслитель Н. К. Рерих, но и члены его семьи. В 20-е годы Н. К. Рерих руководил крупной Центральноазиатской экспедицией, в ходе которой были обследованы малодоступные области Центральной Азии и Гималаев. Весь путь этой сложной экспедиции вместе с Николаем Константиновичем прошли жена и друг Елена Ивановна и сын Юрий Николаевич — ученый-востоковед. Маршрут экспедиции проходил через Сибирь, которую Н. К. Рерих назвал «страной великого будущего». Сегодня связь с этим огромным краем поддерживает младший сын Н. К. Рериха — С. Н. Рерих, активный продолжатель гуманистических традиций своей необычной семьи. Связь с Рерихами продолжают и сибиряки, проводя выставки, конференции, чтения, восхождения, посвященные этому уникальному явлению в мировой культуре.

Л 5002000000—03
М143(03)—93 3—93

ББК 26.8

ISBN 5—7620—0674—3

© Ларичев В. Е., Маточкин Е. П., 1993

СЛОВО О СИБИРИ

Н. К. РЕРИХА

СЛАВНОЙ ЕРМАКА ГОДОВЩИНЕ! ВСЕМ СИБИРСКИМ ДРУЗЬЯМ! ВСЕМ СЫНАМ СИБИРИ СЕРДЕЧНЫЙ ПРИВЕТ!

Когда в последний раз плыли мы быстринами Иртыша, сказал нам рабочий-гранильщик: «Вот здесь потонул наш Ермак Тимофеевич. То есть не он утонул, но тяжел был доспех и унес вниз нашего богатыря». В глазах сибиряка не тонул Ермак. Не мог утонуть богатырь.

И не только слава Ермака жива, но жив и он сам в сознании Сибири. В Кырлыке, на пути к Уймону, шаман толковал о добром Ойроте, вестнике Белого Бурхана. Появляется Ойрот на белом коне и возвещает: «Саин галабынь судур!» — «Знак доброй эры!» Но старик старовер улыбнулся: «И вовсе это не Ойрот, а Ермак Тимофеевич ободряет край наш. Это он камень бережет».

Камень! И вся страна — камень великий, адамант драгоценный! Будет ли он Тигерец? Или Катанда? Или Ак-Кем? Или Карагай? Или Студенец? Все-таки камень.

И древняя мудрость перенесла в Сибирь драгоценные горы — Сумир, Субур, Сумбир, Сумеру. Там «куз-

нец кует судьбу человеческую на серебряных горах». Белы снега, и бело серебро самой Белухи-матери. И разноцветные травы превыше всадника. И звучит все Беловодьем. Истинно Звенигород. Да будет!

«Между Иртышем и Аргунью. Через Гобь, через озера соленые. Через Кокуши. Через Боггорше, по самому Ергору едет всадник».

Не малы пути сибирские. Велика их мечта. Велико им сужденное. Страна Белого Бурхана, страна доброго Ойрота. Страна Самбатина. Страна чуди подземной. Страна кузнецов курумчинских, ковавших коней всех великих путников от восхода и на закат.

Можно ли помянуть Ермака Тимофеевича, не вспомнив о Сибири самой? Размахом путей сибирских измеряется и путь Ермака, претворившего сказание в жизнь.

И зная Ермака в Омском соборе, конечно, несет на себе лик Св. Георгия. На том же белом коне, в бессменном доспехе ратном святой воитель провел Ермака по многим стремнинам, сделав нечаянное возможным.

Странно бы говорить о всемирном значении Сибири. Оно известно всем школьникам. Иноземцы, разглядывая карту Сибири, лишь спрашивают: а верны ли промеры? Так озадачивает сибирская беспредельность! Говорить ли еще о камнях-самоцветах, о рудах, и открытых и еще неизведанных, писанных и неписанных? Сказать ли о лесах, о скотоводстве, о промыслах, о земле? Называть ли великие числа и меры, которые все же не ответят действительности?

Сегодня позволительно не вычислять: не умствовать, не расчленять земными мерами, но повелительно праздновать годовщину Ермака. Повелительно отставить все разделения и сойтись в память великого духа, неубоявшегося, неразмельчившего, но давшего нам зов великий и созидательно призывающий.

Как колокола Звенигорода, как святыни Китежские зовут и очищают и велят идти к преуспеванию, так же пусть и этот день свидетельствует о клятве строительства доброго. Не можем сегодня же не упомянуть и Святого Хранителя всех твердынь Китежских, всех Лавр Духа Преподобного Св. Сергия. Сама необъятность сибирская приближает сегодня всех борцов подвига, просвещения и мужества несломимого.

Будем праздновать день Ермака. Радостно вспомним, что во всех просторах сибирских это имя, как стяг, звучит неутомимо бодростью. Радость суждена не часто. Многие пытаются затемнить сужденные просторы. Не всякий доспех годился и могучим плечам Ермака. Но он нашел по себе и меч, и кук, и бахтерец, ибо хотел найти. Сердце указало Ермаку путь, ибо сердце знает пути начертанные.

Разве случайно сроки напоминают нам имя Ермака? Разве этим именем не дается еще мера строительству и всем подвигам — поискам Блага? Ведь для укрепления духовного посылаются знаки, лишь слепым невидимые.

Если бы сегодня мы прозрели во благе сотрудничества, разве это не был бы истинный праздник? И разве среди потоков слез нельзя было бы возрадоваться подвигу?!

Не открывать Ермака, не открывать Сибирь, нельзя открыть открытое, но для праздника сошлись мы сегодня. Пусть этот мощный праздник наполнит все молодые сердца трепетом подвига, горением строительства и клятвою сотрудничества. Хотя бы в праздничные памятные дни будем вспоминать о дружелюбии, о труде совместном.

Сейчас, когда мировые трудности, прежде всего, обрушиваются на культуру, на все просветительные возможности, найдем же в сердце своем силы побыть вместе, побыть дружно и помыслить о великом, о славном. Переполнилась мера разделений; просторы сибирские

напоминают о непочатости труда. Когда же и вспомнить о труде непочатом, как не в праздник, дающий нам советы строительства.

Мой покойный дядя, профессор Томского университета Коркунов, еще в детстве моем звал меня постоянно на Алтай: «Лучше приезжай скорей», — писал он, — «все равно на Алтае побывать придется». Действительно так!

Затем в 1919 г. молва похоронила меня в Сибири, и служба в Иркутском соборе была отслужена. Даже так необычно влечет к себе Сибирь Великая.

Хотелось бы быть с вами сегодня. Хотелось бы говорить о стяге Ермака, о Беловодии, о Белухе, о самом Ергоре. Но из Азии шлю вам всем, друзья, мои лучшие приветы. О снеговых вершинах Белухи свидетельствуют снега Гималаев. Кукушка отсчитывает сроки. Дятел твердит о неустанности. А Сафет — белый конь — напоминает о конях Ойрота и Ермака и самого Св. Егория. Празднуем сегодня со всеми вами и бьем челом на сотрудничестве. Велик был поклон Ермака всею Сибирью. Велик был заклад, велик и подвиг. Праздник, славный праздник сегодня.

1932 г.

СЛАВНОЕ СИБИРСКОЕ КАЗАЧЕСТВО

Приветствовать сибиряков — это значит почувствовать и сказать что-то очень мужественное и созидательное. Понятие сына Сибири есть зов труда и познание тех действительно неисчерпаемо прекрасных сокровищ, которыми наполнена эта страна глубокого прошлого и великого будущего.

Во всех десятках стран, где пришлось побывать, ни-

кто ни на минуту не смущался понять все великое, еще несказуемое значение Сибири. Белуха стоит белоснежным свидетелем прошлого и поручителем будущего. Сибиряки не только любят Сибирь, но они всегда стремятся к ней для работы, для труда, для сотрудничества.

Вспомним о всех незабываемых подвигах казаков Сибири. Вспомним, что именно сибирские кооперативы заняли такое незабываемое место среди подобных начинаний нашего Отечества. И сейчас, разве мыслимо соображать какое сотрудничество без этой сознательной кооперации? Тем, кто хочет строить, можно думать лишь в оценках трудовой единицы. Всякие другие ценности, измышления и условные, колебались и обветшали. Недавние кумиры человечества уже отброшены, и вместо них неизбежно и справедливо встает понимание религии, доблести и труда. Без этого понимания не будет и настоящего осознания культуры.

Культура как всеобщее благо, как свет истинного просвещения, как свободно осознанная дисциплина духа — эта культура слагала крепчайшие народы. И сколько таких народов прошло в великих шествиях по необъятным пространствам сибирским! От всех этих великих путников наслоились не только бедные, но и высоко духовные наследия. Эти великие понятия разве не обязывают перешагнуть через ветошь и мусор недоразумения и разрушительных непониманий?!

Ведь невозможно больше жить среди хаоса разъединения и взаимного уничтожения. Просто невозможно больше дышать! Невозможно больше радоваться свету солнечному, когда невежественная озлобленность совершает ужасное шествие смерти.

Но довольно мы слышали о смерти, о разъединении и о разрушении. Отравленные газы и человеконенавистничество не могут являться завершением человечества. Ведь это настоящее потрясение культуры.

Из этих смердящих бездн встают годы безбожия,

этого темного прообраза невежества. Плачевно наблюдать, как безбожие во всех концах мира, подобно мерзкой ехидне, пролагает свой ядовитый путь. Во многих странах мы возмущались атеизмом и цинизмом, которые, прикрываясь ложным названием материализма, являются порождениями самого несносного темного невежества. Словарь зла преисполнен, и необходимо обратиться ко всем мирам сотрудничества, к понятиям создания.

Когда мы говорим о созидании, о кооперации, разве мысленно не перенесемся мы в просторы Сибири, где такой непочатый край для приложения всякого строительства? Сейчас зарубежные сибиряки разбросаны по всем неожиданным странам, но везде, где они находятся, можно слышать здоровое слово о труде, о будущем. Сибиряк не может преклонить голову перед преходящей невзгодой...

Зная Ермака Тимофеевича сделалось как бы символом героизма и подвига. Многие в течение жизни стирается и распыляется, но когда мы обращаемся к знамени Ермака, то этот подвиг лишь растет в народном сознании и зовет к подобному же героическому будущему. Никогда еще сибирские казаки не расходились так далеко по свету. И куда бы ни разошлись казаки в конце концов, в священной решимости они преоборют все разделения, разумно ценя мощь единства. И в душе каждого из них есть светлое сознание, что они, куда бы ни забросила их судьба, остаются полными решения принести дорогое сердцу Сибири славное и великое будущее.

Среди многих угодников и святителей, православные казаки глубоко чтут имя Преподобного Сергия Радонежского. Акафист Преподобного начинается:

«Возбранный от Царя Сил Господа Иисуса, данный России Воеводо и Чудотворче Предивный!»

РЕРИХ И СИБИРЬ

В. Е. ЛАРИЧЕВ
Н. К. РЕРИХ
И СОТОВАРИЩИ В СИБИРИ

Е. П. МАТОЧКИН
КОСМИЧНОСТЬ ИСКУССТВА
Н. К. РЕРИХА

Е. П. МАТОЧКИН
ПОСВЯЩАЕТСЯ СЕМЬЕ РЕРИХОВ

Вы знаете, что великая равнина России и Сибири после доисторических эпох явилась ареной для шествий всех переселяющихся народов. Изучая памятники этих переселений, вы понимаете величие этих истинно космических переселений. Из глубин Азии по русским равнинам прошло несметное количество племен и кланов. И пробившись до океана, эти странники, завершая свой путь через века, снова вернулись к России...

*Н. К. РЕРИХ,
1921 г.*

Н. К. РЕРИХ И СОТОВАРИЩИ В СИБИРИ

На Земле есть удивительные своей притягательной силой места, звучные наименования которых невольно тревожат душу, бережат чувства, будоражат мысль. Они, как увлекающие в мечты названия волшебных сказок, вызывают в ослепленной временем памяти фантастические грезы о прошлом. Именно такой счастливый настрой зарождается всякий раз, когда слышишь вдруг завораживающие магией слова: Индия, Тибет, Гималаи, Сибирь, Гоби, Тянь-Шань, Алтай... Можно, впрочем, остановиться и далее не перечислять порой мало кому ведомые уголки планеты, а ограничиться всего лишь двумя словами, но всеобъемлющими и каждому знакомыми словами — восток Азии. Эмоции они всколыхнут те же самые.

Для человека русского, которому близки и дороги судьбы родной истории, культуры и науки, эти слова напоминают о многом. Храбрые русичи святой старины знали степную и горную часть Центральной, Южной и Восточной Азии со времен глухого средневековья, и притом не понаслышке или со слов странствующих монахов Гильома Рубрука и Плано Карпини, повествования коих изумили в свое время Западную Европу. Что касается событий недавнего прошлого, отстоящих от наших дней на полвека или век-полтора, то суровые просторы «Срединной Азии» стали в ту пору многотрудным поприщем воистину блестящего созвездия русских путешественников и исследователей, среди кото-

рых имя Н. К. Рериха занимает достойное место. Это он и его предшественники были теми, кто с романтической страстью одержимых вел вперед во славу российского Отечества призывно позванивающие колокольцами караваны терпеливых верблюдов и лошадей через бескрайние степи, пустыни и горы. Это они сумели за короткий срок явить пораженному миру живописную картину неведомых земель и народов, затерянных где-то в глубинах необъятной Азии и как бы нарочито отгороженных от всего света вздыбившимися до небес скальными громадами Гималаев, Тянь-Шаня, Алтая и Саян.

Поиски те бередили в людях романтику странствий и, щедро побуждая к походам, порождали порой разительные своей неожиданностью и кажущейся невероятностью научные гипотезы. На поверку оправданности их снаряжались очередные экспедиции людей, беспредельно увлеченных и дерзко отчаянных: географов, геологов, археологов, историков, ботаников, палеонтологов. Причем всякое время ставило для решения свои задачи: Азия отвечала на тайны появления на Земле первых млекопитающих, ранних пралюдей, зарождения непривычных восточных религий и философских учений. Разгадки своих мучительных проблем искал в Азии и Н. К. Рерих, который стал одним из последних могикан романтического стиля познания континента и его обитателей. В сферу его интересов входила как неотъемлемая часть Сибирь, а в пределах ее прежде всего «жемчужина», «средоточие», «центр» и «сердце» Азии — Горный Алтай. Тем, для кого Сибирь стала отчим домом, желательно знать, как случилось, что этот удивительный край стал одним из могучих магнитов для души, сердца и ума их великого соотечественника.

Более полувека назад он, терпя лишения, прошел со своими верными сотоварищами тысячи миль горных

и песчаных пустынь, где в зыбких волнах сказочных миражей все было космически прозрачным и голубым: и бездонное Небо, и раскаленные Солнцем камни гор, и студеная родниковая вода, и покрытые зыбучими песками берега озер. И теперь, глядя на его картины, убеждаешься, что и мечты его были тоже голубыми.

1. Порог устремлений

...До желанной среднеазиатской границы России оставалось всего лишь около десятка дней пути, но, казалось, переносить дорожные тяготы стало совсем невозможно. А причиной тому было отнюдь не нетерпение усталых, покрытых густой придорожной пылью путников ускорить давно желанную встречу с родной землей, «невольное разлучение» с которой произошло у них 8 лет назад; не маршрутные сложности затянувшегося почти на полтора года «великого странствия» по, кажется, бесконечным в причудливой вязи серпантинам караванных троп, что прогянулись в горах, степях и пустынях Южной и Срединной Азии; и даже, наконец, не убийственная в унылости череда гораздых на сюрпризы дорожных происшествий. Ко всему в кочевой жизни попривыкли, стойчески пережив обычные экспедиционные трудности, Николай Константинович Рерих и его самоотверженные спутники: жена Елена Ивановна, сын Юрий Николаевич, побегец Рамзана — невозмутимый, многозначительно молчаливый геген-лама, знаток тайных восточных учений. За многие месяцы пути из Ладакха в Туркестан, откуда им еще предстояло пройти сотни миль далее на север, чтобы вступить в пределы Сибири, каких только невзгод не пришлось пережить, на что только не довелось насмотреться из радостного и вдохновляющего, но и невыносимо горестного тоже. Однако в последние недели апреля 1926 г. почти доконнали-таки, доведя порой до отчаяния, нелепые

столкновения со властями претерждавшими — провинциальными китайскими мандаринами — надутыми важными и лицемерными, зло подозрительными и неистощимски коварными в нелепостях деспотического произвола и «возмутительного насилия» над теми беззащитными в чужой стране, кто волею судеб оказался вдруг во власти их. Вот почему становилось почти до слез тягостно и все чаще всплывала в голове обреченная мысль: «Да полно, можно ли всерьез надеяться включать в эволюцию человечества такие вот глухие к добру власти, которые если на что и способны, так на превращение каждого мирного настроения в ощущение жандармского участка? Пригодна ли вообще эта западная окраина Центральной Азии для культурных посещений?»

Столь мрачные размышления, вообще-то совсем не характерные для предельно уважительного, терпеливого и деликатного Н. К. Рериха, появились у него в ситуации, поистине отчаянной, — после многих недель бесцельного пребывания в Урумчи, которое он, досадуя, насмешливо назвал в своем дневнике «сидением на сундуках». Было, однако, отчего призадуматься в полном недоумении, когда до подхода к одному из самых важных рубежей путешествия, к южным пределам Родины, оставалось совсем немного по сравнению с пройденным ранее и теперь предстояло лишь узнать — удастся ли, наконец, получить разрешение перейти ее границу.

Эта проблема возможности въезда в Россию и посещения Сибири для научных исследований волновала Николая Константиновича как самая трудная еще до начала его путешествия по Азии. Осознавая деликатность этого вопроса, он в 1924 г. посетил посольство в Берлине и познакомил Н. Крестинского с целями своей экспедиции и ее маршрутом, захватывающим, в частности, Алтай, а возможно, и Южный Урал. В связи с этим Н. К. Рерих обратился с просьбой разрешить ему въехать в страну со стороны Восточного Туркестана. Он

также попытался выяснить: можно ли надеяться экспедиции на содействие русских дипломатов, находящихся за рубежом в тех местах? Дождаться ответа не удалось. Депеша из Москвы с положительным решением вопроса прибыла в Берлин уже после отъезда художника из Германии. Так в неведении о перспективе въезда в Сибирь и поездки на Алтай и началась экспедиция. Посольство же в Берлине не знало, куда направить ответ, ибо ходатайствующий о визе затерялся где-то то ли в Гималаях, то ли в пустынях Центральной Азии. Да и остались ли в живых путешественники по местам, откуда временами доходили самые тревожные вести?

А оно и немудрено думать так, если пообщаешься хоть неделю с тем же Фанем, комиссаром по иностранным делам в Урумчи. Это живое воплощение самой отвратительной формы восточного лицемерия вместо содействия, положенного по должности, делало все, чтобы затруднить проход экспедиции к границе России. Н. К. Рерих, не зная о положительном ответе МИДа страны в Берлин, еще находясь в Хотане, обратился в Урумчи к консулу А. В. Быстрову о содействии его планам и встретил полное сочувствие. Он еще в начале апреля, по прибытии экспедиции в Урумчи, послал телеграфный запрос Г. В. Чичерину с просьбой о визе для посещения Н. К. Рерихом и его спутниками Сибири, в частности Алтая, как это было ранее разрешено американцу Алану Присту. Поскольку ответа не было, то пришлось направить одну за другой 6 радиограмм по тому же поводу. Каково же было Н. К. Рериху услышать, что положительный ответ Г. В. Чичерина был получен в Чугучаке давным-давно, в начале апреля, но из-за нелепых интриг Фаня и его подчиненных это стало известно в Урумчи лишь через месяц. Можно было подумать, что решающая дальнейшую судьбу экспедиции телеграмма доставлялась нарочным, который

шел с нею из Чугучака пешком! Ну как тут было не записать в дневнике вопрошающую филиппику: «Пригодна ли вообще эта западная окраина Центральной Азии для культурных посещений?»

Ответ Г. В. Чичерина искупал, однако, все огорчение и вдохновлял на энергичные в быстроте действия. Следовало, прежде всего, избрать наиболее рациональный маршрут. А. В. Быстров предлагал «три комбинации: одна на Кульджу, оттуда мотором до Ташкента и прямым поездом на Восток. Вторая — Чугучак, Семипалатинск, Новосибирск, Москва. Третья — Тополевый мыс, Зайсан, Иртыш, Семипалатинск, Новосибирск, Москва». Самым заманчивым из предложенного Н. К. Рериху показался третий вариант — проехать пароходом по Иртышу «среди долистых и холмистых далей». На том и порешили, наняв вскоре три тройки с возчиками, которые обязались довезти до Тополевого мыса за 600 китайских лан. И вновь тревожная запись в дневнике: «Но не помешают ли опять китайцы? Мнения делятся. Одни полагают, что какая-то очередная гадость будет проделана. Другие думают, что на этот раз китайцы устыдятся. Лично я не оптимистичен...»

Но на пороге почти верного достижения того, о чем давно мечталось и грезилось в думах, следовало достойно сохранять жесткую выдержку, стойкую терпеливость и воистину буддийское спокойствие. Потому-то, после мирного разрешения главного противоречия, и продолжали с 16 мая 1926 г. упрямо катить на север по ухабистым дорогам Восточного Туркестана нанятые вместе с нерадивыми возчиками колымаги. Они частенько теряли вдруг колеса, а то и с грохотом переворачивались в неурочный час, сбрасывая в густую придорожную пыль тяжелые багажные выюки и разместившихся на них усталых людей. Оптимизм, между тем, вселяла бескрайность покрытой коврами ярких весенних цветов степи, которая навевала сладостные воспоминания о

равнинах средней полосы России. Вот и неказистая, с побеленными стенами комнатка очередного захудалого дорожного стана невольно возродила в памяти события четвертьвековой давности — сокровенные разговоры совсем юных тогда Николая Константиновича и Елены Ивановны в милых сердцу российских хибарах то ли Меричей, то ли Велюнов, что на Немане, а быть может, и в окрестностях одного из святых монастырей Суздаля. Во многом, пока еще едва уловимом, чуяли путники близость родных земель: в неказистых глинобитных постройках, в большей чистоте их комнат, в просторе улиц, селений или в обширности усердно возделанных плугами пашен. Да и приближение Сибири тоже становилось день ото дня все явственнее — оттого, очевидно, велись в захолустном Улан-Усуне почтительные беседы со встречными о боготворимом Алтае, где весной цветут на склонах гор «какие-то особенно красивые лилии». Это оттуда, наверное, арбы, что попались навстречу, — они нагружены целительными маральими рогами...

Незаметно ушли за горизонт величавые белые пики Тянь-Шаня — «Небесных гор», впереди слева вспыхнули вдруг ослепительными бликами ледников вершины хребта со звучным, как перестуки копыт, названием Тарбагатай, а вот уже прямо на севере, правее дороги, стали наконец прорезаться в прозрачной синеве воздуха первые отроги вожделенной для путников горной страны — «самого Алтая, середины и сердца Азии», соединяющего нерасторжимо северную зону ее, Сибирь, и центральную — иссушенный зноем Туркестан и многоликую в природных многообразиях Монголию. Это там, на Алтае, обитали, как по традиции считалось, «стерегущие золото грифы» античных мифов или загадочные юэчжи старинных китайских хроник, а вернее и попросту сказать, «сибирские скифы», свободолюбивые духом и воинственные. И потому Н. К. Рериху вдруг

в полной реальности представилось на миг, что лихо промчавшаяся поблизости от дороги картинная кавалькада всадников-степняков вовсе не пограничная «киргизская стража», что устремилась к границе, а дозор вооруженных пиками и луками скифских воинов — настолько напомнили ему короткие цветные полукафтанья кочевников, их кожаные штаны и опушенные мехом малахаи одеяния известных каждому любителю старины персонажей знаменитой композиции на золотой вазе из кургана Куль-Оба. Но вот те, со стегаными цветными шишаками, украшенными на макушке пучками перьев филина, напомнили русских воинов с древними куаками на голове. Мираж видения картин прошлого, однако, сразу же рассеялся, когда один из лихих наездников вдруг приблизился к повозке, на которой сидела Елена Ивановна, и преподнес ей (уж не в ознаменование ли благополучного конца пути по чужестранью?) охапку нежных красных пионов...

Но вот и пройден последний перевал зарубежных взгорий, вот и осталось позади «тюремное ощущение Синьцзяна», и можно с облегчением и радостью исполненного долга торжественно возгласить: «Здравствуй, земля русская, в твоём новом уборе!» И то сказать — искренне дружеские приветствия соотечественников, оживленные расспросы и нетерпеливые ожидания «поучительных ответов», взаимно заинтересованные беседы столь разительно отличались от всего, с чем пришлось постоянно сталкиваться в предшествующие месяцы, что даже не улавливающий сути первых разговоров тибетец Рамзана так с облегчением подытожил свои первые впечатления от знакомства с новой страной и ее обитателями: «Русские — хорошие люди. Душа у них хорошая, по глазам видно...» «И простодушно доверчивые», — мог бы добавить, радостно улыбнувшись, Николай Константинович, когда узнал, что погруженного в раздумья гегена соотечественники приняли за почтенного китайско-

го генерала. Записи этих простых в обыденности слов, наскоро начертанных Н. К. Рерихом в дневнике 28 и 29 мая 1926 г., положили, между тем, рубеж начала очередного интереснейшего этапа исследований Центральноазиатской экспедиции. Ее участники вступили в пределы Отечества, чтобы, пройдя затем далее к юго-западной окраине «сибирской земли», приступить к выполнению самой, быть может, интригующей части задуманной ими программы исследования природы, человека и культуры внутренних регионов Азии — знакомству с «живым воплощением красоты Сибири — Алтаем».

Закономерно, однако, полюбопытствовать: что за неудержимая сила влекла сюда, в Сибирь, за тысячи километров от места старта экспедиции, ее участников, русских, вдохновляя их на поистине подвижническое преодоление бесчисленных трудностей пути по глухим окраинам чужих стран? Что определяло выбор необычных, порой почти экзотических, целей путешествия, столь разительно отличных от задач, которые ставили перед собой в те же примерно годы странствующие так же долго по Азии японец Рюдзо Торини, швед Свен Гедин, французы Э. Лисан и П. Тейяр де Шарден, немец А. Лекок, датчанин Г. Г. Христиансен или американец Рой Чапмэн Эндрюс? Поиски ответов, поневоле кратких и всего лишь едва намечающих канву будущих многоплановых разысканий историографов, придется начать издавлек, основываясь главным образом на немногих, но зато самых правдивых из всех возможных источников — части опубликованного литературно-публицистического и научно-художественного наследия Н. К. Рериха, духовного вдохновителя этого грандиозного предприятия, пожалуй, последнего из осуществленных русскими в столь броско характерных манере и стиле. Избранное направление повествования смотрится, пожалуй, рациональным, ибо, избавляя от пересказа уже известного по другим изданиям, позволяет осущест-

вить главное — проследить ход событий с должной достоверностью по свидетельствам самих участников путешествия.

2. Истоки мечтаний

...Изначальна была страсть Н. К. Рериха к познанию тайн истории и культуры России. Недаром в душе его навсегда осталась благодарность В. В. Стасову, как самому щедрому и благотворному в силе воздействия учителю юности по части прошлого отчей земли. Это он, мудрый поводырь по бесценным книжным сокровищам Императорской публичной библиотеки столицы, разбудил и растревожил, навечно заключив в сердце его «первые зовы России», благородные и гордые. Сколько вдохновляющих разговоров о судьбах Родины и ее многострадального народа велось за «радушным», всегда беспорядочно заваленным книгами, столом седобородого патриарха. А со сколькими выдающимися творцами русской культуры посчастливилось познакомиться Н. К. Рериху в том же гостеприимном библиотечном кабинете В. В. Стасова. Они, как и сам хозяин этого своеобразного средоточения интеллектуальной и художественной жизни Петербурга, незаметно, но верно и основательно формировали его не только как будущего яркого художника, неординарного ученого, своеобразного в стилистике литератора, прозаика и поэта, а также изящного публициста, но и высоконравственного гражданина и активного общественного деятеля. Чего стоило для Н. К. Рериха, положим, такое событие: именно В. В. Стасову был обязан он знакомством со Львом Толстым, совместная поездка к которому состоялась по случаю представления первой картины художника из славянского цикла — «Гонец». Это тогда писатель и мыслитель, как бы благословляя высокие творческие устремления юного гостя, настойчиво призы-

вал его «править выше», что и стало главным нравственным кредо в ориентирах жизни Н. К. Рериха.

Любовь к написанию кратких, но стилистически тонких и значительных по содержанию эссе, в том числе и по истории России, тоже, пожалуй, восходит к счастливому времени общения с В. В. Стасовым, когда, не имея возможности поговорить с ним лично, Николай Константинович писал своему наставнику о судьбах отечества письма — необычайные по виду и слогу листы, имевшие вид ветхих от древности грамот, которые покрывались текстами, ловко подлаженными под стиль старинных русских посланий, образных и живых. Делалось это, надо полагать, талантливо, если подражания душевно радовали В. В. Стасова, который, добродушно посмеиваясь, говаривал ему при встрече: «Хотя ваша пожелтевшая грамота и припахивает свежим кофе, но дух-то ее остается русским, настоящим русским». Духовное их родство и общность раздумий о прошлом страны, истоках ее культуры и предназначении в будущем ясно проявлялись затем в том, что оценки В. В. Стасовым картин Н. К. Рериха славянского цикла благодарно воспринимались художником как точные по «основным устремлениям» его и «желанности замыслов».

Обращаясь к познанию культурного прошлого России, Н. К. Рерих не ограничивался прочтением книг. Оно, это прошлое, для него, художника, едва ли осталось бы глубоко понятным, если бы не постоянная жажда войти в живое соприкосновение с национальными сокровищами давних веков «Святой Руси». Это объясняет его неутолимую страсть к поездкам по старинным русским городам, величественным крепостям и монастырям, к подвижническому переносу на бумагу и холст волнующих ликов скромных часовен, стройных, легко и торжественно устремленных в бездну небес церквей и многоглавых храмов. Близкие духу и сердцу «российская старина», народное искусство и культура

прочувственно познавались им кистью. Они стали для него, как он любил говорить в последующем, «целебной чашей, полной живой воды».

Жадное прикосновение к краям ее с целью «испытать таинственную влагу» не означало, однако, для Н. К. Рериха только лишь познание истоков и души национальной русской культуры. Цель он при этом преследовал куда более значительную в практической, чем представляется кому-то при поверхностном взгляде на этот предмет. Речь шла о становлении грандиозной программы оптимального пути строительства будущего России, ибо, как думал Н. К. Рерих, лишь достойно возвеличив культурно-исторические сокровища Древней Руси, можно будет «вымостить народу» прочные в надежности «ступени на пути в грядущее». Следовало поэтому, продолжая традиционное, академическое по стилю, изучение ценностей прошлого, нацеливать изыскания на решительное развенчание «глупого предубеждения» о сомнительной ценности «русской линии» в области старины, ее мнимой скудости и даже некоей «унижающей вторичности». Н. К. Рерих, вскрывая истоки столь странных «мнений», писал позже о неосведомленности творцов подобных концепций, мертвых в равнодушии и сlegtоте. Вне внимания таких людей были не только сокровища развитого каменного века, эпохи великого переселения народов и таинственных насельников первых городищ России, что, положим, остались им неизвестными из-за прискорбного невежества, но даже древности славянские и варяжские с искусством благородных и строгих форм, а также броские в ликах финские, отличающиеся «чудовищной фантасмагорией». Как бы то ни казалось невероятным, а в пренебрежении у них оставались и величие Киева, и слава Новгорода, и пышность Москвы, и прозорливость замыслов Петра и Екатерины. Целиной нетронутой оказались искусство многочисленных народов России, героически вдохновенный эпос

их, песенный фольклор и художественные кустарные промыслы. Вот это-то Н. К. Рерих и призывал, проехав вдоль и поперек по европейской части страны, оценить, наконец, достойно, а сделав это, широко распространить опять в «море народном» ради целей благородных — чтобы отвратить простых людей «от водки и беспечности», для подъема их нравственного духа и отделения от «сил темных».

Н. К. Рерих в поездках по стране с болью наблюдал, как мало осталось истинно российских памятников старины, насколько необходима была им художественная реставрация, бережная и квалифицированная, а не ограниченная «равнодушным подновлением». Требовалось сохранение, как он писал, «жизненного лица» заброшенных строений, чтобы в них находили отклик душевные искания и стремления, чтобы останавливался на них «теплый взгляд любви и восторга», а не равнодушия и скуки. И это при том, что в своей старине, родной в человечности, явственно проступала самая задушевная поэзия, которая едва ли сравнится по силе воздействия с любыми прелестями поэзии будущего, какие бы радужные перспективы ни воплощались в ней. Угнетающее впечатление оставляла потеря «живого вида» памятников, в бездушии закрытых армейскими казармами, безобразными сараями и унылыми доходными домами. Н. К. Рерих ясно видел опасность пренебрежения национальным русским достоянием — умирала благословенная старина с ее отлаженными веками обычаями и образом жизни, люди лишались той питающей дух красоты, «дива дивного, веками им взлелеянного», что от века облегчала им трудности жизни. И вот уже печальный результат: старина народная рассматривается лишенными национальных корней людьми под углом сомнительных ценностей современной цивилизации. Она равнодушно оценивалась теперь как огмрающий пережиток. Отходили все далее в былое исконно народные протя-

женно певучие песни, красочные костюмы и вихревые танцы, а легкомысленное общество и не думало, как в новых условиях сохранить старину, этот изначально надежный оплот традиционной жизни, питательной почвы науки и искусства России. Н. К. Рерих указывал путь преодоления грозных для народа русского опасностей: задачи сохранения бесценного национального достояния требовали живого в заинтересованности единения ученых и художников, зодчих и писателей, энергичной организации творческих движений, кружков «ревнителей старины», решительного поворота образованных и чутких людей страны ко всему высокому и значительному в культуре Руси, беспощадного высмеивания «сухарей-археологов и бесчувственных педантов».

Памятники культуры России рассматривались Н. К. Рерихом как «лучшие устои государства», как «оплот народа» и напоминание ему высоко благородных достоинств его же собственных духовных устремлений не в столь уж отдаленном прошлом. Он был уверен в том, что сбереженные с сердечной заботливостью культурные ценности обусловят в предстоящем все самое основополагающее в жизни русских людей: просвещение, духовное вдохновение и радость созидания. Они же представлялись Н. К. Рериху объединяющим началом при общении народов, сведенных в одну семью Русью, поскольку призваны были способствовать дружбе, рассеивать недоразумения, умирять проявление человеческого невежества, возрождать «заснувшие пути творчества». Это и обуславливало пафос призыва Н. К. Рериха ценить «прекрасное с сердечной заботливостью», трепетно охранять его от ужасающих разрушений. Циничный нигилизм в отношении культурного наследия был ему отвратителен и неприемлем. Истоки русского национального духа всегда оставались для него священными и неприкосновенными. В них Николай Константинович видел самое бесценное — душу сво-

его народа, познать которую можно было лишь с открытым и радостным сердцем, без снобистской надменности и предубеждений. Сокровенно национальные черты искусства России Н. К. Рерих определял как самое ценное, жизненное и мощное в нем, что прежде всего и приковывало всегда жгучее внимание за рубежом к художественному творчеству русских. Для него абсолютно невозможно было чужое ему по духу «русло», неуместны указы со стороны, а тем более странное стремление увести его на «проторенные колеи» иноземцев. «Русская сущность» в национальном искусстве — народность, прекрасные и величественные, несказанные и неизреченные образы его, «чаша неотпитая», по образному определению Н. К. Рериха.

Русское искусство и культура рассматривались Н. К. Рерихом как уникальное явление, многогранное и увлекательное. Оно виделось ему как «богатейший конгломерат», «сведенное воедино сокровище» великой страны, которая с глубокой древности создавалась в тесном общении множества народов, населявших Русь в западных и восточных ее пределах. Культура России из-за очевидной ее оригинальности, своеобразия и значительности требовала тщательного и всестороннего изучения. Только в таком случае можно было надеяться на справедливость оценок, лишенных как восторженно поверхностных суждений, так и «самоличного оплевывания». Восторженное преклонение перед культурой и искусством Руси от основания ее, счастливо раскрываемого археологией, и вплоть до современности сохранилось у Н. К. Рериха до последних лет жизни. Свидетельство тому — многозначительно емкие в программности содержания строки из письма И. Э. Грабарю, написанного 16 апреля 1946 г.: «Русская великая культура мне была всегда близка. Как ты знаешь, кое-кто даже преследовал за любовь к красотам русийским. И это было не сусальное «Ой ты, гой еси», а знание о том, какие

сокровища захоронены в скрынях народных. С народом мы постоянно общались, а археология давала новый неоспоримый материал — истинную основу».

Восторженно романтическое с детских лет увлечение археологией заслуживает столь же пристального внимания при размышлениях о причинах устремленности Н. К. Рериха к странствиям по землям России, а затем и по бескрайним азиатским просторам. И тут следует упомянуть хотя бы два обстоятельства, которые зародили у него неугасимую любовь и душевные влечения к древностям. Причиной тому были прежде всего сами памятники старины — необъяснимо странные в таинственности и манящие вечной загадочностью «бугры», могильные холмы, что образовывали на удивление обширные погребальные поля вблизи почти каждого поселка, соседнего с Изварой, где прошло его детство. Они стали в особенности неодолимо привлекать к себе (и это было второе обстоятельство), когда, к счастью, именно в этих местах, за исследование курганов энергично принялся профессиональный археолог А. А. Ивановский. Так увлечение историей, а вместе с нею тоголевской «исторической фантастикой» и географией счастливо совпали у Н. К. Рериха по времени со знакомством с археологией, захватившей его позже всего без остатка и навсегда. Соприкосновение в реальности с подлинными предметами, извлеченными из земли, наполнило юношу особым чувством очарования. «Не передаваемую словами прелесть трепета давних веков» ощущал он, благоговейно осматривая и перебирая извлеченные из гробниц заржавленные мечи, позеленевшие бронзовые браслеты и перстни. Стоит ли поэтому удивляться тому, что ему вскоре страстно захотелось и самому попробовать найти «занятные металлические изделия» древних людей. Это и было вскорости осуществлено, несмотря на укоризненные увещевания озадаченных неожиданным увлечением домашних. Первые удачи в раскопках

закрепили привлекательность познания старины, бережно сокрытой землей. Захватывающие поиски велись каждое лето по окончании очередного класса гимназии, и никогда не случалось того, чтобы не удавалось найти «нечто весьма увлекательное». Обнаруженные при раскопках курганов «сокровища древностей русских» не хранились дома — находки юного Н. К. Рериха регулярно пополняли фонды гимназического музея.

Несмотря на исключительную загруженность сначала учебной, а в последующем художественным творчеством и работой на общественной ниве, Н. К. Рерих никогда не оставлял в забвении свою первую в занятии науками страсть — археологию. Успехи в раскопках и разведывательных поисках оказались (к немалому сюрпризу родных) столь значительными и профессионально безукоризненными, что еще в университетские годы известные в Петербурге археологи А. А. Спицын и С. Ф. Платонов без колебаний рекомендовали его для вступления в Русское археологическое общество, в котором он впоследствии удостоился быть в ранге редкостном — почетным пожизненным членом. Усердно посещая занятия Славянского отделения общества, а затем (и это примечательно) Восточного его отдела, Николай Константинович близко сошелся в них с большей частью видных представителей русской археологической школы. Завязались также тесные знакомства с востоковедами, в частности с академиком Б. А. Тураевым и обычно председательствующим на заседаниях Восточного отдела бароном Розеном. Авторитет Н. К. Рериха в археологических кругах был, судя по всему, весьма высок, что и подтверждают командировки для изучения новгородских, тверских и псковских древностей, в которые направляла его Императорская археологическая комиссия, позволяющая проводить в стране исследования памятников старины только лицам, удостоенным высокого доверия.

Удачные поиски древних становищ, что порой приводило к открытию их в местах, совершенно неожиданных, позволили Н. К. Рериху-художнику понять, сколь широка была душа и как необычайно остро чувствовал прелесть природы древний человек. Ему при выборе мест для стоябищ явно были милы возвышенные участки, откуда открывались для глаз беспредельные, заманчиво синюющие дали и где торжествующе гудел в ушах упругий ветер. Тут, в безлюдье укромных мест, у Н. К. Рериха поневоле возникали мысли о том, как все же ленив и нелюбопытен стал в поисках природной красоты человек современной цивилизации по сравнению с теми, кого он зачастую высокомерно называл дикарями. А ему-то по сердцу не случайно были приятны свободный простор и отблески серебристых изгибов рек или широких водных зеркал северных озер. Но было и так, что нелегкие, как следовало полагать, жизненные обстоятельства вынуждали предков уходить в глухие лесные трущобы с болотами, ломняком и буераками, где дух захватывало от ужаса при мысли об условиях жизни в тех местах в давние времена.

Как это, быть может, ни покажется странным, но наибольшее волнение у Н. К. Рериха вызывали «прикосновения» к очень специфическим и далеко не всем понятным изделиям, связанным с культурами каменного века. В этой связи заслуживает упоминания прежде всего одно из интереснейших открытий, сделанное при раскопках стоябища новокаменного века на берегу озера Пирос. Речь идет о неожиданном обнаружении Н. К. Рерихом среди огромного количества обработанных кремней предметов искусства — человекообразных фигурок. Заметить подобные скульптуры в груде бесформенно оббитых камней и оценить их по достоинству мог лишь человек творческого поиска, лишенный профессиональных предубеждений, богато наделенный даром художественного воображения. Подтвердить ска-

занное можно, обратившись к довольно курьезной истории, связанной с этими необычными находками. Один из выдающихся русских археологов начала века Н. И. Веселовский публично объявил на заседании археологического общества, что скульптуры с озера Пирос невозможно оценить иначе, как подделки. Поскольку никто из участвующих в «собрании» не подумал возразить, то Н. К. Рериху пришлось самому выяснять, чем вызвано это «совершенно необоснованное суждение». Вопрос был поставлен ребром: если фигуры из камня подделаны, то кто несет за это ответственность? Самоуверенный Н. И. Веселовский, не допуская, судя по всему, возможности изготовления из камня подобного рода предметов искусства, ответил, по существу, оскорбительно: «Мало ли кто, может быть, рабочие подбросили».

Последующие события, однако, показали истинные мысли и намерения Н. И. Веселовского. Вопреки элементарным правилам этики, он на следующий год отправился с группой студентов на стоянку, которую копал Н. К. Рерих, и обнаружил в ходе работ новые экземпляры изготовленных из кремня скульптур. Нимало не смущаясь, мэтр от археологини вскоре представил свое открытие предметов искусства как событие, бесспорно выдающееся. Н. К. Рерих поступил в полном соответствии со своими нравственными принципами — докладчику был без обиняков задан вопрос о том, какую же оценку скульптурам с озера Пирос следует считать как истинную: прошлогоднюю, когда речь шла о чужих находках, или теперешнюю? Н. И. Веселовский, очевидно, задетый за живое дерзостью и претензиями на приоритет любителя от археологии, стал говорить о том, что уж обнаруженные им-то скульптуры не поддельные, это точно. Н. К. Рериху пришлось про себя с прискорбием признаться в потере уважения к человеку, претендующему по соображениям никчемного тщеславия на лидерство в русской археологии, а также к тем, кто по

робости не стал на защиту справедливости и истины, попорченной всесылльным авторитетом.

Страсть к познанию самых начальных страниц истории человечества, отраженных в каменных инструментах и предметах искусства, объяснялась Н. К. Рерихом просто. Его, как художника, восхищала радужно многоцветная красота и звонкая податливость обработке самого материала, из которого изобретательные первобытные люди изготавливали всевозможные изделия. Радость его, высокого творца в искусстве, вызвала также изумляюще совершенная (до шегольского изящества) техника обработки каменного сырья. Она была тончайшей, неповторимо легкой, навевающей мысли о неразгаданности волшебных приемов забытого ремесла далеких предков. Красота и совершенство каменных изделий, а также знания, которые Н. К. Рерих интуитивно усматривал в их многозначительных особенностях очертаний и предназначениях для труда, свидетельствовали, по его мнению, о том, что именно эти качества определяли просвещение, счастье и прогресс человечества со времени начальных стадий становления его. Поэтому-то красоту и знания Николай Константинович и определял как «основу культуры» и «двигатель истории». В свою очередь знания прошлого через древние источники, будь то даже невзрачные остатки каменного века, открывали возможность для преодоления отжившего старого и «уверенного построения» нарождающегося будущего.

Особого внимания заслуживают раздумья Н. К. Рериха о «поражающей тождественности» и «таинственной международной» культур каменного века, которые он усмотрел в озадачивающе одинаковых приемах обработки пригодных для раскалывания кремнистых пород и в типах инструментов, что отличаются явно уравновешенными пропорциями. Такого рода глубокая по смыслу идея возникла у него при «почтительных и лю-

бовных сопоставлениях» каменных орудий, найденных в России, с изделиями «неисчислимых тысячелетий», которые он любовно собирал всюду, куда только ни заносила его судьба художнического странника: в Италии, Франции, Бельгии, Швейцарии, Венгрии, Египте и США. Важно при этом подчеркнуть, что в удивляющем и профессионалов сходстве культур каменного века Н. К. Рерих усматривал не следствие миграций, контактов или взаимовлияния близких и отдаленных народов древности, как предпочитали решать эту проблему знатоки первобытности, а результат «одинакового выражения человеческих чувствований» и «тождества человеческих выражений». В каменных инструментах, для кого-то из специалистов удручающе примитивных и однообразных он прозорливо видел изумляющий пример глубинного единства всех людей Земли. Оно проявлялось, по его мнению, «в общечеловечности творчества» и «единообразии творческого выражения», обусловленных врожденным в людях «чувством красоты».

Четкое отражение того и другого в материалах культур каменного века Старого и Нового Света позволило Н. К. Рериху усомниться в справедливости живого до сих пор постулата археологов о «дикости» людей каменного века, близкой уровню этнографических «вырожденцев-дикарей». Такие представления он решительно оценивал как оскорбительные, вызванные пренебрежительным отношением к изучению своеобразий каменного века, что и подтверждалось, в частности, слабой изученностью ранних культур России. Эпохе каменного века действительно требовалась, по его мнению, «справедливая оценка», а культуры того времени заслуживали «глубокого узнавания», ибо, как был убежден Н. К. Рерих, именно в них следовало отыскивать преданные забвению «великие мудрости древних», которые лишь частично сохранились в шаманизме, а также в иных архаических верованиях. Он при-

звал творчески мыслящих археологов не смущаться, что едва ли им удастся когда-либо узнать точно — как говорили люди каменного века. Все окупится сторицей тем, что при точно выбранном акценте исследования познается красота их мышления. А потому Н. К. Рерих вполне убежденно считал, что для должного понимания истоков культуры Руси нужно обратиться к самому серьезному изучению проблем каменного века, в которых следовало искать ответ на сакраментальный вопрос: чем объясняется «международность мысли и воли» древнейшего человечества? В программу изучения каменного века он включил еще один неординарный аспект — биологию и психологию в свете познанного в культурах первобытности. Можно лишь сожалеть, что такое направление поиска остается до сих пор вне внимания археологов, все еще по старинке изучающих каменный век без устремления к познанию «великих мудростей» далеких предков.

Сам Н. К. Рерих показал образец творческого подхода в исследованиях по археологии. Эта отрасль истории определялась им как «живая, нужная для всех соображений наука». Он тонко и вовремя уловил, что развитие ее требует зачастую значительных обновлений и пересмотра сложившихся ранее стереотипов мышления исследователей ради формирования более соответствующих новым фактам концепций развития культур первобытности. Так, переоценка оказалась необходимой в постулате подразделения их на эпохи камня, бронзы, железа вследствие выявления археологами сведений о сосуществовании памятников этого времени. В связи с этим далеким от привычного заключением Николай Константинович призывал смелее сближать и сопоставлять находки в самых неожиданных сочетаниях, что открывало особо плодотворные возможности для новых выводов. Он учитывал и то обстоятельство, что пережитки давних периодов оказывались порой характерны-

ми даже для нового времени, когда отставшие в развитии племена продолжали настойчиво использовать в своем хозяйстве каменные инструменты, поддерживая на должном уровне технологию обработки кремнистых пород. Но так было и в древности. Принятие на вооружение такой смелой идеи позволило Н. К. Рериху не ошибиться в определении неолитическим временем найденных им на северо-западе России архаически выглядящих изделий, которые лидеры французской археологии древнекаменного века Г. де Мортилье, Л. Капитан и Р. де Прекур датировали при демонстрации их в Париже значительно более ранним возрастом. Ту же ошибку и по тому же случаю допустили также участники конгресса доисториков Европы в Перинге, когда им были показаны коллекции обработанных камней из России. В этой связи Н. К. Рерих, демонстрируя поразительную осведомленность в вопросах весьма специальных по археологии палеолита, обращал внимание на «приблизительность» выделения орудий так называемого солютрейского типа, что находили при раскопках в самых неожиданных местах. Он предостерегал исследователей из-за «однообразия узкотехнических приемов» изготовления орудий из камня от уверенного вывода об истинном возрасте изделий. Поэтому Н. К. Рерих призывал археологов к осторожности и отказу от натужного придумывания «множества теорий», которые были обречены оставаться не более чем малоубедительными предположениями.

В той же мере сказанное по поводу возможности долгого переживания одних и тех же типов каменных инструментов Н. К. Рерих соотносил с проблемой датировки наскальных изображений. «Подобность» техники нанесения их на протяжении длительного времени, а также сходство «ритуальных мотивов» рисунков ставили часто в тупик археологов при попытках хронологически расчленить композиции. Еще более сложной по

справедливости видел Н. К. Рерих задачу понимания, что именно в древнем искусстве определялось целью украшения, а что «общественностью жизненных заданий». Это глубокое по смыслу подразделение оценок сущностной стороны первобытного художественного творчества он всецело относил и к образцам искусства наскального, а также пещерного. Какого типа человек мыслил, как и о чем мыслил — вот проблемы, которые он считал достойными раскрытия готовым отрешиться от догм археологов. Речь шла о расшифровке и понимании информации, сокрытой как в оббитом камне, так и в образах художественного творчества далеких предков. «Погружение в протекавшую жизнь» считалось им самым достойным действием того, кого душа влекла к изучению древностей.

Н. К. Рерих, обращаясь к археологии, любил подчеркнуть значимость и актуальность этого, как будто столь очевидно отстраненного от забот и тревог современности, отдела исторической науки. В археологии он видел не только лишь вспомогательную дисциплину для познающего прошлое через бранные и часто скудные остатки материальной культуры, а великого «пособника в очень многих научных и общественных соображениях». «Но каких же именно, позвольте спросить?» — такой нескрываяемо раздраженный, с ироническим подтекстом вопрос можно услышать и теперь от кого-нибудь из легиона сугубых «прагматиков». Вот как на подобного рода нигилистический скептицизм и укоренившиеся сомнения отвечал Н. К. Рерих: археологические находки, будь то всевозможные изделия, типы орнамента или находки, раскрывающие культово-ритуальные или бытовые детали жизни предков, из-за сходства их можно использовать как сильный аргумент мысли, очень значительный, — единства рода людского, «общности общечеловеческих чувствований», давности взаимосвязи народов, иногда весьма отдаленных друг от друга. Археоло-

логию Н. К. Рерих оценивал как «печать мирных сношений», вещественно подтверждающую «добродетельство», «мирные преуспевания», возможность и необходимость «грядущих договоров, сердечных и непререкаемых». Она была для него и предостережением (при виде печальных развалин) от зла «завоевательной ярости», опасности «злости и темного человеконенавистничества», немым призывом к мирным обменам и «преуспеянию». Так археологию, нареченную «печатью древности», Николай Константинович превращал в мощное оружие для обеспечения мирного продвижения в грядущее.

Теперь настала, наконец, пора обратиться к одному из самых главных стимулов организации экспедиции Н. К. Рериха в Азию, в том числе в пределы громадной по размерам русской части ее — в Сибирь. Он, как руководитель очередного «похода на Восток», с давних пор мучительно раздумывая о нелегких судьбах становления России как мирового феномена, увлекался не только историей, археологией и культурой ее, но и в той же мере и по тем же разделам другими странами Азии, в особенности Индией, Тибетом и Монголией. Причина тому была весьма существенная — не простое любопытство или вполне понятная жажда расширения кругозора человека, неутомимого в познаниях, а неотступное стремление отыскать там, в далеком и туманном азиатском далеке, в глубинах континента, отсветы «неожиданных наслоений в лике русской действительности». С годами, по мере расширения знаний по истории, культуре и искусству Древней Руси, Н. К. Рериху все более верной и плодотворной представлялась идея, что именно оттуда, с Востока, из его потаенных недр, пришли к славянству сокровища древнейших культур Азии. Он думал, что характер русской национальной культуры не мог быть до конца понят никем без серьезного учета контактов и взаимовлияний народов России и Востока.

Прелесть родного пейзажа и влекущие запахи родной земли, великое предназначение ее мудрого народа, «сокровищница русская, повитая всеми дарами мудрости Востока», — вот темы, которые постепенно захватили воображение, творчество и думы Николая Константиновича. Интерес его к Азии был пробужден еще в ранние годы захватывающими сюжетами богатырского эпоса Монголии и разговорами о драгоценностях этой далекой страны. К размышлениям взывали уходящие в глубь веков животворные связи России с Востоком, которые, как считал Н. К. Рерих, не нашли еще должной оценки у историков культуры и философии. Азию он мыслил «истинной скрынью», в коей заключалось слишком многое из культурного наследия Руси, чтобы оставить в пренебрежении устремление своего сердца к Востоку. Поэтому всестороннее изучение Азии очень рано стало для него жизненной задачей, требующей не прекраснодушных размышлений, а активного разрешения. Тогда-то и появилось жгучее желание, чтобы «сокрытое стало открытым, заинтересованным, освоенным». В правильности такого видения становления Руси Н. К. Рериха убеждали неоднократно беседы о том же с В. В. Стасовым, увлеченным мыслями о глубоких связях культур России и Востока. Русь одинаково виделась тому и другому тем «светлым местом», где прежде всего плодотворно осуществлялись «встречи культур и народов Запада и Востока» и где в давно прошедшем можно было ясно усмотреть ожидаемое грядущее. Последнее обстоятельство как раз и вдохновляло на странствия, при свершении коих следовало надеяться на зримое соприкосновение с тем, что выплеснулось некогда из Азии на Запад.

Н. К. Рерих призывал к отказу от односторонности взгляда в оценках нашествий с востока как только мрачных в кровавости погромах. Участвующие в походах на запад «дикивинные люди» были, настойчиво уверял

он, детьми, вскормленными «таинственной колыбелью Азии». Они несли с собой неоценимые дары культуры народов великих стран: Китая, Тибета, Индии, а также Центральной Азии, их прекрасные и тонкие украшения, а также полные волшебных слов сказки о поражающих чудесах Востока. В этом движении великих кочевых народов «от моря до моря» Н. К. Рерих видел не жажду завоеваний и разрушений, а «ненасытную устремленность» человечества к новому, стремление к познанию природных богатств и восхищение ими. Искания мысли и духа неутомимо вели людей вперед, позволяя успешно преодолевать самые сложные преграды и трудности. «Оздоровляющими движениями», так оригинально называл он грандиозные кочевничьи миграции из Азии, ибо был убежден, что ими обуславливались «бесценные накопления»: невиданно расширялся кругозор рискнувших отправиться в походы, щедро обогащалось их воображение, изощренными в проникновенности становились ум и взгляд на мир, фантастическим многоцветием разгоралось художественное творчество. В свете этих мыслей одним из «приобретенных сокровищ» представлял Н. К. Рерих изделия из бронзы, которые археологи издавна оценивали как предметы искусства звериного стиля. Оно, это искусство, по соображениям его, пронизывало все стороны жизни обитателей посеребренного ковылями пояса степей Евразии, находя отклики и отражение в священных ритуалах, в причудливых узорах на одежде, обуславливая вдохновенные победы в сражениях и творческую созидательность в годы умиротворений.

3. Во исполнение желания

Но как приступить к осуществлению задуманного? Один из путей был традиционным — усердное штудирование книг, регулярное посещение музеев и выставок,

консультации у специалистов. Такой выбор, однако, как считал Николай Константинович, не давал ему должного права на достойное «изображение Азии». Для этого требовалось собственное видение ее в живой реальности и накопление по возможности большего числа «впечатлений действительности», того бесценного, что могло придать так необходимую в художественном и научном творчестве «магическую убедительность» тому, о чем предстояло поведать миру любопытствующих и размышляющих. Следовало поэтому решиться самому отправиться в таинственные области «безмерного материка Азии», чтобы можно было въяве «погрузиться» в нелегкое познание премудростей восточных философий и культур коренных его народов, отыскать характерные для них памятники старины, узнать, сохранились ли следы давних миграций, послушать, как звучат легенды и сказания, и записать их, собрать этнографические и письменные источники, вскрыть общие корни евразийских культур, удостовериться в преемственности традиционного в жизни и быте современности, выявить намеки на давние взаимодействия и связи людей, разделенных необозримыми пространствами. Все это постепенно встраивалось в каркас плана грандиозного путешествия «по дебрям Азии». Н. К. Рериха влекла в манящий «индийский путь» мечта «сердечно ощутить» духовное родство народов Евразии, побывать в странах, где, по давним преданиям (как будто и впрямь подтверждающим странные для иных деятелей науки рассуждения В. В. Стасова), находится таинственный «земной рай», край ослепительного света, затмевающего блеск Солнца, «обитель мудрых старцев, уподобившихся божьему сыну, земля Беловодья старообрядцев XVII века, священная мировая гора индусов Меру, источник счастья человечества, загадочная страна бессмертия и справедливости Шамбала», туманные повествования о которой издавна исходили из уст обитателей Централь-

ной Азии и Тибета. Где-то там же, по поверьям средневековых рыцарей Европы, следовало искать и таинственную чашу Грааля, символ героического посвящения и самоотверженного служения долгу.

В задуманной научной программе значительное место отводилось посещению Сибири и ознакомлению с ее природой, людьми и культурой, как давней, так и современной. Сибирь была для Н. К. Рериха той окраиной Азии, откуда на равнины России начались «шествия» устремленных к западу народов. Это они, пришельцы из Сибири и Средней Азии, оставили в европейской части страны столько разнообразных памятников, что обилие их наводило его на мысль о почти «космичности» явлений людских миграций». Они-то, по мнению Николая Константиновича, и принесли на Русь «обновленные формы жизни», а в культуре ее земель — наслоения самые неожиданные, без учета которых не понять причудливый для европейцев Запада лик и образ жизни русских. Какая еще страна могла гордиться таким множеством наречий теперь, а сколько их звучало в бескрайних степях юга Руси во времена первобытности, когда грозно накатывалась из Сибири в ее просторы одна неудержимая волна людского потока за другой! Север Азии, надо думать, сохранил часть этих давних наречий, а также осколки культур прошлого. Именно потому она неотступно и влекла к себе Н. К. Рериха.

Вся жизнь членов его семьи, что предшествовала задуманному странствию на Восток, проходила после принятия твердого решения в подготовке к этому впечатляющему научно-культурному предприятию. Равного ему в разносторонности замыслов не было, пожалуй, ни раньше, ни позже как в среде отечественных, так и зарубежных путешественников. Проект задач экспедиции оказался в конечном счеде столь значительным и обширным, что невольно требовалась специализация по

интересам. Оно, подразделение это в пристрастиях к определенной части общего дела, сложилось, между тем, счастливо и как-то само собой: глава экспедиции и семейства Н. К. Рерих стал объединяющим все устремления началом; Е. И. Рерих постигала учения восточных мудрецов; сын же Юрий свой выбор сделал еще в первых классах гимназии — Восток, востоковедение. Учитывая выдающуюся роль, которую ему предстояло сыграть в Центральноазиатской экспедиции, стоит сказать о нем чуть подробнее. Яркое выраженное влечение юноши к Востоку, к его сказочно богатым истории и культуре, полным для него непередаваемого очарования, как и желания заниматься языками, историей, археологией и этнографией народов Азии, возникло, несомненно, под сильным и благотворно направляющим влиянием Николая Константиновича. Ничего удивительного в том не было: Юрий с детских лет видел в стенах родного дома крупнейших русских востоковедов. Здесь он впервые услышал также оживленные разговоры о специфических мотивах Востока в русской литературе и живописи, о востоковедении как важнейшей составной части культуры России. Среди гостей можно было встретить и даже при достатке смелости поговорить с человеком, совсем уж необычным по облику, занятиям и рангам, — с бурятом-эрудитом Агваном Доржиевым, доверенным лицом далай-ламы и чрезвычайным посланником Тибета в России! Не раз ему приходилось быть свидетелем жарких дискуссий взрослых о путях синтеза культурных традиций Востока и Запада. Именно в этом единении Н. К. Рерих и его собеседники усматривали, как можно было понять, выход из тупика, в котором оказалась цивилизация Европы, и без чего, горячились обычно спорящие, был определенно невозможен поиск новых путей в искусстве. Восток виделся семейству Рерихов и его ближайшему художественному и научному окружению той мифической «землей

обетованной», где людям удалось создать истинно гуманистические ценности, которые служили человеку, облагораживая и совершенствуя его. Вот тогда-то, очевидно, и начали зарождаться у старших Рерихов первые ростки мечтаний когда-нибудь попытаться самолично прикоснуться к «таинственной колыбели человечества», для чего и следовало побывать в Индии, Сибири, Центральной Азии и Тибете.

Отметив все сказанное, следует к тому же учесть то счастливое обстоятельство, что русское востоковедение со всеми его многочисленными отраслями достигло как раз в конце XIX — начале XX века особенно впечатляющих успехов. На небосклоне русской науки звездами первой величины сияли тогда имена Б. А. Тураева, Б. Я. Владимирцова, И. Ю. Крачковского, В. П. Васильева, Ф. И. Щербатского, П. А. Коковцева, В. С. Голенищева-Кутузова, С. Ф. Ольденбурга и В. В. Голубева. Они являли собой гордость не только русского, но и мирового востоковедения. С одним-то из этих ученых, близким другом семьи, известным монголистом А. Д. Рудневым, Ю. Н. Рерих и приступил, будучи еще гимназистом, к изучению монгольского языка и литературы. Основы египтологии постигались им с той же поры при помощи выдающегося знатока и исследователя древнейших цивилизаций Ближнего Востока Б. А. Тураева. Можно по такому случаю сказать: удивительное по везению начало жизненного пути! Но дело было отнюдь не только в случайностях обычно капризного в жизни везения. Юношу отличали (и это было не менее важно) исключительные трудолюбие и целеустремленность, удивительно рано проявленная способность проникновения в глубинную сущность культур и искусства Востока и, конечно же, ярко выраженные научные дарования, которые так редко можно совместить в одном лице. Блестящее образование, которое получил Ю. Н. Рерих, свободное владение английским, фран-

цузским и немецким языками рано открыли ему доступ к новейшей западно-европейской востоковедческой литературе, а эффективные достижения отечественного востоковедения послужили превосходной ступенью для его собственных, оригинальных в направленности, научных исследований. И все же можно уверенно утверждать, что главную роль в благожелательной судьбе Ю. Н. Рериха сыграло однажды принятое отцом смелое решение «пройти индийский и центрально-азиатский пути».

Встреча Н. К. Рериха, который работал тогда над индусской серией панно «Сны Востока», с «гигантом мысли и прекрасных образов» Рабиндранатом Тагором, состоявшаяся в Лондоне в 1920 г., тоже определила многое в последующих событиях. Известный всему миру литератор, философ и активный общественный деятель Индии оказался близким по духу Николаю Константиновичу. Им было о чем поговорить, ибо это было время значительного расширения и углубления в творческих исканиях художника так называемого «восточного направления». Тогда же он в поисках особо значительных истин зачитывался книгами восточных мыслителей, прилежно постигал систему взглядов мудрого Свами Вивекананда. Именно в ту пору в лондонской мастерской на Квинсгэттереас великий поэт и мыслитель Индии Рабиндранат Тагор высказал, укрепив уверенность своего русского друга, сочувственное отношение к его дерзким планам путешествия по Азии. Что касается сына его, то вряд ли в свете этого следует считать случайностью поступление Ю. Н. Рериха в следующем, 1921 г. в известную своей основательной подготовкой Школу восточных языков индоиранского отделения Лондонского университета. Юрий Николаевич сознательно и с полной отдачей сил стремился стать надежной опорой отца в одном из величайших научных предприятий россиян первой четверти XX века.

Со свойственной ему фундаментальностью он приступил вначале к изучению санскрита, занятия по которому проводил профессор Д. Росс, а затем с тем же рвением к овладению персидским языком. Тщательная лингвистическая подготовка была затем продолжена в 1922 г. в США, в Гарвардском университете под руководством санскритолога профессора Г. Ланмана. Ю. Н. Рерих в том же году окончил здесь отделение индийской филологии и получил степень бакалавра. Помимо санскрита он освоил также пали и китайский язык. В 1923 г. Рерих-младший блестяще окончил Школу восточных языков при Сорбонне, где он оттачивал до совершенства свои знания санскрита, иранских языков, а также китайского, монгольского, тибетского, ряда живых языков Индии и, кроме того, греческого и латыни. Среди его парижских наставников следует назвать прежде всего знаменитого Поля Пелльо, благодаря которому он, по уверениям аборигенов центрально-азиатских степей, говорил по-монгольски, «как рожденный в юрте кочевник». Знаменитая Сорбонна удостоила Ю. Н. Рериха за его успехи в науках степени магистра индийской филологии. Что ж удивляться тому, что, когда 17 ноября 1923 г. пароход «Македония» покинул рейд в Марселе и взял курс на восток, к берегам Индии, на палубе судна плечом к плечу с Рерихом-старшим стоял и Рерих-младший, который сделал все, чтобы в предстоящие десятилетия быть ближайшим помощником отца в делах исключительной сложности. Знание живых языков Востока призвано было помочь ему в установлении непосредственных и доверительных контактов с представителями разных народов Азии, а многогранность его интересов как историка и археолога, филолога и этнографа — в проникновении в святая святых тайн восточно- и центрально-азиатских цивилизаций.

...Пять лет искала пути к «сердцу Азии», бережно

«сохраненному пустынями», экспедиция великого художника и сына России Н. К. Рериха. И опаленный солнцем таинственный Восток отвечал на этот искренний порыв русских путешественников открытыми изъявлениями чистосердечной приязни и дружелюбия. Поднимаясь потом на вздыбленные вершины Гималаев и проходя по раскаленным пескам Туркестана и суровым каменистым тропам Тибетского нагорья, спутники Н. К. Рериха, казалось, снова и снова слышали тот первый доброжелательный возглас «Урус карош!», которым их простодушно приветствовали толпящиеся у набережной жители Порт-Саида. Здесь, у «дальних ворот Азии», началась полная коварств тропа их многолетних странствий. Слева неприметно сливался с дальним горизонтом подернутый изумрудно-жемчужной дымкой легендарный Синай, чуть дальше нежно розовели пески безводной и безжизненной пустыни, а впереди расстилалась слепяще синяя гладь библейского Чермного моря с витиевато причудливыми узорами очертаний берегов аравийских заливов. Ночью того же дня из крошечного мрака подал сурово предостерегающий знак ожидаемых трудностей пути огненный вулкан Стромболи. Так вот он какой, Ближний Восток, западная окраина Азии! Радужные обитатели его, оказывается, не менее красочно картинны: бело-голубая, с торжественно ниспадающими складками одежда, смуглые лица, улыбки, ослепляющие жемчугом зубов, и эти, кажется, долго звучащие в воздухе дружелюбные приветствия: «Урус карош!»

Хорошим, в самом деле, выдалось начало странствий!

Можно не сомневаться, что эта первая и потому особенно затронувшая потаенные струны души встреча с Востоком уже не по книгам, а напрямую — лицом к лицу навеяла, очевидно, Ю. Н. Рериху воспоминания о его давних детских годах. Быть может, сходное воспом-

нилось и Николаю Константиновичу. Впрочем, эти «давние детские годы» были у сына не столь уж, признаться, далекими, как у отца: ведь тогда, в конце ноября 1923 г., когда пароход «Македония» с дружным семейством Рерихов на борту торжественно вплывал в теплые салатново-зеленые воды Суэцкого канала, ему исполнился всего 21 год. В тревожно ожидаемом предстоящем он не был готов только, пожалуй, к одному — к встречам (из-за отсутствия опыта) с тяготами путешествий по горным кручам и долинам гигантского каменного пояса юга Азии, по бескрайним просторам степей и пустынь срединной зоны великого континента. Но, как показали последующие события, трудности тысячемильных переходов Юрий Николаевич преодолевал с той же стойкостью и самоотверженностью, с какой прежде упрямо постигал премудрости санскрита, индологии и тюркологии, иранистики и монголоведения, тибетологии и головоломных ребусов китайского письма.

...От шумного Бомбея до сокрытого горами Сиккима, где под городом с колокольным названием Дарджилинг в доме Талай Пхо Бранг предстояло организовать постоянную базу экспедиции, пролегли первые тысячи километров пути отважных «посланцев Запада на Восток». Потребовалось, однако, еще полтора года, пока наконец в марте 1925 г. они начали движение на север, к Центральной Азии, где им предстояло «прикоснуться к таинственной колыбели человечества». Далее начался путь к границам России.

4. Великие предшественники

Поход в пределы Сибири был для Н. К. Рериха и его спутников долг и труден. Но, прежде чем обратиться лишь к немногим страницам этого увлекательного сюжета, уместно сразу же подчеркнуть главное: экспедиция Николая Константиновича осуществлялась в

духе лучших традиций русской науки, многие деятели которой с давних времен стремились к комплексному изучению природы, людей, культуры и истории зарубежной Азии. В этом смысле задуманное им представляло собой одно из вполне закономерных звеньев в цепи грандиозных предприятий отечественной науки в Центральной и Восточной Азии. Ведь русских людей издавна притягивали к себе безбрежные, утопающие в волнах жаркого марева, просторы Монголии и Восточного Туркестана, подпирающие голубое небо пики сурового Тянь-Шаня и неприступного Памира, гордо вздыбившиеся хребты Гималаев и монументальные твердыни Тибета. Их с первых экспедиций вела в неизвестность неутомимая жажда познания земель и народов, с незапамятных времен соседствующих с Россией на востоке и юге Азии. Достаточно упомянуть лишь самые известные из русских научных предприятий, осуществленных до экспедиции Н. К. Рериха, чтобы уяснить, насколько интерес русской географической науки и этнографии к изучению Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии был естественен и традиционен.

Напряженные исследования россиянами центральных районов Азии охватывают два столетия. Блестящие достижения отечественной науки в области геолого-географических и флоро-фаунистических описаний этого интереснейшего региона континента, выполненных большей частью впервые в мире, выдающиеся успехи в решении важнейших проблем истории, этнографии, филологии, экономики и культуры обитателей степных, пустынных и горных частей Срединной Азии, поистине впечатляют. Не случайно английского путешественника Дугласа Каррутерса, который в начале века отправлялся в путешествие по Центральной Азии, поразили масштабы уже проделанной к тому времени работы: «В ряду известного об исследованиях нет более захватывающей главы, нежели повествование об изучении рус-

скими Центральной Азии и западной части Китая. Это было всличайшее предприятие, оказавшееся вполне по плечу москвитам. Русский привык все делать в крупном масштабе. Его путешествия чаще всего колоссальны. Н. М. Пржевальский, пионер русских путешественников, покрыл, например, 19,5 тысячи миль пути и употребил на это 9 лет и 4 месяца своей жизни, а П. К. Козлов пересек великую Гоби пять раз в трех различных направлениях. Русские исследования во Внутренней Азии были систематическим предприятием, частью того огромного плана, который был задуман Русским географическим обществом в Петербурге под руководством высокоодаренного его вице-президента П. П. Семенова...»

Здесь уместно будет напомнить, что первые русские исследования Внутренней Азии были предприняты еще в XVII веке, когда в степях Монголии побывали «государевы люди» Василий Тюменец, Иван Петлин и Федор Байков, а крайние западные области Тибетского нагорья первым из европейцев посетил Филипп Ефремов, человек удивительной судьбы. Однако подлинно «золотой век» в изучении Центральной Азии и Тибета наступил приблизительно через столетие. Он характеризовался тщательным изучением древних письменных источников, раскрывающих во всей сложности драматических событий многовековую историю народов Средней Азии. Здесь первое место по праву принадлежит выдающемуся русскому востоковеду Н. Я. Бичурину, автору замечательных трудов: «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», «История первых четырех ханов из дома Чингисова» и «Записки о Монголии». Его перу принадлежат также первые серьезные среди изданных на европейских языках сочинений работы, посвященные Тибету: «Описание Тибета в его нынешнем состоянии» и «История Тибета и Хухунора (с 2282 г. до Р. Х. по 1227 г. по

Р. Х.)». Н. Я. Бичурин с присущей ему тщательностью отобрал, систематизировал и перевел многочисленные письменные источники, содержавшие богатейший материал по истории, экономике, культуре и административному устройству древнего и современного ему Тибета. Европейский читатель впервые получил в свои руки книги, из которых узнал множество сведений о стране, дотоле неведомой и загадочной.

Важно подчеркнуть, что в России изучение прошлого Центральной Азии и Тибета совмещалось с разработкой грандиозных планов полевых комплексных исследований. Для участия в них Русским географическим обществом широко привлекались люди талантливые, беззаветно преданные науке, отважные и предприимчивые, готовые пойти на безграничный риск. Плеяда известных всему миру русских путешественников второй половины XIX века во главе с великим Н. М. Пржевальским показывает, что России талантов было не занимать. Четыре экспедиции провел Н. М. Пржевальский, путешествуя по Центральной Азии и частично захватывая своими маршрутами горную страну Тибет. Уже первая из них, состоявшаяся более полувека тому назад, настолько обогатила мировую науку сведениями о природе и населении восточной части Монголии, Ордоса, района Кукунора и верховьев Янцзы, что имя молодого путешественника сразу же стало известным во всем мире. Последующие путешествия в район Лобнора и к северным границам Тибетского нагорья (Вторая Центральноазиатская экспедиция), по пустыне Хами, Тибетскому нагорью и собственно Тибету (Третья Центральноазиатская (или Первая Тибетская экспедиция), а в 80-е годы по Гоби, Алашаню, району истоков Хуанхэ и Восточному Туркестану (Четвертая Центральноазиатская (или Вторая Тибетская) экспедиция) принесли Н. М. Пржевальскому всемирную славу и всеобщее признание. Русский путешественник оказался на вы-

соте задач, поставленных перед ним географическим обществом. Отличная подготовка, целеустремленность, применение в исследованиях передовых методов, требующих систематических наблюдений и сбора коллекций, сравнительного анализа и обобщений, предопределили его успех. Н. М. Пржевальский первым дал яркое представление о многих районах, не так давно считавшихся «белыми пятнами» на карте Старого Света, нарисовал живые картины быта и занятий корейного населения горных плато Центральной Азии и Тибета. Его отчеты о путешествиях, написанные образным языком, вызвали отклик самых широких кругов читателей как в России, так и за рубежом.

Дело Н. М. Пржевальского продолжили его коллеги и ученики. Третью Тибетскую экспедицию возглавил М. В. Певцов, известный исследователь Джунгарии и Монголии. Он провел работы в Кашгарии и Куньлуне и частично в районе северной части Тибетского нагорья. Затем последовали путешествия В. И. Роборовского, Г. Н. Потанина, П. К. Козлова, В. А. Обручева, Г. Е. Грум-Гржимайло. Успешно осуществляя географические, геологические и этнографические исследования, они покрыли маршрутами большую часть территории Центральной Азии и Тибета. Важно при этом подчеркнуть еще раз, что экспедиции Русского географического общества были комплексными. Помимо решения задач земледельческого характера, русские исследователи уделяли большое внимание этнографии, археологии, истории и современному положению народов Азии. В итоге они сделали ряд открытий мирового класса. Здесь прежде всего заслуживают упоминания уникальные находки памятников с орхонскими руническими текстами (Н. М. Ядринцев и В. В. Радлов), открытие богатых гробниц гуинских шаньюев и средневекового тунгутского города Хара-Хото (П. К. Козлов), scrupulous этнографические наблюдения и описания многочисленных

и разнообразных по типу древних памятников культуры, начиная с каменного века и кончая эпохой Чингисхана и его преемников (Н. М. Ядринцев, В. В. Радлов, Г. И. Боровка, П. К. Козлов, Д. А. Клеменц, В. В. Казакевич, В. Л. Котвич, П. М. Мелиоранский, Н. Ф. Катанов, Г. Н. Потанин, Д. Д. Букиннич, С. Н. Лаптев, П. С. Минхо, Б. Э. Петри).

Если к этому добавить успехи, достигнутые русскими востоковедами и историками в изучении летописных источников по истории Центральной Азии, а также ее эпиграфических памятников (П. Кафаров, В. П. Васильев, В. М. Алексеев, Э. В. Бретшнейдер, В. В. Бартольд, Н. И. Веселовский, С. А. Козин, С. Е. Малов, Б. Я. Владимирцов, Д. М. Позднеев, А. Ю. Якубовский, Г. Е. Грум-Гржимайло, П. С. Попов), то картина давнего и всеохватывающего внимания русских ученых к историко-культурным проблемам Центральной Азии станет очевидной. Что касается Тибета, то особо следует упомянуть путешествие в Лхасу Г. Ц. Цыбикова, подробный отчет которого содержит богатейший материал о культуре, быте и религии тибетцев, а также описание столицы страны и некоторых других ее крупных городов. Большой интерес представляет также двухтомный труд видного русского востоковеда Н. В. Кюнера «Географическое описание Тибета», изданный во Владивостоке в 1907—1908 гг. В этой работе был обобщен огромный материал по географии, экономике, культуре и истории этой страны. Недаром книга Н. В. Кюнера и поныне остается ценным пособием для всех занимающихся историей Тибета.

Итак, как можно было убедиться, Центральноазиатскую экспедицию Н. К. Рериха с ее многогранной программой необходимо действительно рассматривать как грандиозное по целям предприятие, задуманное в рамках вполне устоявшихся традиций отечественной науки. Она была, в сущности, вдохновлена и порождена ими,

этим благородными и мощными традициями, и нацеливалась Николаем Константиновичем на продолжение и закрепление их в новое время, полное невиданных ранее масштабов социальных потрясений. Задачи, которые предстояло решить экспедиции, отличались большим многообразием и учитывали склонности и интересы каждого из участников ее. Для Николая Константиновича «главным устремлением было, пожалуй, познание самого сокровенного — «души и сердца Азии». И она, как выяснилось позже, с такой готовностью отозвалась на призыв художника, что затем потребовались многие годы, чтобы достойно воплотить в картинах и книгах многокрасочные впечатления, вынесенные из многолетних азиатских странствий. Странная увлеченность познанием памятников древних культур этого региона Старого Света, современного его состояния, изучением языков, традиций, религий, обычаев и «следов великого переселения народов» объединяла и сплачивала в единое целое все семейство Рерихов. Недаром же, в самом деле, всю их последующую научную и общественную деятельность вдохновляли и щедро питали впечатления и знания, полученные в ходе пятилетнего путешествия по Индии, Сибири, Китаю, Монголии и Тибету. Никто теперь не осмелится оспаривать, что Центральноазиатская экспедиция Н. К. Рериха стала достойной продолжательницей лучших традиций географических, этнографических и историко-культурных исследований русских в Азии. Но не следует забывать и того, что путешествие это привнесло много нового в практику экспедиционных работ. Перед изумленным миром на полотнах Н. К. Рериха впервые предстал в необычных сочетаниях красок «древний лик Азии», а благодаря трудам Е. И. Рерих и Ю. Н. Рериха значительно более четко и во многом по-новому проступили основополагающие «устои восточных цивилизаций» как давних времен, так и неразрывно связанной с ними современности.

5. Индийский путь

Экспедиция началась прозаически просто: 2 декабря 1923 г. пассажирам корабля впервые «открыла свой лик Индия», и в ней совсем не было ничего ожидаемого сказочного, а всего лишь тонкая полоска берега, тощие деревца, трещины иссушенной тропическим зноем почвы... А через несколько часов по сходням бомбейского причала на землю сошла группа русских. Так перед Рерихами сначала распахнулась совсем ничтожная частичка из того неохватного в обширности и многообразии азиатского мира, к встрече с которым они столь давно и упорно готовились.

Время на колебания и раздумья, как и всегда, не тратилось — три тысячи километров преодолели Рерихи за первый месяц путешествия по Индии. Один за другим оставались позади Калькутта и Бенарес, Джайпур и Сарнатх, Агра и остров Элефанта. Всюду в тех местах шла напряженная работа: путники осмотрели десятки древних памятников, провели подробные беседы с сотнями людей, среди которых были как известные философы, ученые, художники и писатели, так и персоны, для иного европейца странные: никому не ведомые всезнающие брахманы, степенные в прирожденном достоинстве ламы и даже паломники в оборванных и грязных одеяниях. В общениях с ними требовались качества незаурядные, которые не могли возникнуть сами по себе и вдруг. Н. К. Рерих, описывая пребывание в Лехе, не единожды сетовал на скрытность монахов. Чтобы стать сопричастными их «многозначительным тайнам», следовало не только знать язык, на котором говорили ламы, но, главное, достигнуть необычайно сложного — «внутреннего понимания». И тут стало ясно, сколько несуразностей было разнесено по свету теми из приезжих ученых-европейцев, кто возомнил, что можно скоропалительно, почти походя познать тай-

ны буддизма: «У Востока нужно учиться, но для этого нужно усвоить психологию Востока. Восток не любит фальшивых пришельцев; Восток легко различает маскарадную подделку. И Восток никогда не забудет свое решение. Испытание Востока решается в первый же момент. Все выплаты поправок лишь увеличат шутство поддельного наряда...»

Н. К. Рерих и Е. И. Рерих умели деликатно и тонко найти подход к своим собеседникам. К их удивлению, в том же самом не испытывал затруднений и Ю. Н. Рерих. Без особых усилий добивался он того же невероятно сложного в контактах с людьми «внутреннего понимания» и достойно вел со своими собеседниками самые доверительные беседы. Вот почему обычно скупой на похвалы отец удовлетворенно записал однажды в своем дневнике: «Как прекрасно, что Юрий знает все тибетские наречия! Только без переводчика люди здесь будут говорить о серьезных вещах. Сейчас нужно брать в полном знании, в ясном реальном подходе. Любопытство неуместно. Только настойчивая любознательность!»

В этих словах можно усмотреть ключ к пониманию тактики и стратегии успешного решения задач Центральноазиатской экспедиции. В связи с этим нельзя не отдать должное главе семьи, кто сумел в свое время прозорливо усмотреть в сыне будущего талантливого ученого востоковеда и всемерно поддержать его начинания. Но мало знать язык, на котором говорят люди, встреченные на пути. Следовало освоить, как говорил в таких случаях Н. К. Рерих, особый, далеко не каждому подвластный «сердечный язык», или «язык внутренних созвучий». Только он позволял познать потаенно душевное в культуре чужих стран, получить доступ к самому сокровенному. Н. К. Рерих владел в совершенстве этим «языком внутренних созвучий», добиваясь контактов и «сочетаний» в самых сложных ситуаци-

ях. Этот бесценный дар был передан им со всей любовной щедростью своему первенцу — Юрию Николаевичу.

Не приходится поэтому удивляться, что, с кем бы ни вступал и в последующем Ю. Н. Рерих в общение — с видным представителем современной интеллигенции страны или погонщиком верблюдов, с магараджей или обитателем степной юрты, с высокообразованным ламой или простым караванщиком, с пандитом, факиром, гуру или йогом, со всеми ими ему, человеку тонкого семейного воспитания и прирожденного природного обаяния, всегда удавалось, как и его родителям, создать редкостную по доверительности и искренней заинтересованности атмосферу сердечного общения. Его, исследователя глубокого и проникновенного, менее всего, как и Н. К. Рериха, увлекала псевдоэкзотика, которая могла возбудить лишь поверхностного наблюдателя, который привык рассматривать Азию не иначе, как «особый объект исследования». Вместе с отцом и матерью Ю. Н. Рерих стремился, в первую очередь, к постижению сущности религиозных и философских концепций, что бытовали в Индии и в целом на востоке Азии, к уяснению основополагающих традиций в деятельности коренного населения Азии. Ю. Н. Рерих вел себя с индусами и монголами, алтайцами и тибетцами, киргизами и уйгурами, как равный с равными, а не рассматривал их со стороны, а тем более сверху, как некие этнографические раритеты, достойные лишь того, чтобы вызвать «снисходительное изумление просвещенного европейского ума». В личности его не могло не воспитывать благородно воспламененное родителями постоянное и ярко выраженное стремление к самосовершенствованию, к достижению высот духовной гармонии, приязнь к доброте и отзывчивости. Так он, однажды вступив на землю Индии, начал служить науке вдохновенно и истово вплоть до последних дней своей жизни.

Движение экспедиции Н. К. Рериха к границам Сибири, а затем и в желанные пределы земель Родины началось из Сиккима и далее пролегало на север через живописные горные перевалы, сквозь узкие, будто прорубленные топором, скальные каньоны, широкие плодородные долины, а также почти безжизненные степи и пустыни. Пути отважного семейства пролегли через цветущий Кашмир и скалистый Ладакх, а далее продолжались в суровых просторах Центральной Азии: в неприветливых землях Восточного Туркестана, отдаленной китайской провинции Синьцзян. Сотни километров тяжелейшего маршрута незаметно складывались в тысячи, один за другим стоически штурмовались горные перевалы, за которыми следовали, как представлялось, бесконечные в протяженности и безбрежности выжженные знойно лихим Солнцем и пронизанные иссушающими ураганными ветрами пустынные пространства срединного пояса Азии. Путникам противостояли не только обычные для экспедиции природные стихии. Это еще куда бы ни шло, ибо при всем их могуществе и безжалостности они, как пришлось ощутить Н. К. Рериху и его верным сотоварищам не единожды, не могли состязаться в жестокости с людьми чужих краев, одержимых недобрыми замыслами. Бесчисленные препятствия создавались теми, кто хотел выдворить за пределы Внутренней Азии нежеланных и опасных для местных властей русских исследователей, соотечественников страны, где в ту пору происходили события, вызывающие тревогу в соседних государствах.

В такой обстановке каждодневного напряженного ожидания неприятностей нужно было обладать не только незаурядным мужеством и отчаянной смелостью, но и поистине неиссякаемым терпением, достойной сдержанностью, железным хладнокровием и величайшим чувством такта. Ведь речь шла не просто о преодолении невзгод переходов по отнюдь не райским местам

Земли, а о непременном решении при том задач науки, святом исполнении долга исследователей, которым посчастливилось оказаться там, где или не приходилось бывать «иноверцам» и «иноземцам», или перспектива попасть куда могла оказаться весьма проблематичной на долгие годы вперед. Так вот, научная программа экспедиции Н. К. Рериха, медленно продвигающейся к северу Азии, осуществлялась в строгом соответствии с однажды принятыми целями, какие бы препятствия ни встречались на пути. Методично по ходу передвижения изучалась география мест, достичь которых прежде мало кому из европейских путешественников удавалось, в этюдах и набросках, что делались порой в седле, запечатлевался непривычный в яркой красочности образ неведомой Азии, истово исследовались быт, обычаи, нравы и наречия жителей гор, степей и пустынь. Во время бесчисленной череды встреч с людьми, которые принадлежали к разным социальным слоям и поклонялись необычным богам, у Николая Константиновича и его спутников формировалось бесценное в оригинальности и значимости «видение Востока».

«Бьется ли сердце Азии?» — взволнованно задавали себе вопрос русские путешественники, раздумывая о прошлом, настоящем и будущем Азии. Вид встреченного на пути иссушенного до предела Такла-Макана, этого апофеоза безжизненности природы, засыпанные песком деревья, протянувшие к небесам причудливо искривленные ветви, терявшиеся среди барханов старинная дорога и обрушенные временем некогда грозные крепостные стены мертвых городов, казалось бы, давали однозначный ответ. И все же встречи участников экспедиции с обитателями Срединной Азии со всей определенностью засвидетельствовали: «Сердце Азии бьется!»

Пять лет искала пути к «сердцу Азии», бережно «сохраненному пустынями», экспедиция великого рус-

ского художника Н. К. Рериха. И теперь, счастливо выйдя из них, удачливые участники похода начали познавать своеобразие жизни и мышление тех, кто не жадно властвовал, а трудился в поте лица своего в «забытых богом» оазисах и кочевьях. Не было более благодарных слушателей, чем то «множество людей», которые с неподдельным интересом воспринимали от путешественников поразительные вести «иных цивилизаций». Н. К. Рерих ясно видел, что этим людям приходилось в жизни нелегко, но столь же очевидным представлялось их стремление к новому, уверенные мечтания о грядущих переменах к лучшему. А как при раздумьях о причинах разлада яви и грез выглядели несовместимыми удивительные в непривычности памятники культуры, созданные творческим гением народов Азии, сердечность и дружелюбие людей земли с закоснелыми формами устроения их государств и прискорбным «оцепенением религиозного сознания». И все же, несмотря на прессуеверий и предрассудков, давивший на «сердце Срединной Азии», оно, как убеждался Н. К. Рерих, на каждом шагу, «билося, излучая свет и рассеивая мрак варварства».

Каждый этап странствий для Николая Константиновича и его путников — жадное накопление знаний. Их пытливые глаза зорко всматривались в непривычный мир, тревожась по неопытности и неосведомленности вдруг да и просмотреть нечто примечательное, загадочное, особенно или скрыто знаменательное. И не было в том постигаемом сказочном мире Востока мелочей и ничемностей. Кажется, ну чем может быть интересен простой кочевник-проводник помимо, допустим, вечного изумления европейца при виде отчаянной уверенности и бесшабашной легкости, с которой вел он своих доверчивых подопечных через мало чем примечательные («унылые в однообразии!») просторы степей и пустынь или, напротив, сквозь фантастически неповторимые в

очертаниях нагромождения скал. Между тем для Н. К. Рериха каждый очередной «поводырь» — кладезь утонченных и своеобразных людских знаний, источник постижения бесценного, с удивительной широтой кругозора опыта простого человека, который привык при соприкосновении с миром одушевленной природы ожидать от нее в любой момент явлений особенных. Вот почему не оставлялись втуне бегло брошенные им замечания о приметах погоды, за коими угадывались бесценная «опытность к наблюдениям» знаменательных признаков, для самоуверенного городского жителя пустых в никчемности и суеверно странных; оценка цепочки самых, на первый взгляд, обычных следов лошадей, кои почему-то пересекли глубокую караванную тропу и позволили мимоходом точно установить, сколько тут проехало недавно всадников и тяжело навьюченных животных; на удивление разумные и уместные реплики, а также разъяснения, вызванные появлением на пути или птицы, или горного козла, или лани.

И вот уже сам Н. К. Рерих (а то и Елена Ивановна!) под одобрительным взглядом проводника поднимали мокрую руку, улавливая направление ветра; вдруг обменивались тревожными репликами по случаю неожиданной смены шага своей лошади или озабоченно толковали о причинах волнения ее, что проявлялось в едва заметном: в легком дрожании, подергивании или припадании ушей. Готовность к уважительному восприятию немудреного опыта аборигена создавала так необходимую в долгом путешествии вдохновляющую атмосферу душевного взаимопонимания и сердечного доверия, что облегчали тяготы страннической жизни. Сердечная открытость при общении с простыми людьми воздавалась сторицей расширением знаний. Стоило ли удивляться тому, что не в одной из встреченных на пути одиноких, часто весьма убогих юрт добродушных кочевников Н. К. Рерих и его путники устаивались ред-

костной для «иноземцев» чести слушать множество «неповторимых песен и сказаний».

Путешествие по пустынным районам Азии — предприятие для людей, привычных к удобствам городской цивилизации, представляется обычно ужасающим. Для Н. К. Рериха и его путников оно уже в самом начале стало, напротив, делом благостным и приятным. Все дело заключалось в оптимистическом жизненном настрое и одухотворенном доброжелательностью кредо, лишенных мещанских предрассудков и «условных суеверий». Потому стоило ли приходить в уныние, думая об угнетающих перспективах обитания в убогих юртах или продуваемых холодными ветрами решетчатых шатрах, если знать, что, сколь бы непривычными ни были условия жизни у встреченных на маршрутах народов, они ведь сами их создавали, и значит, рациональности той были веские причины. Ничто из встреченного на пути не заслуживало высокомерного осуждения или презрительного умаления, а тем более не следовало это делать ради возвеличивания собственных персон. Что касается тягот полевых передвижений в чужих землях, то испытания эти в действительности выглядели ничтожными при ясном понимании плодотворности познания необычных местных условий, блага расширения и обновления своего сознания, счастья движения по жизни, когда уходили прочь опасности омертвления в ограниченном мирке обывательского благополучия. Для Н. К. Рериха настоящая жизнь — в непрерывном движении, в преодолении всевозможных препятствий, в должном приспособлении к необычному, в приобретении бесценного опыта у всемогущей природы и мудрого моря людского, в кои он и его спутники смело входили с восхищенным желанием отыскать душевное взаимопонимание. Это и было то, что чудесно «преображало трудности странствий», неизменно превращая их в силу духовную, моральную и физическую.

Путешествие порой представлялось Н. К. Рериху своего рода театром, но без традиционных подмостков, покрашенных холстов и загримированных действующих лиц, его спутников и встречающих. Это был красочный в живописной сценичности мир самой жизни, впечатляющая «мистерия эволюции», как он сам ее определил. И вот, как в огромном зале кинематографа, одна сцена сменяла другую в бесконечной череде ежечасно, ежедневно, еженощно: яростно произносил угрожающий монолог полицейский, с трудом пробиралась сквозь «свирепость пустынного града» цепочка тяжело навьюченных лошадей и верблюдов, на глазах разносилась в щепы лодка на переправе, и нечем было помочь терпящим бедствие людям. Убаюкивающе звучали в светлой вечерней тиши песни непривычных мелодий. Но был, разумеется, и настоящий театр — китайский, с жуткими повествованиями о неведомых людях, и кашмирский, с пугающими танцами зловещих купцов-шайтанов.

Горы, долины, степи, пустыни и небо Азии очаровали Н. К. Рериха изощренной причудливостью форм и сказочным в разнообразии буйством красок. Это не означало, что родная северная природа поблекла в воспоминаниях и разочаровывающе потускнела. Нет, просто Срединная Азия отличалась во всем большим многообразием, размашистой широтой, мощностью сил своих и щедростью даров для взгляда и сердца. В очертаниях скал и ущелий ему чудились в образных видениях очарованные каменные витязи, ожидающие освобождения, гигантские шлемы и мечи, пирамиды великанов, города с зубчатыми стенами, одинокие сторожевые башни. Какие только эпитеты не рождались у него при виде вздыбившихся под воздействием гигантских внутренних сил Земли хребтов: величественные, прекрасные, декоративные, небесные, суровые, невыразимые в величии, приветливые, фантастические, никогда не по-

вторенные в разнообразии и расцвеченные с бесконечным чутьем. Все это совмещалось с точными живописными оценками, которые мог давать только художник, тонко воспринимающий самые разнообразные тона цветов, остро чувствующий ошеломляющую насыщенность красок, что до экстаза будоражат чувства, а по чистоте «равняются волшебной радуге», точно драгоценный бронзовый слиток, сапфировая пустыня, златые поля, желтые взгорья, эфирные горы, что влились в Небо; красные и бронзово-зеленоватые островки; разубранные холмы в золоте; фиолетовые и бархатно-коричневые скалы; невиданная тонкость жемчужных тонов; тонкая и нежная в нетронутости своих профилей чудесная белая гора; сверкающая красота. Скалы — пурпурные и лунные, розовые, медные, синие, сапфировые, фиолетовые, желтые и красно-бурые, темно-бронзовые с зеленоватыми и карминными пятнами, с хрустальностью и тонкостью линий...

А над всеми этими цветными ландшафтами привольно раскинулось бездонное синее небо, «границающее с чистым кобальтом», купола-своды, отливающие золотом с прорезями ярко-белых конусов далеких пиков гор, над которыми долго зависало предзакатное, слегка притушенное вечером золотистое Солнце, разливающее вокруг себя благородные опалово-лиловые гаммы световых лучей. Позже, в ночные часы, когда гасли розоватые горы и таяли в сумерках лиловатые туманы, небесными рунами начинали блистать в вышине звезды, которые порой заволакивались густыми волокнами молочно-белых жгутов, освещаемых Луной. Во всем господствовал особой красоты синий цвет — символ разума, труда и единения с природой. Н. К. Рерих не только красками, но вдохновенным художественным словом живописал насыщенно цветистый, возносящий в космическую высь «ковер» чувств природы Азии, какой ее едва

ли воспринимал кто-либо из путешествующих ранее по континенту.

К сказанному надо добавить еще одну примечательную особенность видения мира Н. К. Рерихом: внимание его захватывала гармония природы и творений рук и разума людей, знающих истинную цену красоты и устремленных к тому, чтобы первозданность природы осталась на века «непоганенной», «чистой». Города, замки, крепости, святилища вписывались им в пейзаж трепетно осторожно, но и декоративно размашисто, отчего казалась понятной подоплека зарождения сказаний о великих богатырях, легенд, мифов и героического эпоса, изображений таинственных символов, причудливой в богатстве атрибутики одежды, храмов и празднеств. Этот мир единения мощи творения природы и человека вызвал к размышлениям и действительности. Но глаз художника отмечал не только поразительное в разнообразии богатство мира, а и его не менее озадачивающее единство. Вот Н. К. Рерих выходит однажды в морозное утро на ступени восточного храма и пронзительно вглядывается в окружающие холмы. Под лучами «красна солнышка» они «забелели, зарозовели и засияли в нежном снеговом уборе», вызвав в памяти картины трех, кажется, столь разных да и к тому же очень далеко отстоящих друг от друга земель: лесистой Карелии, Чантанга Тибета и российского пейзажа полотна «Зовущий». Все они объединены, однако, «величием простора» и неким таинственным «зовом вечности бытия».

Не только горы, но и пустыни были столь же милы сердцу Николая Константиновича как художника. Кажется, однообразные, безжизненные, тихие, они величаво звучали в ушах его «аккордами океана». В них он, как и в суровых скалах и бездонном Небе, усматривал многоцветие, а главное, что ему было по душе, так это благостная тишина и навевающее покой уедине-

ние, столь разительно оттеняющее «гнет города и грязных базаров».

Н. К. Рерих при встречах с древними памятниками не устал высказывать удивление и восхищение по поводу «стихийно образованных» объектов «безымянного художественного творчества», будь то гигантские изображения на скалах, скромные «писаницы» — выбитые в камне фигуры диких животных, лишённые знаков стелы или так называемые каменные бабы, субурганы («определённо священные изображения») или вызывающие изумление необычностью «человекообразные фигуры фаллического содержания», выложенные из белого кварца. Почтение его вызывалось не только вполне понятным для художника трепетным уважением к трудолюбию древних мастеров, но в той же мере и интуитивным чувством, что за созданными ими образами скрывается нечто знаменательное, вызванное глубочайшей потребностью, для чего не жалко было при сооружении ни времени, ни сил. Это был, судя по всему, воистину «священный труд», в результате которого следовало усматривать загадочные потребности ритуала или культа, в идеях своих часто труднодостижимых («особые психологии, с чуждыми нашей современности нуждами»), в емкости — неистощимых, что по мнению Н. К. Рериха обычно и составляет особую прелесть их исследования.

Зоркий ко всему примечательному, путешественник многократно давал археологам примеры полезности нетрадиционных методических подходов к изучению старинных объектов культуры, что и порождало часто неожиданность оценок таковых. Так, казалось бы, что нового можно усмотреть в «каменных бабах», сопровождающих погребальные сооружения кочевников пустынно-степных регионов Азии и Европы? Детализация костюмов и тщательность отделки черт лица обусловили издавна видение в них изображений, поставленных

у гробниц в память о великих усопших, деяния коих заслуживали того. Но почему для одной скульптуры использован черный камень, а для другой — белый? Не означает ли, что одна есть воплощение добра, а другая символизирует зло? Не может быть случайного в любой особенности объекта творения мысли, воли и рук первобытного мастера, а тем более в цвете. Н. К. Рериха, однако, более всего тревожила неразгаданность таинственного предназначения чаши, что порой покоилась в левой руке скульптур. Отдельные из таких чаш оказались, как он отмечал, «просвеченными огнем», что позволило ему увидеть в этой детали нечто, отнюдь не связанное с «погребальными потребностями». В каменной чаше изваяний Николай Константинович усматривал знак некоего «очень древнего, ритуально установленного культа». За «пламенеющей чашей» каменных баб ему грезилось столь значительное, что он считал легкомыслием с ходу, без серьезной подготовительной работы предлагать расшифровку ее сокрытой семантики. Разве не такими же раздумьями определяли внутренний смысл и эмоциональный настрой картины «Стражи пустыни».

Из древних «знаков прошлого» Азии особо влекли к себе Н. К. Рериха как художника наскальные изображения, среди которых преобладали стилизованные, но исполненные с трепетным почтением фигуры диких животных — оленей или горных козлов со спирально закрученными рогами, символизирующими Солнце, а быть может, и нечто большее — сам необъятный и не проницаемый для познания Космос. Человек как будто мало привлекал внимание древних художников. Лишь однажды ему удалось приметить стрелка из лука, а в другом месте найти загадочную ритуальную сцену, которую составляла цепочка людей, отображающих то ли танцы, то ли хороводы, то ли торжественные шествия. В них Н. К. Рерих в столь свойственной ему ма-

нере неожиданных ассоциаций усмотрел предвестников эпохи грандиозных переселений народов. На скалах выбивались порой сцены охоты: от фигур лучников стремительно (так и хочется сказать — со свистом) неслись стрелы, неотвратно настигающие бегущих в панике баранов с круто загнутыми рогами. Н. К. Рериха не удовлетворяло, очевидно, обыденное осмысление археологами сюжета (охота, тотемизм), и он, раздумывая над значимостью композиций такого рода, осторожно нащупывал куда более значительный подтекст их: «А ведь древний айбеко был символом света!» Так возникла идея о воплощении в образе животного космического символа предков, как представляется теперь, самый оптимальный путь в интерпретациях знакового смысла «рисуночных текстов» на скалах.

Изображения выбивались как на открытых плоскостях гор, поблескивающих глянцево-коричневым загаром веков и тысячелетий, так и на погруженных в тень стенах полугrotов. Почтенный возраст многих писаниц (каменный век) не вызывал сомнений у Н. К. Рериха из-за «твердой и сочной» стилизации части изображений. Значительно более поздние рисунки безошибочно в верности определялись им по «сухости и резкости линий», характерных для художников «более поздних суеверий», в частности, древней веры бон-по. Что, однако, более всего поражало, так это сходство увиденного здесь, на юге и в центре Азии, с тем, что приходилось осматривать в Америке. В наскальных рисунках художник усматривал своего рода дружеское рукопожатие обитателей разделенных океаном континентов.

Н. К. Рерих пристально всматривался в азиатские древности, столь, кажется, оригинальные, но его память подсказывала неожиданные аналогии им, будто намеренно подталкивая на дерзкие сопоставления и выводы. И он не опасался высказывать их в беглых дорожных заметках, приводя затем в смущение и расте-

рянность даже великих, но боязливо и академически осторожных знатоков, гораздых в кабинетных исследованиях. Николай Константинович уже в первые месяцы пуги уяснил, что суровые высоты Азии скоро учат «быстроте мысли и находчивости действий». Вот он раздумывает над развалинами древних святилищ, а в памяти всплывают празднества жрецов друидов, поклонников солнечного культа. Пряжка на одежде встреченного в пути жителя Тибета наводит на воспоминание о наплечных фибулах, открытых археологами при раскопках могил готов южнорусских степей. Поднятое в Доринге металлическое изделие с двуглавым орлом вызвало в памяти такие же объекты, обнаруженные на Северном Кавказе. Не оставались вне внимания и любимые женщинами Тибета украшения со вставленными в них красноцветными камнями, близкие по виду готским бляхам с алмадинами. Все это становилось зацепкой для звеньев неординарных размышлений: «в застывшем обиходе северян-тибетцев» сохранились черты культуры их далеких предков, некогда вытесненных ледниками и суровыми моренами на далекий запад. Не те ли самые «ушедшие братья», «прародители готов», принесли с собой в Южную Россию мечи, так напоминавшие Н. К. Рериху такие же по типу изделия, что и сейчас в ходу у обитателей северных областей Трансгималаев? Гипотеза далее подкреплялась филологическими сопоставлениями: случайно ли, что Лхаса некогда называлась Гота, а одно из тибетских племен — Готл? Примечательными в этой связи представлялись Н. К. Рериху и очертания лиц насельников тибетского нагорья. В них он усматривал вдруг черты Мольера и д'Артаньяна, Хальса и Паламедеса, палача Филиппа II и итальянского Корсара.

Н. К. Рерих призывал исследователей не бояться сравнивать бросающуюся в глаза одинаковость. Так, раскопки гробниц в Сычуани, прилегающей к Тибету

провинции Китая, привели к открытию материалов, которые приводят в недоумение и современных архсологов сходством их с соответствующими находками на территории не только Восточной, но и Западной Европы. Воспоминания о бронзовых мечах и кинжалах из Сибири нахлынули на Н. К. Рериха, когда он однажды в урочище Карга у Лахуля в Гималаях увидел вдруг на камнях загадочные изображения таких же по типу изделий. Это их, как ему представилось, несли с собой первые великие переселенцы по просторам Азии. Найдку эту Николай Константинович оценил как «поучительную подробность» и «путеводную веху». Великие горы, которые археологи считают непреодолимыми преградами в естественных стремлениях к связям и обменам представителей разных культур, выглядели в глазах его, напротив, зовущими в неизведанный путь указателями неумевных странников прошлых тысячелетий. Мир был тесен в древности, настанвал ученый: «Откуда же происходит эта необыкновенная заманчивость путей азиатских? Горы устанавливались не преграждающими великанами, а зовущими путевыми вехами!»

Развалины прошлых веков, встречающиеся на пути, наводили Н. К. Рериха и на грустные размышления о бедах яростных в остервенениях войн. Они в безжизненных пустынных просторах производили на него в особенности удручающее впечатление бессмысленностью «буйства враждующих народов». И потому думалось ему: «Когда же люди поймут, наконец, и осудят нелепость разрушительности, недостойности ее извечному стремлению человечества к совершенствованию?» У Н. К. Рериха однажды при виде особо значительных разрушений возникло вдруг желание взять да и собрать эти многие тысячи обломков изделий старины, беспомощно валяющиеся среди развалин, и послать в каждый дом жителя Земли в качестве «вещественного знака погибшей куль-

туры» и напоминания необходимости бережного сохранения «во всем добросердечии» однажды сотворенного человеком. Пусть они, эти «символы горестных воплей прошлого», стали бы слагающим призывом в ежедневных думах о необходимости благоразумного изменения жизни, к направленности ее на радостную созидательность, а не на столкновения и разрушения. Так хотелось ему развалины древних поселений («холмы горестных воплей» предков) превратить через повествования о горестных уроках прошлого в надежду на благополучное будущее землян. Не тронутые современной «механической цивилизацией» просторы Внутренней Азии, ее природа и сохранившиеся памятники местных культур требовали самого деликатного и бережного отношения, чтобы не допустить «разрушения бесценного». Н. К. Рерих, чувствуя смертельную опасность вторжения хотя и нового, но чужеродного, призывал к «доброму опознанию местных условий», к «истинному дружелюбию» и поискам «доброжелательной взаимности».

6. Пограничье Сибири

...Шел уже третий день со времени счастливого мига пересечения российской границы. Позади осталось еще около сотни верст пути в направлении к Сибири, к взгорьям и холмам, покрытым серебристым ковылем и россыпями весело горящих весенним трепетным пламенем тюльпанов, обширные поля которых окаймляли сверкающие синевой просторы озера Зайсан. От крутого берега его, у местечка с истинно русским в пейзажности наименованием «Тополевый мыс», должна была начаться лишенная невзгод сухопутных дорог «водная» часть маршрута экспедиции, уверенно устремленной в Сибирь. А до нее, казалось, совсем можно было рукой подать — разве это не горные кручи Алтая виднеются там, вдали, у восточной кромки гори-

зонта, где яркая синева озера и Неба четко разрывалась ослепительной белизной ледников? Вглядываясь в ту сторону, Н. К. Рерих думал: не видит ли он уже высочайшую из вершин Алтайской горной страны Белуху? Мечты побывать в окрестностях ее захватили его еще во время пребывания в Ладакхе, когда в тысячах километров от Алтая вдруг посчастливилось записать культовую песнь, обращенную к Белухе и светилам, причудливо сплетенную с призывами к Белому Бурхану, Будде, с мольбой о приходе его на Алтай, о плодородии тамошних земель и пастбищ, о наступлении «века общего блага». От вершины Херема летели на север к священной горе слова от страждущих отклика богов:

Вы, сущие за белыми облаками,
За синими небесами,—
Три Курбустана!
Ты, носящий четыре косы,—
Белый Бурхан!
Ты, дух Алтая,—
Белый Бурхан!
Ты, поселивший в себе, в золоте и серебре,
Народ, Белый Алтай!
Ты, который светишь днем,—
Солнце-Бурхан!
Ты, который светишь ночью,—
Месяц-Бурхан!
Да напишется мой зов
В книге Садур.

Тогда же под впечатлением услышанного Н. К. Рерих задумал написать картину «Ойрот — вестник Белого Бурхана — поверие Алтая». И вот теперь достижение подножия Белухи становится реальностью. Лама тоже согласен, что там, на юго-востоке, где серебрится снегами хребет, находится «священная гора Саур». А затем вещает: «С вершины ее в ясные дни видны горы священной страны. Под горою засыпан песком город Аюши-Хане. Можно видеть и стены, и храм, и су-

бурганы». Как же можно было не стремиться к Белухе? Алтай в этом процессе единения играл, видимо, исключительную роль. Отсюда, с юго-востока, теснимые ледниками и песками народы, объединившись в «лавнины», хлынули на Запад, «чтобы наполнить и переродить Европу». Поэтому Алтай при обращении к временам доисторическим, а также историческим, представляет собой «невскрытую сокровищницу». Он для Н. К. Рериха был «одним из важных пунктов в переселении народов».

При въезде в необъятные сибирские просторы ему припомнились вдруг гости из этой дальней российской стороны, профессора из Томска, «сибирских Афин», которые, бывая в Петербурге десятилетия назад, навещали дом отца и вели завлекательные разговоры «об азиатских глубинах». Они всякий раз настойчиво призывали непременно (и по возможности быстрее) побывать в Сибири, во благо приобщения к этой сказочной стране. Но Сибирь обширна, и куда следовало направить свои стопы прежде всего? Для дяди Н. К. Рериха, теперь уже покойного профессора Томского университета Коркунова, не было в том колебаний: что за вопрос, конечно же, на Алтай! В этой связи память подсказала вещие слова из его письма: «Лучше приезжай скорей, все равно на Алтае побывать придется». Пророчество, как видно, на пороге того, чтобы сбыться, и в том не было для него ничего удивительного, ведь призывы сибиряков были всегда для Николая Константиновича одной из особенно «душевных памяток» из Азии, которые, как и имена великих путешественников Г. Н. Потанина и Н. М. Пржевальского, подобно «мощным магнитам», влекли его сердечные привязанности к Востоку. Так было с ранних детских лет, и так сохранилось до конца жизни.

От Тополевого мыса участники экспедиции должны были отплыть вниз по Иртышу к Усть-Каменогорску и

проследовать далее до Семипалатинска на пароходе, название которого «Алтай» Н. К. Рерих не мог воспринять иначе, как знаменательно провидческое. Так оно, очевидно, и случилось бы, не преследуй, путешественников на пути все те же нелепые дорожные происшествия: удручающе досадные поломки телег и безнадёжная нерадивость местных ямщиков, под стать разнузданной беспечности возникших Туркестана. Пришлось поэтому довольствоваться «Лобковым», судном более низкого класса, которое отошло от пристани ночью 1 июня. Но стоило ли сетовать на такую мелочь при счастливой возможности спокойно наблюдать окружающее и нетерпеливо беседовать с людьми без досадных отвлечений, которые сопровождают обычно путешествия по суше? Медленно проплывали по сторонам низкие степные берега мелководного в истоках своих Иртыша. Казахские стойбища из юрт редели, сменяясь русскими поселками из приязненных сердцу белых домишек, разбросанных по берегу. И радовалась душа при возгласах матросов, что на носу парохода промеряли шестами глубину реки во избежание посадки его на мель. Н. К. Рериху вдруг представилось: плывет он вовсе не по Иртышу, а где-то в исконных землях незабвенной России, где-нибудь в верховьях родной Волги. И приятно было вопрошающе и с надеждой всматриваться в то, что за долгий путь давно не видел,— в глаза «русских, обветренных и трудящихся людей с замечательными сердцами», пытливых и жадных до знаний, в том числе отвлеченных от повседневной обыденности.

За Усть-Каменогорском Иртыш, стремительный и бурный из-за скованности его скалистыми берегами, начал отходить от гребней серых скал с громадами пирамидальных вершин. Эта устремленная к северным границам Сибири река стала незаметно превращаться в широкую водную дорогу, медленно, но неудержимо могучую в силе. И снова, как в ослепительном свете, на-

помянутое о России, о Волге: по Иртышу гнали плоты, а на них стояли крепко и ладно сложенные кержаки-староверы. Шумно гомонящий люд на пристанях производил на Н. К. Рериха настолько внушительное впечатление, что он, видя в них коренных старожилов, почтительно назвал их в дневниковой записи от 4 июня «сибиряками каменнотесаными». Это они в разговорах с ним любили употреблять «крепкое, упрямое сибирское «однако». Это от них он, расспрашивая об Алтае, узнал, что мясо там продают всего по 8 копеек за фунт, а хорошего коня можно купить за 80 рублей. Да и о Белухе рассказывали полутчики-сибиряки: снег у подножия ее будто бы до сих пор лежит, а недавно снова выпал и не думает таять.

Сибирь!

Берега Иртыша навеяли на Н. К. Рериха воспоминания о богатейших древностях сибирских и радовали сердце предстоящей встречей с ними. Нелегкая, «извилистая» была судьба у них, как, впрочем, и у всех российских памятников старины. Не раз приходилось ему впадать в уныние при раскопках курганов на севере Европейской России, когда, рисуя разрез могильной насыпи, замечал вдруг с тревогой следы грабительского лаза. Досадовать было чему, ибо Николай Константинович знал, сколь профессионально точно действовали нарушители покоя давно усопших, ориентируя свои траншеи как раз в те места, где следовало ожидать нахождение ценных погребальных вещей. Стоит ли говорить, насколько затрудняли такие варварские грабежи научные выводы. Предварительное ознакомление с очерками истории Сибири не позволяло ему надеяться здесь на нечто лучшее. Н. К. Рерих знал, что как раз там, севернее, в долине среднего Иртыша, начиная с XVIII века люто бесчинствовали артели грабителей-«курганщиков», или «бугровщиков», которые, объединившись в банды по 200—300 человек, вели необычай-

ный в доходности промысел могильного золота и серебра. Ничто не останавливало их бесстыдного рвения к обогащению: ни грандиозные размеры высоких курганов, ни многопудовые каменные плиты, перекрывающие глубокие могильные ямы. Бугровщики превосходно, иной раз лучше археолога, знали особенности конструкций гробниц и почти безошибочно определяли тип сооружения, а также возможный набор добычи в нем. Находки же в те времена оказывались столь обильными, что обеспечивали артелям средства к долгому безбедному существованию. Недаром Красноярск стал тогда рынком по распродаже древних золотых изделий, ценимых по 50—90 копеек за золотник, а на Ирбитской ярмарке они охотно покупались и, безмянные, рассеивались по всей Сибири вплоть до районов Предуралья на западе.

Но то было давно, а лучше ли положение теперь, в самом начале XX века? Н. К. Рерих не обольщался, ибо ведал, что хищничество и алчность, разрушающие древние объекты культуры Сибири, продолжали процветать. Темнота необразованности и нравственное невежество, убийственно горькое отсутствие «всякого соображения о научном значении истребляемых памятников старины» приводили к тому, что «каменные бабы и надмогильные камни с надписями и писаницами» бездумно превращались в жернова или использовались в качестве фундаментов при строительных работах, а то и просто уничтожались и обезображивались по склонности к лихому в глупости удалству. «Дикий размах изуверства», подталкиваемый то религиозным фанатизмом, то, напротив, пылом безбожия, принял настолько угрожающий размах, что перед ним бледнели бесчинства «курганщиков» петровских времен. Николай Константинович здесь, на берегах Иртыша, вспомнил, как он однажды спросил проводника по пустынным местам: устоит ли повстречавшийся им случайно памятник? Ответ поразил мудрой жестокостью: «От зверей —

может быть, от людей — вряд ли». Нет, далека от благополучия судьба наследия предков, беззащитным остается результат тысячелетий творчества, и не обретишь душевного покоя при виде, какое «безобразное разнообразие» приобрел разгул бескультурья и невежества. Задаваясь в тысячный раз вопросом — где же выход, Н. К. Рерих, беседуя на палубе парохода с моряками и пассажирами, не уставал повторять «благомыслящим»: «Прислушивайтесь к людям осведомленным и добрым, мужественно защищайте все священо прекрасное, возлюбите чтение, стремитесь познать по возможности больше, беседуйте о действительности». Проповеди эти были своевременными, ибо не оскудела сибирская земля бесценными древностями. На палубе рассказывали, что некий пастушонок нашел недавно три пуда золота у подножия размытого дождями холма (очевидно, могильного, скифского времени?). А все началось с того, что мальчишка заинтересовался блеснувшей в земле искоркой металлических обломков. Но сколько таких искр высокохудожественных древностей блистает по необъятным весям Сибири, и, чтобы заметить их и сохранить, нужны глаза умные, зоркие, а не «полные лени» и равнодушия.

По первоначальным планам, путешествие по Иртышу должно было закончиться в Семипалатинске, где Н. К. Рериху и его спутникам предстояло пересесть на поезд, чтобы следовать далее в Омск, а затем (после кратковременной поездки в Москву для встречи с руководителями страны* и выполнения положенных фор-

* Во время визита в столицу Г. В. Чичерину и А. В. Луначарскому были переданы ларец с гималайской землей, серия картин «Майтрейя» и письмо индийских махатм. При встречах с лидерами внешнеполитического и культурного ведомств велись беседы на темы, которые, как теперь становится ясным, были весьма актуальны в свете грядущих, полных трагедий событий истории России конца 20-х — начала 30-х годов да и последующих десяти-

малыностей) направиться в столицу Сибири Новосибирск, который должен был стать отправным пунктом к главной цели поездки в эту суровую часть Азии — на Алтай. От таких намерений пришлось, однако, отказаться по следующим соображениям: «алтайская дорога поездом медленна», растягивается на целых 20 нудных часов, а завершается прибытием в Новосибирск весьма неудобно — поздней ночью. Не менее важен, кроме того, и такой резон: «на пароходе больше с людьми общения и воздуха». Поэтому ранним утром 4 июня плавание по Иртышу было продолжено после ночной перегрузки на пароход «8 февраля», который направлялся через Павлодар к Омску.

Из увиденного на последнем отрезке пути по стремительному и впечатляюще широкому, с желтоватыми водами Иртышу, покрытому в тот день белыми гребнями огромных волн, наибольшее волнение Н. К. Рериху доставила встреча с поселком Ермак. А все из-за нахлынувшего на него потока воспоминаний, связанных с историей начала освоения «отважными искателями» России богатейших сокровищ ее северо- и восточно-азиатских пределов. То было необычное в противоположной направленности движение народа, как бы ответное традиционному — с Запада на Восток, из Европы в Азию, а не наоборот, как неоднократно случалось ранее. И в том виделась жизненная оправданность и естественная в справедливости закономерность притока и отлива живого в непрерывности движения людского океана. В названии селения Ермак, строения коего при-

летий тоже: о необходимости постоянного нравственного совершенствования, строгого соблюдения в жизни этических норм, жизненной важности использования культурных ценностей для способствования развития общества. Можно лишь сожалеть что идеи Н. К. Рериха не пришлись ко двору хозяевам, занятым самоуверенной ломкой устаревших, как им казалось, национально-культурных устоев и ценностей.

вольно рассыпались по берегу, откосы которого еще покрывали пласты не растаявшего с весны снега, бережно сохранялась, видно, благодарная память русских о храбром своем соотечественнике, казаке-богатыре Ермаке Тимофеевиче. Народная молва связывала эту часть долины Иртыша с местом его последнего стана и того трагического по внезапности сражения, что привело к гибели храброго воителя. Н. К. Рериху представился счастливый случай убедиться в живости памяти славы Ермака в сознании сибиряков. Когда он заметил своему собеседнику на борту парохода, безымянному рабочему-гранильщику, что при виде столь глубокого Иртыша с разгулявшимися на его просторах крутыми, свинцово-тяжелыми волнами не должно удивляться гибели в этих стремительных водах могучего воина Ермака, то неожиданный ответ немало удивил путешественника: «Здесь потонул наш Ермак Тимофеевич, здесь. То есть не он утонул. Он бы выплыл, наверное бы выплыл. Но тяжел был доспех. Он-то и потянул его вниз и унес нашего богатыря».

Этот мимолетный разговор навел Н. К. Рериха на размышления о знаменательности уверенного представления рабочего-сибиряка о невозможности того, что русского витязя скрыли холодные воды Иртыша из-за каких-то иных причин, помимо сушей нелепости: Ермак оказался в воде в тяжелом боевом снаряжении и вынужден был отправиться вплавь, не сбросив его. Да и мог ли сделать это воин, который всегда должен находиться в готовности к сражениям? «Путиами начертанными» и «сердцем прочувствованным» шел Ермак в Сибирь со своей дружиной. Ее осеняло знамя Святого Георгия, восседающего в ратных доспехах на белом коне. Отважный казачий атаман «сделал нечаянное возможным», храбро преодолевая «многие стремнины». Лишь могучий Иртыш стал для него могилой, куда ув-

леклй богатыря достойные его могучих плеч тяжелые доспехи, а пояса — увесистые меч и бахtareц.

Но то было в давние времена. Мирные деяния, что удачно начали претворяться в жизнь, навели Н. К. Рериха на раздумья о необъятных просторах Сибири, об удивляющих размахах ее путей, о поражающих богатствах сурового края, включающих в себя подходящие для произрастания злаков земли, благодатные лесные угодия, промыслы рудные и охотничьи, «минеральные сокровища и прочие естественные ценности», а также тучные стада скотоводов. Имя Ермака, как следовало из разговоров на палубе, стало для сибиряков неким символическим «стягом», приобретая неожиданно иное смысловое звучание. Это имя зывало теперь к созданию доброго, к поискам блага, сотрудничества и труда, к укреплению духовности и просвещения. После потрясений недавних лет гражданской войны людьми отбрасывались «недоразумения и разрушительные непонимания», возрождались «высокодуховные наследия» народов, что оставили свои следы при широких миграциях по Сибири. Беседы со случайными спутниками убеждали Николая Константиновича в ясном осознании сибиряками погибельности жизни в «хаосе разъединения и взаимного уничтожения», в разгуле «невежественной озлобленности» и в человеконенавистничестве, в разрушительности «мерзкой ехидны с ее ядовитым путем» — безбожии, цинично «прикрытом ложным названием материализма», а в действительности — порождением темного невежества и возмутительного, из-за неучета духовных чаяний человека, атеизма.

Понимание собеседниками важной роли культуры как блага и «света знаний», как «свободно осознанной дисциплины духа» и самого сущностного из начал, без которого невозможно настоящее единение народов, более всего радовало Н. К. Рериха. Значит, «потрясения

культуры» отступили, и сибиряки нашли в себе силы не преклонить головы «перед преходящей невзгодой». Недаром, всматриваясь в их лица и вслушиваясь в их здравые рассуждения «о труде и будущем», он неизменно отмечал неутомимость, бодрость, веру, дружелюбие, устремленность к работе, сотрудничеству в желании «преоборения разделения» ради приобретения мощи в единстве, в «понимании религии» и важности «сознательной кооперации, труда совместного». Здравыми и здоровыми началами жила Сибирь! Нет, не распылились и не стерлись в народном сознании героизма и подвиги, что свершались под знаменем Ермака. Они звали теперь сибиряков «к подобному же героическому и великому будущему». Подводя итоги своим первым впечатлениям от встреч с простым сибирским человеком, Н. К. Рерих писал: «Сибиряки не только любят Сибирь, но и всегда стремятся к ней для работы, для труда, для сотрудничества. Просторы Сибири — непочатый край для приложения всякого строительства. Великое и еще несказуемое значение Сибири. Сама необъятность сибирская приближает сегодня всех борцов подвига, просвещения и мужества несломимого». И захотелось ему освятить устремленную к «очищению и преуспению» Сибирь памятью хранителя твердынь Китежских, всех Лавр Духа Преподобного Святого Сергия Радонежского и словами его акафиста: «Возбранный от Царя Сил Господа Иисуса, данный России Воеводо и Чудотворче Предивный!»

Все это были лишь беглые путевые наблюдения, ограниченные обзором с палубы проплывающих мимо прибрежных пейзажей долины Иртыша да разговорами с пассажирами. По-настоящему знакомство с жизнью сибиряков, правда вначале только городской части их, началось 8 июня, когда пароход «8 февраля» причалил к пристани Омска. Путешественников поселили в гостинице «Европа», где они должны были ожидать в те-

чение трех дней прихода поезда, который направлялся на запад, в Москву.

Кто бы мог подумать, что тут же, в номере, на Николая Константиновича нахлынут воспоминания о «далекой стране» — о пройденном год назад в Индии маршруте. Виной тому стали фигурные листья филодендрона, который в условиях Сибири мог, разумеется, расти лишь в теплом помещении отеля. А там, в горном княжестве Сикким, когда караван поднимался от долины Тишгы к храму в Чагонге, те же резные листья филодендрона можно было различать прямо на открытом воздухе, на обвитых растением замшелых стволах и в соседстве с нежными цветами орхидей. Тут, в Сибири, всплыли в памяти «образы близкие и милые»: высокий, в холщовой рубахе охранитель горного храма лама Мингюр, в долгих беседах с которым проходили вечера. О них заставили также невольно припомнить московские газеты, ознакомившись с которыми Н. К. Рерих с удовлетворением отметил, что в России пристально следят за путешественниками. В заметках как о сенсационном сообщалось об открытии экспедицией «манускрипта о Христе» где-то в горах Ладакха. По этому случаю приходилось, однако, досадовать, ибо все еще оставалась живой неосведомленность Запада о широко распространенном на Востоке учении Иссы (Христа) — общинника, «лучшего из сынов человечества». Но ведь оно давно было воспринято и со спокойствием укрепились в сознании обитателей Сиккима и Ладакха, Бутана и Тибета. Знакомо оно также в самых отдаленных стойбищах калмыков и монголов. Всюду там живут тексты «манускрипта», слух о котором так взволновал «праздничные газеты» Европы. Впрочем, отрадно любое обращение к тому, «как мыслят народы Азии». Н. К. Рерих по первым же беседам в Омске понял, насколько заинтересованы сибиряки в получении из первых рук сведений о Востоке. Оживленные много-

часовые беседы шли об Индии и Тибете, об «учениях жизни» о результатах изучения «воли и материи», о йогах и буддизме.

Гостеприимные хозяева сделали так, чтобы вынужденно долгое пребывание в городе оказалось для гостей максимально полезным. Для них были организованы ознакомительные экскурсии к памятникам — «историческим зданиям» Омска. Рерихи осмотрели остатки острога XVII века, с которого начинался город, полуразрушенную тюрьму, где в тесных казематах отбывал томительную ссылку Ф. М. Достоевский, особняк «правителя Сибири» адмирала Колчака, строение, где заседал сенат колчаковцев. Особое удовлетворение доставило Н. К. Рериху посещение собора, в котором ему посчастливилось осмотреть «ветхое знамя Ермака» с изображением Георгия Победоносца. Не был обойден вниманием и Дом красноармейца. Гордостью культурных учреждений города считался краевой музей с особо выделенными в нем художественным и этнографическим отделами. В собрании картин оказались умно подобранные по русским художественным школам картины, щедро присланные из музейных хранилищ-запасников Москвы и Ленинграда. В этом отделе Н. К. Рериха поджидал приятный в неожиданности сюрприз: среди картин Левицкого, Мусатова и Левитана были помещены и его произведения — картина «Ладьи», написанная в 1903 г. при создании «сюиты» «Город строят», и эскиз «Древо преблагое». Итак, картины опередили его собственный приход в Сибирь. Правда, незаконченными они оказались и, как припомнилось ему, стояли почти четверть века назад около одной из стенок мастерской, терпеливо дожидаясь своей очереди. Не дождались! Но хорошо уж то, что сохранились, и совсем превосходно, что прибыли именно в Сибирь, будто преднамеренно на счастливую встречу со своим прародителем. А вот другим полотнам не повезло, ибо, по слухам,

после революции пропал из Академии «Зов змия», бесследно исчезли «Поход», «Внкрада», «Построение стен», «Святогор», а также другие. Утешаться приходилось лишь тем, что, быть может, на самом деле не пропали, поскольку при «изысканной игре жизни пути вещей так неожиданны». Приятно было также осознать в музее, как ценятся его картины в Отечестве. Цены на них, как сообщили Н. К. Рериху, дают высокие, он же предостерег работников галерей о поддельных под его стиль картинах, на которых кое-кто стал зарабатывать, создавая порой даже целые альбомы с фальшивыми подписями.

В музее Николай Константинович в очередной раз выслушал «сказку» о том, что он был убит в Сибири, куда его давно «необычно влекло», почти десятилетие назад — в 1918 г. Легенду поведал ему около картин местный учитель, пораженный встречей с живым, будто воскресшим, художником. Он сначала никак не мог взять в толк: как же не убит, если провели панихиды и напечатали некрологи, да еще такие «очень душевные», справили заупокойную службу в Иркутском соборе? Так сообщили газеты на всю Россию! Значит, не только картины, но и смерть поторопилась опередить его в прибытии сюда, в Сибирь. И тогда Н. К. Рерих пошутил: «Отпетому на панихидах светло работалось, плавалось по океанам и легко всходило на вершины. Верно, «панихида» помогла!»

Трехдневное пребывание в Омске завершилось празднично: 10 июня, накануне отъезда в Москву, Н. К. Рерих стал свидетелем татарского сабантуя, сезонного торжества, связанного с «новым посевом». Он сопровождался праздничными поездками в пригородный лес кавалькад разнаряженных экипажей со звонкими бубенцами и шумными состязательными скачками на конях и верблюдах.

7. Алтай — «сердце Азии»

...Четверо суток потребовалось, чтобы преодолеть расстояние от Москвы до Новосибирска — выехав поездом из столицы в четверг 22 июля 1926 г., когда город был погружен в траур по случаю похорон Ф. Э. Дзержинского, экспедиция прибыла в центр Сибири 26 июля. Состав участников ее пополнился, как и предполагалось ранее, прибывшими из США соратниками Н. К. Рериха: журналистом Морисом Михайловичем Лихтманом и его женой, впоследствии сотрудником Музея Рериха в Нью-Йорке Зинаидой Григорьевной Фосдик. Теперь было очевидно, что задуманное еще в 1924 г. посещение Сибири, а в пределах ее прежде всего «жемчужины Азии» — Алтая, как важнейшей части программы исследований экспедиции, станет реальностью.

Путь от Новосибирска к предгорьям Алтая пролегал по Оби, одной из величайших рек Сибири. Отбытие из города состоялось в очень жаркий день 27 июля. Обь сразу же, как и при плавании по Иртышу, поразила своей шириной, хотя, в сущности, путешественники следовали всего лишь по верхней части долины этого полноводного потока. Он где-то там, ниже, бурно низвергался из алтайских ущелий и через тысячи километров достигал берегов Ледовитого океана. Н. К. Рерих и его спутники до вечера, пока не наступила зыбкая прохлада, любовались низкими берегами, покрытыми тайгой. В воздухе после дождя был разлит пьянящий сосновый аромат, а река, как в ворота, устремлялась в две раскинувшиеся во все небо арки многоцветных радуг. Торжественным оказался первый день прохода к Алтаю! Открытые вольные просторы тянулись до Барнаула, куда путники благополучно прибыли 28 июля. Из-за того, что пароход, на который им предстояло пересесть, чтобы ехать далее, вовремя не пришел, ожидали его целый

день. Путешествие по Оби было продолжено в 3 часа утра лишь на следующие сутки, и завершилось оно 30 июля на пристани «маленького, очень тихого города» Бийска, куда пароход подплыл с опозданием на полтора дня. В этих местах уже явственным становилось приближение Алтая: прохладнее стал воздух, чувствовалось дыхание гор, а река, все еще сохраняя свое величие, причудливо петляла меж высоких и крутых берегов.

От Бийска начинался путь по долинам Алтая в глубь горной страны. Здесь предстояло нанять возниц с четырьмя телегами для багажа и выбрать дорогу в сторону Белухи, где поблизости от нее, на правом берегу Катуня, у подножия Катунского хребта, располагалось избранное для устройства стационарной базы экспедиции старинное русское село Верхний Уймон. О том, что нужно обосноваться именно там, Николай Константинович, очевидно, принял решение еще в Новосибирске. Во всяком случае, в дневнике З. Г. Фосдик в записи, сделанной 26 июля, сказано вечером того дня: «Вы все будете жить в Верхнем Уймоне...»

Выбор этот, как можно догадываться, определяли несколько важных обстоятельств, учитывающих, помимо прочего, советы неизвестных лиц, с которыми Н. К. Рерих беседовал, вероятно, в Новосибирске до отплытия в Барнаул. Верхний Уймон должен был привлечь его из-за близости к Белухе, куда его устремляли цели многообразные — мифолого-мировоззренческие, художественные и геологические. Оно, это село, было несомненно интересно как одно из самых древних поселений края, основанное людьми, весьма примечательными, — строптивыми характером крестьянами западных областей России, которые 300 лет назад бежали в Сибирь от тяжкого гнета господ, а главным образом из-за дерзкого неприятия реформ Никона и Петра Великого. С тех

пор они жили в труднодоступных, в значительной мере изолированных от внешнего мира теснинах Алтая, бережно сохраняя быт и уклад старорусской жизни, что всегда привлекало Н. К. Рериха. Там можно было ожидать встречи с тем, что, к прискорбию, уже растеряла Европейская Русь: древнеславянские легенды, традиционные для российского крестьянства рукоделья и ремесла, прикладное искусство, старого покроя одежды. Едва ли стоило также сомневаться, что богобоязненные крестьяне конечно же должны были бережно сохранить иконы, писанные богомазами Руси два-три столетия назад, и, быть может, даже, если особо повезет, рукописные книги с художественными миниатюрами, выполненными в несколько красок. Н. К. Рериху было известно, кроме того, что алтайские староверы имели, возможно, связи с тремя кержацкими селами Монгольского Алтая. Там, за рубежом, тоже жили русские беглецы в полном удалении от обычных мирских дел, строго сохраняя и блюдя свои обычаи, моления и слушая проповеди «своих нечетчиков», не допускающих ничего нового за околицу своих поселков. По рассказам туркестанских собеседников, монгольские кержаки водку не пили, табак не курили, а в хозяйстве занимались пушным промыслом, рыболовством, пчеловодством и скотоводством. В Верхнем Уймоне должны были знать о своих заграничных единоверцах, если контакты с ними сибирские староверы действительно поддерживали.

Была еще одна причина устремления в Верхний Уймон: немаловажную роль играла перспектива заполучить в распоряжение экспедиции превосходного проводника, известного в Западной Сибири каждому, кто посещал Алтай с научной и художественной целью,— коренного жителя тех мест Вахрамея Семеновича Атаманова. В ученых кругах Новосибирска должны были знать его как человека незаурядного и, очевидно, рекомендовали Николаю Константиновичу как достойного в

осведомленности проводника профессора Томского университета В. В. Сапожникова, который вел исследования в районе Белухи, а также известного алтайского художника Г. И. Гуркина. Верхний Уймон был, наконец, привлекателен для Н. К. Рериха и тем, что по соседству с ним размещались айлы коренных жителей Алтая и, значит, там же открывались заманчивые перспективы изучения всего связанного с аборигенной культурой.

Маршрут в сторону Верхнего Уймона был начат 1 августа. По записям в дневниках Н. К. Рериха и З. Г. Фосдик можно с достаточной подробностью восстановить живые детали обстоятельств, которые сопутствовали путешествию по Алтаю. Оно проходило далеко не гладко, и виной тому было отчасти то, что мужская часть экспедиции по легкомыслию своему не прислушалась к настойчивым предостережениям Елены Ивановны относительно очевидной для нее нерадивости и неуверенности в действиях возницы Эдокова. А он, как действительно выяснилось вскоре, не только не смог подобрать хороших лошадей и тщательно подготовить к поездке телеги, но, главное, не знал лучшего варианта пути к Уймону. «Пророчества» Елены Ивановны в том, что нежелающим прислушаться к ним «придется натерпеться многого», оправдались ко всеобщей досаде в первый же день. Караван из четырех телег двигался до невозможности медленно, и потому к месту первого ночлега в селе Красный Яр он прибыл настолько поздно, что здесь не удалось устроиться на ночлег. Пришлось тащиться в холодную ночь до соседнего поселка Алтайское, но и там, как нарочно, изба, где был деревенский постоя, оказалась настолько переполненной людьми, что Н. К. Рериху и М. М. Лихтману (будто и впрямь в наказание за пренебрежение к добрым советам!) пришлось провести ночь в беспокойной дремоте за столом, опершись на локти, а остальные нетерпеливо дожидались утра прямо на телегах.

Нелепые неурядицы, однако, продолжались и на следующий день. Мало того, что пришлось на протяжении нескольких утренних часов бестолково блуждать в поисках пути (Эдоков, как и следовало ожидать, не удосужился как следует расспросить о нем). Но когда дорога была, наконец, найдена, то она оказалась «умощенной» столь крупными камнями, что превратила езду в подлинную пытку. В довершение всего Лихтман был выброшен из телеги на обочину «тракта», и оставалось лишь радоваться, что происшествие это обошлось без переломов. Во избежание неприятностей решено было нанять дополнительно две верховые лошади, на которых и поехали дальше Лихтман и Юрий Николаевич. «У нас было очень опасное путешествие во всех отношениях», — записала в своем дневнике З. Г. Фосдик. На целый день затянулся проезд до очередного села Баранча. Удивляться тому не приходилось, если десяток верст преодолевались несколько часов. Тем большую радость доставил вполне сносный (в свободных комнатах!) ночлег в Баранче, где экспедицию приютили в доме Бочкарева, бывшего солдата, который совместно с кооперативом стал издателем газеты. Для Баранчи приезд экспедиции стал заметным событием: к Бочкареву наведались посмотреть необычных гостей несколько любопытствующих «кержаков». Не так часто, видно, посещали Алтай «американцы»!

Утренняя и дневная часть маршрута следующего дня прошла благополучно, и, казалось, невзгоды остались, наконец, позади. Караван без особых приключений прибыл в Туарак, где довелось отобедать в доме доброй учительницы. Н. К. Рерих со времени встреч с сибиряками на пароходах, когда плыл по Иртышу, а затем в Омске с особым удовольствием вел разговоры с учительством, удовлетворенно поговаривая обычно после бесед: «Какие славные учителя в этом краю!» Так было и на сей раз, хотя огорчило его грустное настроение

молодой учительницы. И все же на очередном этапе путешествия вновь были неприятности. Сначала после выезда из Тоурака начался дождь, который постепенно перешел в ливень такой силы, что пришлось переждать его в небольшом домике, встреченном по дороге. А затем случилась беда как раз с той телегой, колесо которой вызывало подозрение Елены Ивановны еще в Бийске: оно сломалось, и потому пришлось добираться до ночлега в селе Мариинском на трех телегах. Николай Константинович, однако, не терял присутствия духа, ободряя своим оптимизмом приунывших сотоварищей. Он находил во всем интерес, и многое из того, что для иного было пустым звуком, для него представлялось значительным. Вот взять те же названия сел — Елен-Чадыр, Баранчи, Тоурак или обозначения речек и урочищ, как их величают алтайцы. По этому поводу Н. К. Рерих говаривал вполголоса: «Как напевен лад, как созвучный звон». А потом, размышляя, бросал громче короткие фразы: «Сколько народов принесли свои лучшие созвучия и мечты. Шаг племен. Ушли и приходят».

Экспедиция прибыла в Мариинское, а на следующее утро, после отладки злополучного колеса, отбыла, покинув свое неудобное временное пристанище «в жалком домишке местной алтайки». И тут же вскоре, после переправы через реку Эдингол, стало ясно, сколь справедлив был Н. К. Рерих в своих призывах не унывать, ибо ведь и ранее предстоящее так часто искупало невзгоды. За Мариинским Алтай проступил сквозь туман во всей величавой красоте его гор и роскошном буйстве растительности. Поражали разнообразием переливов красок скалы и долины. Здесь преобладали тона синие и зеленые, но когда на скалах возвышенностей появлялись открытые поляны, то глаза разбегались при виде обширных ковров цветочного многоцветия. Более всего Н. К. Рериха поразили в алтайской расти-

тельности невиданно высокие травы и цветы, «звонкие, золотистые, синие, пурпуровые». В них буквально скрывался из вида, будто тонул, всадник с лошадей, встречный алтаец, пугливо удивленный непривычным обликом чужаков, которые для чего-то вдруг пожаловали в его страну. Николай Константиновича, между тем, поразило другое: до чего же сходным с ликами американских индейцев, смотрелось его встревоженное лицо. Отчего бы это? Однако от размышлений отвлекли засиявшие в лучах Солнца ослепительно белые снега и ледники на вершинах дальних гор. Высоки же они, если и в самые жаркие месяцы снежники остаются в неприкосновенности, а напротив, при столь дождливой погоде, наверное, прирастают.

В тот день удалось достигнуть поселка Черный Ануй, где временным «бивуаком» стал «не очень красивый, но очень чистый дом». В ходе бесед с хозяевами Н. К. Рериху было сообщено известие, весьма его взволновавшее: невдалеке от селения, на Караголе, местные жители знают пещеры, протяженность и глубина многих из которых остается неизвестной. Впрочем, одна из пещер в длину будто бы достигает около 70 саженей. Упоминались и многозначительные находки: какие-то надписи, возможно, древние, а также кости животных. Вот они, первые, достойные подробных исследований, памятники! Приходилось лишь сожалеть, что затянувшийся путь да и дождливая погода тоже не позволяли приступить к делу тотчас же. Тихая погода предшествующих дней сменилась вдруг налетами ураганных ветров, а в периоды затиший стали доносить тучи комаров. Создавалось впечатление, что по мере прохода в глубь горной страны появились признаки резкого изменения климата, но, возможно, все это было лишь случайностями момента.

После отъезда из Черного Ануя снова начались всевозможные неурядицы, будто кто-то злонамеренно пы-

тался воспрепятствовать продолжению путешествия. Дело, однако, было куда прозаичнее: продолжающаяся нерадивость Эдокова, а также смертельная усталость лошадей, которые не выдерживали тяжести неустроенной каменистой дороги. Наконец, наступил момент, когда две лошади вообще остановились и, несмотря на понукания, отказались двигаться далее. Пришлось расстаться с мечтой достичь к концу дня Усть-Кана, а вместо этого направиться в Муту, чтобы сменить лошадей. Там и довелось провести почти бессонную ночь, чтобы с рассветом вновь отправиться в направлении Усть-Кана.

С приездом утром в это обширное село, где размещалась последняя телеграфная станция, завершился четвертый день путешествия по Алтаю. Н. К. Рерих решил послать отсюда первую свою телеграмму в Америку, но столкнулся с неожиданным препятствием: телеграфист, которому, судя по всему, впервые пришлось встретиться лицом к лицу «с таким страшным зверем, как Америка», отказался принять депешу и, во избежание греха, что угрожал непредсказуемыми в последующем служебными неприятностями, посоветовал отправить текст в Бийск, где, по его разумению, телеграфное начальство и должно было взять на себя ответственность за последствия исполнения желания путешественников по Алтаю людей. Н. К. Рериху пришлось проявить настойчивость и после переговоров достичь компромисса: телеграмму здесь примут, но для отправки ее все же придется подождать разрешения на такое «действие» из Бийска. Таковы были алтайские нравы во второй половине 20-х годов. Дневка в Усть-Кане свершалась в доме пожилой женщины, которая, как с удовольствием узнал вскоре Николай Константинович, работала в прошлом учительницей. Можно ли представить большую удачу? Хозяйка радушно угощала гостей из дальних стран чем, как говорится, бог послал — моло-

ком, чаем и яйцами — и рассказывала о себе с готовностью. Оказалось, что она была в молодости революционеркой и по зову души и сердца ушла в свое время «в народ» для труда во имя его просвещения. Для Н. К. Рериха было чрезвычайно любопытно услышать от учительницы рассуждения о Христе как о «первом учителе коммунизма». Деятельность свою среди народа, а также своих друзей она сравнивала с весенним бдением на поле пахарей и сеятелей. Сожалела эта женщина лишь о том, что не доведется из-за возраста собирать урожай. «Внуки будут жнецами», — сказала она, кивнув в сторону своего сына. Тот, однако, как показалось Н. К. Рериху, не отличался уверенностью, смелостью и энергией своей матери.

Остаток того же дня был проведен в пути по направлению к Кырлыку. Дожди продолжались, превращая поездку по проселочной дороге в муку мученическую. Лошади едва могли тащить тяжело нагруженные телеги по вязкой грязи и угловатым камням. И все же, какими бы ни были тяжкими невзгоды, путевое мученичество искупалось потрясающими красотами долин Горного Алтая. Почти за два года путешествия по Азии с какими только чудесами не приходилось встречаться и, кажется, надеяться на впечатления, которые могли бы превзойти увиденное прежде, не приходилось. Но что за «необычайно изысканных очертаний» были горы за Усть-Каном, что за причудливые формы приобрели они за миллионы лет, что за волшебные в прелести цветковые тона окрашивали их, когда в просветах туч появлялось Солнце — пурпурные и особой сочности темно-синие! А что касается цветочных ковров, то, любуясь на розовые, желтые, ярко-красные и голубые пятна, беспорядочно рассеянные по зелени полян, Н. К. Рерих невольно припомнил удивившие его в глубинах Туркестана рассказы о прелестях цветущих на Алтае трав (цветут на скалах гор «какие-то особенно краси-

вые лилии»). Далеко же по Азии разнеслась слава о них! З. Г. Фосдик записала в тот день в свой дневник такие слова: «Дорога и пейзаж замечательные... Матерь (Елена Ивановна.— В. Л.) почти плакала от восторга при виде этой красоты». Окрестности оживлялись к тому же множеством стай гусей, уток и журавлей, а высоко в небе кружил, широко распластав крылья, молодой орел.

Вскоре, однако, наступил момент, когда лошади опять отказались двигаться. Они встали недвижно на размытой ливнями дороге и выглядели очень жалкими, почти полумертвыми от усталости. Поэтому, вопреки намерениям, пришлось остановиться на ночевку в Кырлыке в доме «почтового ямщика» и ждать, пока Эдоков съездит в соседнюю деревню для того, чтобы нанять свежих лошадей. Женщины и Юрий Николаевич провели ночь на воздухе в повозках, а Николай Константинович, Лихтман и геген просидели до позднего вечера в доме почтаря. Н. К. Рерих не пожалел о вынужденной остановке. Как выяснилось из разговоров, Кырлык располагался в местности, поблизости от которой, всего около 10 километров в сторону, находился весьма знаменитый для всего Алтая район, «где родилось учение о Белом Бурхане и его благодетельном друге Ойроте».

О, это была драматическая эпопея, и потому стоило попытаться разузнать о ее подробностях! Истоки ее восходят к старинной алтайской легенде, эпически повествующей о самом последнем из потомков Чингиса, хане Ойроте, правителе Алтая времени развала империи кровавого завоевателя. В легенде рассказывалось о сражениях Ойрота с врагами, которые нападали на его страну со всех сторон. Силы оказались неравными, и хану, не желавшему покоряться недругам, пришлось отступить. Он ушел со своими воинами в неведомые края, пообещав непременно вернуться и восстановить

государство алтайцев Спрошенный перед таинственным исчезновением о том, какие же будут знамения приближения времени его возвращения в горные ущелья Алтая, Ойрот отвечал: «Знаки усматривайте на Солнце и в очертаниях спин трех снежных вершин святой горы народа алтайского Катын-баш». Можно представить волнения Н. К. Рериха при слушании легенды об Ойроте. Ведь Катын-баш и была знаменитая трехглавая Белуха, в сторону которой и направлялась экспедиция. Это была та самая Белуха, коей предстояло стать пейзажным фоном задуманного еще в Ладакхе полотна «Ойрот. Алтай» с художническим повествованием эпоса, посвященного Белому Бурхану.

Святая вера народа в истинность сотворенных им самим легенд, а значит, и в реальность свершения предсказаний, проявилась, как узнал Н. К. Рерих, четверть века назад, в самом начале очередного, самого кровавого века в истории Руси. Надо же было случиться тому, что в первый же год нового века изменился контур одной из «спин» Катын-баш, а еще через три года «упала спина» второй вершины и появились отчетливые признаки нарушений на третьей. Это было воспринято алтайцами с энтузиазмом как верный показатель близости возвращения в родные места хана Ойрота, а с ним счастья и свободы для обитателей алтайских гор. На лике Солнца, правда, не удавалось усмотреть признаков знамения, но зато по селениям коренных жителей Алтая стремительно пронесся слух о том, что некая юная алтайка сподобилась встретить в горах незнакомого человека, который уверенно предрек скорый приход Ойрота и призвал ожидать его. Таинственный прорицатель сказал также и о том, что следует сделать к дням встречи с ханом. Алтайцам, оказывается, нужно было отвергнуть пристрастия свои к шаманам, перестать участвовать в их праздничных камланиях, предать огню деревянных богов шаманов, не приносить более в качестве

жертв лошадей, отказаться от традиционных обрядов и плясок, закопать в землю оружие, чтобы не смогли противники старой веры пустить его в ход. В обрядах поклонений богам все теперь предельно упрощалось: можно было ограничиться воскуриванием душистым можжевельником, исполнением «созвучных пений» да почтительными поклонами Белому Бурхану. Н. К. Рерих знал, о чем шла речь: «Белый Бурхан, конечно, он же Благословенный Будда». Впрочем, не оставляли и колебания: «Белый Бурхан, есть ли он Будда или иной символ?»

Итак, остановиться в Кырлыке означало побывать в том месте Алтая, где зародился бурханизм, новая вера алтайцев, воспринятая целым округом. «Здесь, истинно, ожидают прихода Белого Бурхана», — записал в своем дневнике Николай Константинович. Ожидали этого, как следует полагать, и в конце 20-х годов. А начало движению положил чабан Чет Челпанов, который пас свой скот в начале века как раз здесь, в долине Кырлыка. Под его водительством (да не этого ли человека видела в горах юная ойротка?!) алтайцы, увешанные по случаю молений цветными лоскутами тканей, собирались тысячами в логу Дерен, свершали моления и следили за Солнцем, опасаясь не заметить торжественного момента появления знамения. Для властей это были собрания отнюдь не безобидные, ибо участники их отвергали притязания начальства на соблюдение законов подчинения установленным порядкам. Объяснения при этом давались до наивности простые, что буквально приводило в бешенство губернских чиновников и все-ильную полицию: «У алтайцев скоро будет свой царь!» Противостояние закончилось печально — справляющих молебны в логу Дерен разогнали, а главного провозвестника прихода хана Ойрота Чета Челпанова арестовали и предали суду. Н. К. Рерих помнил об этом громком деле, поскольку именно из Петербурга два десяти-

летия назад отправились в Бийск три адвоката для участия в заседаниях выездной сессии Томского окружного суда. Они защищали творца нового религиозного учения и выиграли процесс. Кто бы мог подумать тогда, в 1906 г., что придется побывать в этом знаменательном месте рождения бурханизма!

С восходом Солнца следующего дня, около 5 часов утра, экспедиция вновь отправилась в дорогу, прихватив с собой для уверенности и спокойствия запасных лошадей. Путь пролегал по долине реки Кырлык и направлялся к ссду Абай, где предстояло нанять новых возчиков, которые и должны были доставить путешественников в Верхний Уймон. Места вдоль Кырлыка Н. К. Рерих оценил как весьма привлекательные для детальных обследований. Отсюда все чаще стали встречаться айлы алтайцев, среди строений которых можно было увидеть арханческого вида жилища — «конические юрты», покрытые лиственничной корой. Это были коренные земли «лихих наездников финно-тюркского рода, затерянного в Алтайских горах», отсюда начиналась глубинная часть страны Ойротии, богатой «прекрасными лесами, гремящими потоками и белоснежными хребтами». В тот день довелось увидеть место, где производились камлания. Значит, бурханизм не одержал полную победу над традиционными верованиями алтайцев. В аилах все еще пользовались значительным влиянием шаманы, которые назывались здесь «камами». Как рассказывали Н. К. Рериху, шаманы продолжали верховодить ритуальными и обрядовыми празднествами в округах, связанных с Ануем и Улалой (ныне Горно-Алтайск). Согласно поверьям, могущество их не знало предела. Они, положим, могли при желании вызвать снегопад или вдруг напустить на окрестности змей. Камы, однако, несмотря на свою силу оказались не способными пресечь распространение бурханизма в южных пределах Алтая. Там чтили Ойрота, могущест-

венного друга Белого Бурхана, и терпеливо ожидали, когда наступят времена всеобщего благоденствия.

Долина Кырлыка могла также стать полем любопытных изысканий из-за обилия здесь пещер. Н. К. Рерих видел темные входы в них на склонах скал противоположного берега реки. По рассказам старожилов этих мест, по протяженности пещерные ходы там очень велики. Попытки дойти до конца их оказались безуспешными. Н. К. Рерих в связи с этим припомнил повествование о «местах спасения людей» — таинственных пещерных галереях, которые будто бы протянулись на тысячи километров от Тибета на запад к Турфану через Куньлунь и Алтынтаг. Так ведь можно подумать, что в Кырлыке находятся выходы из трансзиатских подземелий!

В Абае экспедиция остановилась на подворье у мараловода Романова. Здесь Эдокова рассчитали, а вместо него были наняты три возницы из алтайцев с пятью телегами. Далее путь проходил через Юстик, где одна из телег, на которой ехал геген, перевернулась и сломалась, когда перепуганные лошади бешено поволокли ее по дороге. К счастью, ни геген, ни возница не пострадали — они успели спрыгнуть с телеги. Поклажу пришлось перегрузить на другие повозки. Перспективы на улучшение дороги не предвиделось, ибо уже четвертый день лили дожди, промочив почти насквозь не только одежду, но даже кожаные сумы багажа. К ночи на горы наползали туманы, и переправы через речки Синий Яр и Громатуху прошли не без труда. Николай Константинович опасался: выдержит ли сложности алтайского пути тибетец геген? Но он по-прежнему терпеливо переносил дорожные тяготы и, успокаивая своих спутников, говорил: «Эго правильно — иметь препятствия на пути в Шамбалу». Для него путешествие к подножию Катунского хребта было мученическим странствием в сокровенную небесную страну святых мудре-

цов и праведников, «держателей будущего мира», в котором восторжествуют истины учения великого Будды. Неуместным поэтому было бы сетование на тяготы. В Усть-Коксу, конечный пункт маршрута того дня, экспедиция прибыла поздней ночью и остановилась на ночлег в конторе Госторга. До конечной цели поездки оставался теперь всего лишь один переход.

Последний день пути тоже оказался дождливым. Неприятности скрашивались, однако, не только осознанием близости цели, но также выходом на левый берег долины самого великого водного потока Алтайской горной страны — Катунь. Слава об этой реке, как и о трехглавой Белухе, далеко разнеслась по степям, пустыням и горам Центральной Азии. О ней Н. К. Рерих слышал первый рассказ где-то в районе Урумчи, откуда ему так не терпелось вырваться, чтобы отправиться в Сибирь. Удивительным в неожиданности было то повествование: рассказчик уверял его, что Катунь — это как раз та река, на которой должны произойти сражения последней в истории человечества войны. После нее на Земле должны на века восторжествовать спокойствие и «труд мирный». Речь, как можно было догадываться, вновь шла о событиях, связанных с грядущим появлением на Алтае хана Ойрота, борца за справедливость. Катунь и в хмарное ненастье очаровала Н. К. Рериха: «По камням и порогам катится река Шамбатон. Кто бросит ей вызов? Катунь катит по руслу камни, истинно — Катунь». А далее припомнилось: «Катунь — по-тюркски — женщина». Алтайцы чтили этот шумный и стремительный горный поток, причудливо извивающийся среди крупных и высоких горных теснин. Для них она была в легенде красавицей — девушкой, которую развели с ее женихом Бием, другой рекой Алтая, злые духи скал. Это они взгромоздили между Катунью и Бией суровые хребты, чтобы возлюбленные никогда не

могли соединиться друг с другом. Но напрасными оказались старания безжалостных разлучников: неукротимые в любовном порыве Катунь и Бий, преодолев горные преграды, сливались вместе. Река Обь, в которой они воплощались за пределами гор на равнине, знаменовала их победу. «Приветлива Катунь. Звонки синие горы. Кто сказал, что жесток и неприступен Алтай? Чье сердце убоялось суровой мощи и красоты?»

Небезопасная переправа через Катунь прошла под проливным дождем и доставила множество хлопот. Стремительное течение потребовало приложения дополнительных сил: перевозчику усердно помогали толкать тяжелый, неуклюжий паром Юрий Николаевич и М. М. Лихтман.

Наконец впереди показался высокий скалистый хребет, наглухо закрытый у вершин тучами, а у подножия его виднелась россыпь больших деревянных домов. Это и был конечный пункт поездки на Алтай — Верхний Уймон, почти со всех сторон бережно прикрытый от ветров, а быть может, и «недоброго взгляда». Семь нелегких дней продолжалась поездка сюда, в горную глухомань, и вот теперь, около 11 часов дня, караван путешественников, поливаемый с Неба щедро водой, как из ведра, въехал в поселок. Да, в укромное место удалились староверы от своих гонителей и основательно, на века, устроились здесь — такие мысли пришли в голову спутникам при виде всей округи и крепких домов старинного села, срубленных из могучих лиственниц. И опять нахлынули на Николая Константиновича воспоминания о Российском Севере. Там тоже в домах узкие окошки и вознесены высоко над фундаментом...

Семейство Рерихов поселилось в двухэтажном, шестистенном, окруженном палисадником с цветами доме Вахрамеев Семёновича Атаманова. Он сам открыл ворота во двор усадьбы, гостеприимно пригласил въехать

«ходок», запряженный двумя лошадьми. А затем, уже после представления гостей, коротко спросил Н. К. Рериха: «Кто прислал?» Ответ последовал такой: «Нам сказали, что у вас всегда путешественников принимают». Это был знаменитый на весь Верхний Уймон дом: на верхнем этаже его с деревянным резным диваном в сенях располагалась некогда молельная комната староверов. Темные пятна на стенах ее обозначали места, где ранее висели иконы. Лучшего пристанища для Николая Константиновича, художника и ценителя народного творчества, трудно было подобрать — внутри дом оказался богато расписанным узорами из трав и цветов, которые размещались на светло-голубом фоне. А на одной из стен светлицы находился, кроме того, рисунок красной чаши, будто намеренно сделанный в преддверии приезда сюда Н. К. Рериха, не единожды возвращавшегося к мысли об истинном предназначении таинственных чаш в руках древних изваяний из камня. Не случайно же позже, увидев ее, он многозначительно чиркнет в дневнике для памяти и раздумий: «На стене красная чаша. Откуда? У ворот сидит белый пес. Пришел с нами. Откуда?»

Было на втором этаже и место для отдохновения от трудов — деревянный, обращенный в сторону двора, балкон, с которого открывался превосходный вид на синегорье Катунского хребта. Дом старшего Атаманова, патриарха многочисленного семейства, много перевидал радостного и тревожного за последние десятилетия: здесь предпочитали останавливаться оказавшиеся в Верхнем Уймоне путешественники, ученые, художники и купцы (за несколько дней до приезда экспедиции Н. К. Рериха в доме жила большая группа геологов, которые работали в районе Белухи), а в страшные годы гражданской войны в нем размещались штабы белых и красных отрядов. В то лето 1926 г. Вахрамей Семенович ожидал гостей из Ленинграда (инженера-геоло-

га Падурова и студента-практиканта из университета; они намеревались работать в Ак-Кеме у подножия Белухи), да и Н. К. Рерих пригласил приехать сюда же геолога Пономарева из Казахстана, чтобы вместе побывать на Белухе.

После размещения без труда были улажены разного рода бытовые проблемы. Поскольку Н. К. Рерих попросил хозяина взять на себя заботы о столе и прочем, то Вахрамей Семенович, отец десятерых детей (что было в ту пору «вполне по крестьянскому обычаю»), устроил по такому почетному случаю смотрины своим четырём дочерям: выбирайте, мол, какая больше по нраву. Так в экспедиции появилась «хозяйка» — Агафья Вахрамеевна. Ей предстояло совместно с гегеном Рамзаной, прозванным вскоре селянами «монахом», исполнять разного рода «домашние обязанности», в частности «стряпать» оладьи, пирожки с творогом и малиной, а также варить суп. Да и Вахрамей Семенович дал понять, что сам примет участие в таких делах, поскольку ко многому привычен из-за давней болезни жены: растопить ли русскую печь, сготовить ли. Гости же на то ответили, что и сами по возможности помогут в этих делах. На том и порешили. Рамзана поселился в отдельной избе, что стояла на подворье Атаманова, а З. Г. Фосдик и М. М. Лихтман, из-за вида которых всех участников экспедиции вскоре прозвали «американцами», остановились у одного из соседей Атаманова — у крестьянина Куприяна. Для будущих поездок по окрестностям на ходке или верхом были наняты две хорошие лошади. Для Елены Ивановны, которая намеревалась начать осваивать верховую езду, специально нашли «смирненную лошадь». Сложностей с наймом лошадей не было, благо сын Атаманова, Василий Вахрамеевич, был в Верхнем Уймоне председателем сельсовета.

В первый день пребывания в Верхнем Уймоне при-

шлось, как записала в своем дневнике З. Г. Фосдик, «заняться починкой», ибо многое из содержимого багажа оказалось промоченным насквозь и вышло из строя. Одежда и белье безобразно полиняла, покрывшись черными, зелеными и красными пятнами. Пришлось поэтому обратиться в лавку купца Печенина и закупить недостающее. Юрий Николаевич защеголял с того дня в обычной для местных кержаков зеленой коленкоровой рубашке, которую он стал носить навывпуск, перепоясав ремешком, т. е. в полном соответствии с модой Верхнего Уймона. Она «была ему мила» настолько, что он просил Агафью Вахрамеевну стирать рубашку «осторожно, чтобы не полиняла, не порвалась», ибо хотел ее «до дому довести». Елена Ивановна тоже полностью перешла на «здешнюю одежду». Ее обычно видели в селе обряженной в «долгую одежду» — очень длинный и широкий сарафан. И только Н. К. Рерих да «индус» Рамзана остались верными строгому канону этикета: первый, как бы ни было жарко, выходил на улицу в строгом сером костюме и со шляпой на голове, одетой поверх любимой азиатской тубетейки, а второй расхаживал или раскачиваясь сидел на Земле в наброшенной на плечи монашеской накидке. Подготовка к предстоящей работе завершилась вымосткой камнями дорожки от калитки «ставки» экспедиции до ворот дома Куприяна. Непролазная грязь на улице после ливневых дождей затрудняла проход одетых в туфли истинных американцев Фосдик и Лихтмана. Вечером, при свете свечей (из-за нежелания жечь керосин, которого в селе не доставало), были оговорены планы действий на ближайшие дни. Эта вечерняя работа при свечах стала в последующем традиционной, ибо на счету был каждый час.

Интересную работу можно было вести уже с раннего утра, после 6 часов, когда все поднимались и Елена Ивановна с удовольствием исполняла свою первую обя-

занность — открывала окна дома. А все оттого, что сама по себе усадьба Вахрамеев Семёновича вызывала заинтересованное внимание Н. К. Рериха. На подворье можно было посмотреть домашнюю кузню, принадлежащую хозяину дома. В ней он, в случае нужды, трудился спозаранку как заправский кузнец, будто это и было его главным ремеслом, обеспечивающим достаток семьи. В доме, как выяснилось, выделялись и овчины, причем к этому делу привлекалось все многочисленное семейство, вплоть до внуков. Их Вахрамеем Семёнович приучал к труду сызмальства. Вот и пасека в ограде не только лишь для сбора пчелками меда, а и для освоения домашними тонкостей ухода за ульями. Негрешно и гостям посмотреть, как добывается деревенское лакомство. Можно было при желании посетить комнату патриарха семейства и познакомиться с коллекцией примечательных камней, которые собирались им с того времени, когда два десятилетия назад, в 1905 г., стал как лучший знаток самых потаенных алтайских троп водить по горам и долинам Прикатуны разные экспедиции ученых людей, а также художников и интересующихся промыслами. Там же, в этой комнате, хранилось бесценное собрание целебных алтайских трав — корней, цветов и стеблей всевозможных растений. Они использовались хозяином для врачевания не только людей, но и животных. В знании лекарственных трав в Верхнем Уймоне не было равного старшему Атаманову. Недаром к нему для консультаций по этой части приезжали специалисты по ботанике даже из самой Москвы. Их интересовали целебные свойства алтайских растений, а также их народные наименования.

Вахрамеем Семёнович был также обладателем примечательной для крестьянского дома библиотеки. Книги и журналы он выписывал для себя из города. Для Н. К. Рериха доставляло истинное удовольствие беседовать с ним по самым разным вопросам крестьянской

жизни, начиная от забот хозяйственных и кончая темами личносно сокровенными, духовными. Вот почему только хозяину дома дозволялось без приглашений и дополнительных оповещений в любое время в течение дня заходить в комнату Николая Константиновича. Атаманов любил, лишь только представится удобный случай, потолковать, в частности, а заодно и посоветоваться со знающим человеком относительно того, как наилучшим образом вести крестьянину свое дело в новых условиях, когда в село все чаще приходят подводы, нагруженные сельскохозяйственными машинами. Ими теперь, видно, пришла пора обрабатывать пашни. Высказав суждение об устремленности работающих мужиков села «к доброй кооперации», о необходимости сменить коней на «машины-американки», Вахрамеем Семенович высказывал, удивляя Н. К. Рериха, «здравые суждения о германской и американской индустрии», и у гостя начинало крепнуть убеждение, что обитатели Верхнего Уймона, пожалуй, и в самом деле «рано или поздно, но будут работать с Америкой», ибо чувствовалось вполне определенно: «староверское сердце вместило машину». Энтузиазма же лютым на труд алтайским кержакам явно не занимать, в чем Н. К. Рериху и предстояло неоднократно убедиться при разговоре с хозяином дома и другими селянами, которые посещали его из любопытства встречи с прибывшими издалека «американцами». Кооператоры Верхнего Уймона были настроены, рассуждая о грядущих переменах, оптимистически: «Мы-то выдержим. Только бы машины не лопнули. Пора бы их переменить».

Но не вечно же говорить о серьезном! И вот Николай Константинович на смену поднаскучившим «индустрийным толкам» слышит вдруг староверскую «стихиру» — Вахрамеем Семенович, решив заполнить паузу в разговоре, начинает вполголоса и как бы про себя «мурлыкать напев какого-то сказа». Постоялец, с трудом

улавливая слова, не без усилий разбирается, наконец, в песнопении и тут же приходит в восторг, услышав такое: «А прими ты меня, пустыня тишайшая. А и как же принять тебя? Нет у меня, пустыни, палат и дворцов...» Так, непринужденно и легко, разговор вливается в новое оживленное русло, и увлеченные седобородые собеседники вновь оказываются (к обоюдному удовольствию) достойными друг друга. Николай Константинович начинает разъяснять, что «стихира», занесенная на Алтай, есть сказ про царевича индийского Иосафа, познанный русскими еще в давние средние века при ознакомлении с жизнеописанием Будды — Сиддхартхи Гаутамы: «Знаешь ли, Вахрамей, о ком поешь? Ведь поешь про Будду. Ведь бодхисаттва — бодхисаттв было переделано при переводе с греческого в Иосаф...» А про себя Н. К. Рерих дивится, размышляя о неисповедимых путях господних вхождения Будды «в кержацкое сознание» и о том, как «пашня довела староверов до машины, до кооперации».

Дальние страны, где, как выяснилось при продолжении разговора, обитал Будда — Иосаф и где было составлено описание его чудесных деяний, не удивляли, однако, Вахрамея Семеновича. К удовольствию Н. К. Рериха, он начинал рассказ об удивительной дальней Земле, которая прозывается среди алтайских староверов Беловодьем. В последующие дни Николай Константинович и Елена Ивановна приложили немало усилий, чтобы по возможности полнее собрать известия об этой таинственной стране, о которой в Верхнем Уймоне, согласно воспоминаниям З. Г. Фосдик, «говорил каждый, как будто все староверы со всех концов света съехались на Алтай в поисках Беловодья». Видимо, сама эта горная страна, куда столетия назад в поисках богатых и плодородных мест прибыли гонимые реформаторами Руси крестьяне, все же не стала для них настоящей «землей обетованной», где искали они покоя,

благополучия и справедливости. И тогда, насколько можно было уяснить из бесед с В. С. Атамановым и его соседями Огневыми, более полувека назад, в середине XIX века, «необычайная весть» была принесена к алтайским староверам: «В далеких странах, за великими озерами, за горами высокими, там находится священное место, где процветает справедливость. Не была и тут жизнь по-настоящему счастливой. Там живет высшее знание и высшая мудрость на спасение всего будущего человечества. Зовется это место Беловодье».

Староверы знали, что Землю эту нужно искать в южной стороне, в горах Монголии, Тибета или Индии, в Гималаях. Это оттуда, по рассказам, пришла однажды на Алтай «прекрасная, ростом высокая, станом тонкая женщина с темной кожей лица, одетая в долгую рубаху, как бы в сарафан. Великий народ живет там, справедливый народ». Так первоначально рассказывали калмыки и монголы «праотцам» кержаков, которые «жили по старой вере и древнему благочестию». Жители Верхнего Уймона при постижении таких вестей оказались достойными преемниками мечтаний своих предков, не убоавшихся в свое время отправиться во имя спасения духа и тела в тысячекилометровые странствия. Как выяснилось, очередную попытку отыскать во благо людей «землю счастья» предпринял десятилетия назад не кто другой, как дед самого Вахрамея Семеновича. Он отправился в Беловодье с отцом семейства Огневых, пытаясь найти благословенные Господом Земли где-то, очевидно, в пределах Северной Монголии. Странников, однако, постигла неудача, хотя они, возможно, и были, судя по их рассказам, почти на пороге достижения цели. Как будто о том свидетельствовала встреча с темнокожей женщиной, одетой в белые одежды, а также услышанный однажды, доносившийся откуда-то издали «колокольный звон». Деду Атаманову и его более молодому спутнику пришлось все же вернуть-

ся, ибо «не могли они вынести тяготы пути». А вот другая жительница села, Соколиха, которая всего три года назад, в 1923 г., отправилась в Беловодье вместе с бухтарминскими старообрядцами, надолго как в воду канула. Ни она и никто из ее спутников к лету 1926 г. на Алтай не вернулись. Правда, рассказывают, что пришло недавно письмо от Соколихи: «Пишет, что в Беловодье не попала, но живет хорошо. А где живет, того и не пишет».

Неудачи объяснялись, по-видимому, недостаточной ясностью, по каким путям следовало идти в Беловодье, отсутствием терпения в преодолении препятствий и при-скорбной неосведомленностью о наиболее подходящем времени, когда следовало отправляться в дорогу. Н. К. Рерих записал при одной из особо доверительных бесед на удивление детально обозначенный маршрут: «Седобородый строгий старовер (вероятно, Вахрамей Семенович? — В. Л.) скажет вам, если станет вам другом: «Отсюда пойдешь между Иртышем и Аргунью. Трудный путь, но коли не затеряешься, то придешь к соленым озерам. Самое опасное это место. Много людей уже погибло в них. Кто пути не знает, тот пропадет в озерах или в голодной степи. Но коли выберешь правильное время, то удастся тебе пройти эти болота. И дойдешь ты до гор Богогорше, а от них пойдет еще труднее дорога. Коли осилишь ее, придешь в Кокуши. А затем возьми путь через самый Ергор по особому ходу на конях, к самой снежной стране. А за самыми высокими горами будет священная долина. Там оно и есть, самое Беловодье». Высказывались, впрочем, и значительно менее определенные мнения о путях достижения «страны счастья и справедливости». Попробуй-ка проникнуть в нее, если, как утверждают знатоки, «много подземных ходов ведет туда». Обреченностью веет также от заявлений отчаявшихся проникнуть в Беловодье: «Несколько видели это». В то же время в Верхнем Уймо-

не находились и такие, кто с уверенностью убеждал Н. К. Рериха в том, что «некоторые из обитателей Беловодья живут в других странах, даже в Америке. Бывает, что и беловодские люди выходят (из той земли)».

У Николая Константиновича и Елены Ивановны, терпеливо выслушивающих «рассказни» кержаков, довольных вниманием к их познаниям о «стране народных мечтаний», по мере накопления сведений о Беловодье все более крепло убеждение в том, что в основе староверских повествований об этой сказочной земле «лежит сообщение из буддийского мира». Поражала ширина пути, которого следовало придерживаться. Попробуйте-ка выдержать точный маршрут, если вам предложено войти в ворота, шириной от Иртыша до Аргуни! Н. К. Рерих, однако, точно определил, что скрывается за такой неопределенностью. Речь шла о пути в сторону «Крыши Мира», в направлении высочайших, покрытых ледниками, горных хребтов юга Азии — Тибета и величавой Гималайской горной страны, одним из «полюсов» которой он воспринимал Алтай. В то же время это были ворота, через которые русские проникали в таинственные глубины азиатского материка. Страстные порывы странников-старообрядцев Алтая к отысканию Беловодья выглядели в представлениях Н. К. Рериха своеобразным отражением векового стремления Руси на Восток, частицы души которого благотворно влились в ее культуру.

Кержацкий быт и всякие проявления обыденной жизни влекли к себе сердце Н. К. Рериха как чудом сохранившееся в неприкосновенности душевно дорогое ему прошлое России. Наблюдать все это можно было опять-таки, не выходя за ограду дома Вахрамея Семеновича. Вот готовит он обед, неторопливо расхаживая около огромной русской печи. Почему бы не поинтересоваться, как быстрее растопить ее, как удобнее ухватом отправить в пышущий жаром створ чугунок и где его рацио-

нальное всего разместить; как называется приспособление для загребания углей (клюка — надо же, сколь непривычное название!), а как для захвата сковороды (сковородник)? Наука орудования у печи кажется немудреной, но сподобился же опростоволоситься Юрий Николаевич, когда попытался, взяв ухват, отправить внутрь печи чугуна, наполненный супом. Увы, не хватило сноровки — чугуна завалился, и варево выплеснулось на пол под добродушный смех хозяина. Схватился за голову юный Рерих, да поздно! Будет знать теперь, что и на столь простое в хозяйстве нужно умение.

А как хороша в непривычности покроя и цветастости старообрядческая одежда! Елена Ивановна попросила однажды Агафью Вахрамеевну обрядиться «в праздничное по-девичьи» — сарафан цветастый и шаль. На загляденье вышла картина — полтора десятков снимков сделал Юрий Николаевич фотоаппаратом, как одну и со всех сторон, так и позже вместе с отцом. А затем в ход пошла кинокамера, чтобы запечатлеть, как смотрятся все в движении. Самодеятельный оператор при том приговаривал непонятное: «Будешь у нас по стенке бегать». Николай Константинович предпочитал более надежный способ увековечить увиденное: черноглазую красавицу Варвару Бочкареву, наряженную в ярко-цветастый сарафан, он нарисовал красками и перспективу ей определил более спокойную, сказав: «Будет эта девушка в музее». Кое-что из одежды староверской закупалось для коллекций. В особенности Н. К. Рериху нравились самотканые, узорчатые с письменами пояски. Их он накупил множество.

Не только поместье В. С. Атаманова стало объектом пристального внимания членов экспедиции. Многие строения деревни были вполне достойны того, чтобы приглядеться к ним, старательнее запечатлеть на пленку или зарисовать бросающиеся в глаза архитектурные детали. Поэтому Н. К. Рерих не удивился, узнав, что по

Верхнему Уймону ходит одетая в цветной сарафан и повязанная платком (как все местные) молодая «заезжая художница» Наталья Николаевна Нагорская и по заданию Новосибирского краеведческого музея «зарисовывает старые уголки: ворота, наличники окон, резные балки и коньки крыш». Собирала она у старожилов и образцы народного прикладного искусства. Дело это представлялось Николаю Константиновичу вполне своевременным, ибо стремительно вторгалось новое в традиционную культуру кержаков Алтая и потому следовало, пожалуй, поторопиться составить, «как перед дальним путем, последний список вещей». Кто бы мог подумать тогда, сколь справедливой была эта мысль Н. К. Рериха, который с тревогой наблюдал, как вытесняют в быту уймонцев «венский стул и линючий ситец» привычное и бережно сохраняемое веками. Он понимал, разумеется, что напор цивилизации силен, и потому с грустью предрекал, что «исчезнут с крыш резные коньки», отойдут в прошлое прекрасные отзвуками родной сибирской старины «узоры набойки». Думы его, однако, направлялись в главное: а чем заменится исконно народное? «Задачу дать облик будущей жизни» представлял он в своих размышлениях при поездках по Верхнему Уймону молодым «с находчивой рукой» и гораздых на «затен без предрассудков». Они-то и должны бережно преобразовать «обстановку дома» алтайских сел, ибо «старый уклад жизни с ее живописными резными домиками, с парчевыми сарафанами и древними иконами» явно отступал и задача теперь состояла в том, «чтобы при новых формах жизни старина не заменялась рыночным безвкусием» у народа, имеющего «наследие высокохудожественных сибирских древностей, наследие Ермака и отважных искателей».

На оптимистический лад Н. К. Рериха, между тем, настраивали отнюдь не какие-то молодые деятели художественной культуры, которым еще, очевидно, пред-

стояло появиться когда-то, а хранители попавшего в опасную зону исчезновения старого, традиционного. В Верхнем Уймоне их живо и надежно олицетворяла Агафья Семеновна Атаманова, родная сестра Вахрамея Семеновича, известная в миру как «бабушка Агашевна», а по дневникам Николая Константиновича как «тетка Елена». Вот уж поистине не обделенным талантами оказалось семейство кержаков Атамановых! Агашевна, как и ее брат, превосходно знала «травы и цветики», коими успешно врачевала всю округу. Но «лекарством» дело не ограничивалось. Она, с кем Н. К. Рерих «разговаривал много», представлена в его дневнике как «письменная искусница», что можно понимать двояко. Дело в том, что Агашевна была известна в селе как «искусница» по составлению для каждого желающего «важных писем». Узнавала лишь, кому должно быть составлено письмо, а затем, водрузив на нос очки в черной оправе, начинала выписывать на бумагу гусиным пером черными, самой изготовленными из березовой чаги, чернилами крупные старославянские «буквицы», выстраивая их в ровные, аккуратные строчки. Письмо обычно украшалось в верхнем углу мудреной заставкой, «узорчато-травянистой» или «затейливой с фигурами». Поражало Н. К. Рериха и то, что художественно украшенное письмо сочинялось не в прозе, а в качестве «сердечного стихотворного послания», длинного и талантливое. Под конец оставалось лишь промокнуть испещренный витиеватыми буквицами листок, посыпав его золой. Так, наверное, и делалось на Руси много веков назад, и где как не на Алтае, в долине Катуня, можно было понаблюдать за всем этим.

Бабушка Агашевна была «письменной искусницей» еще и вот почему: в ее дом, поставленный недалеко от горы, несли из всех сел Прикатуны древние рукописные книги старообрядцев. Она бережно подправляла их, подклеивая переплет и листы, восстанавливая ста-

рославянские буквицы и художественные, в разных цветах заставки. Н. К. Рерих усматривал в «тетке Елене» коллегу по живописному искусству, но, что, быть может, представлялось ему более важным, в облике ее и художественных деяниях, глубоко народных в существе своем, виделись ему старорусские «богомазы». Наверное, и кисти у них были такие же, как у Агашевны, и красители хранились в таких же, как у нее, горшочках, а возможно, и приготавливались эти стойкие сочные краски, как это делала она, отваривая олифу и смешивая ее с какими-то, ей только ведомыми, добавками. Н. К. Рерих, ознакомившись с росписями «тетки Елены», назвал ее «травчатым живописцем». «Всякие травяные узоры» написала она охрой, баканом и суриком на «дверях, скрынях и наличниках». Дома украшались ею «птичками цветистыми», а то и «желтым грозным львом-хранителем». Образцы ее росписей можно было видеть не только в Верхнем Уймоне, но также во многих окрестных селах, куда она с готовностью приглашалась: в Нижний Уймон, Мульту, Усть-Коксу. Работа бабушки Агашевны ценилась староверами высоко. Однажды даже за роспись избы она получила в дар коня! Во многих домах можно было встретить также расписанные ею «цветами, травами, птицами» и пятнами-горошками самые разные предметы обихода: мебель, прялки, люльки, квашни, бочонки, кубышки, деревянную посуду. Нравилось это в прошлом, восхищает искусствоведов и теперь, когда в творениях Агашевны, сохранных в сибирских музеях, они отмечают «яркость декоративных отношений», «богатую фантазию», «изящество рисунков», «смелость тональных контрастов».

Воспоминания старожилов Верхнего Уймона сохранили восхищение домом самой бабушки Агашевны, который выглядел «чудо-теремом из русской сказки». Не вызывает сомнения, что этот поставленный на берегу реки у взгорья «круглый домик», крытый розоватым же-

лезом, осмагивался с особой тщательностью всеми участниками экспедиции Н. К. Рериха. Дивиться, в самом деле, было чему. Снаружи дом был окрашен белой краской, поверх которой хозяйка щедро разместила горделивых или нахотливых птиц, рисунки зверей, а также орнаментальные узоры из цветов и трав. Наличники окон были резными, с затейливой вязью впечатанного в дерево орнамента. Сказочной красочности мир ожидал каждого вошедшего в дом — белые стены и внутри Агашевна украсила узором и рисунками. На полу же двух комнат «лежали» выписанные красками дорожки и «затейливый персидский ковер». Остается лишь вообразить, как радовалось сердце Николая Константиновича, художника и душевного любителя старины, при виде всего этого сотворенного в алтайской глуши. Неистребимой представлялась ему, очевидно, прирожденная творческая мощь русского человека, трепетного хранителя бесценного национального достояния предков.

Обстоятельства жизни староверов в Верхнем Уймоне интересовали Н. К. Рериха во всевозможных деталях. Для него стало очевидным, что «староверы значительно отступили от многих религиозных предрассудков», что выразилось, в частности, «в приветливости к иностранцам, чего раньше не было». В то же время, очевидно, оставалось в сохранности множество «измышлений», которые не легко было рассмотреть «среди зеленых и синих холмов и таежных зарослей». Каких только «непонятных толков» не приветила Сибирь: тут были и темноверцы с их закрытыми створками иконами, предназначенными для индивидуальных молений; и калашники, взывающие к богу через отверстие калача (!); и хлысты, и молокане. «По бороде и по низкой повязке» не определишь, кого представлял встреченный на улице или на горной тропе. Среди прискорбных «нововведений», вызванных отступлением от старых уста-

новлений жизни кержаков, в особенности угнетало Н. К. Рериха распространяющееся среди них, как зараза, пьянство. Когда в Верхнем Уймоне наступал праздник и начиналась гульба, сопровождаемая беспорядочным пением и падениями на улице зело перебравших водки, то он отдавал распоряжение закрыть окна и уйти всем в дом. При этом с яростной досадой говорилось подвыпившим: «Нет в вас крепости!» Надежда оставалась на повышение образованности, и потому Н. К. Рерих допытывался, сколько школ появилось в староверских селах, как велико число детей, отданных на учебу. Интересуясь течением жизни в Верхнем Уймоне, он посетил дом инвалидов, который размещался в старом здании школы, и пожертвовал двенадцати проживающим там старикам сумму денег, на которую они могли купить 6 коров! Чтобы хоть чем-то отблагодарить Николая Константиновича, один из обитателей дома пришел в дом Вахрамея Семеновича и стал играть на губной гармошке.

Верхний Уймон был, естественно, лишь одним из объектов исследования экспедиции в Горном Алтае, причем совершенно определенного плана, связанного главным образом с изучением жизни далеких потомков первых переселенцев в Сибирь русских. В целом же в решении главных аспектов программы пребывания на Алтае это село стало стационарной базой, откуда почти ежедневно осуществлялись маршруты по разным направлениям и с разными целями. В доме Вахрамея Семеновича постоянно велись разговоры с ним, а также с другими старожилами о природных богатствах края: о золоте в горах, о ключе с золотыми россыпями, о нефти, которая, возможно, была в пристепной части Алтая. Елена Ивановна говорила посетителям: «Если Урал богат, то Сибирь еще богаче». Крестьяне после этих бесед, а то и по просьбе Н. К. Рериха стали приносить отовсюду камни, которые обращали на себя внимание чем-

то необычным. Находки хорошо оплачивались из специальной шкатулки, стоявшей у всех на виду в комнате Николая Константиновича. Сведения о местах сбора их записывались, камни тут же опробовались М. М. Лихтманом для определения возможного содержания в них руд, а затем сортировались по мешочкам, которые шились домашними Атаманова.

В наиболее перспективные для открытия залежей районы совершались специальные поездки. В них зачастую участвовали все члены экспедиции, в том числе успешно освоившие верховую езду Елена Ивановна и Зинаида Георгиевна. Одетые по-походному в брюки и «сапожки расшитые, цветастые и простые», со шляпами с полями на головах, они такими необычными в одеяниях и запомнились жителям Верхнего Уймона. Разведки по горам были, судя по всему, весьма удачными. Экспедиции удалось открыть руды свинцовые и железные, а также признаки залежей золота и каменного угля. Н. К. Рерих посетил с В. С. Атамановым асбестовый завод в Околе, построенный братьями Минешевскими. Побывал он и в районе озера и реки Ак-Кем («Некто белый»), наполненных молочно-белой водой, что позволило ему записать в дневнике: «Чистое беловодье». Там в тот год целый месяц работал сотрудник Геологической комиссии Ленинграда Падуров. Вот какое общее впечатление сложилось у Н. К. Рериха о минеральных богатствах края: «Здесьняя местность как вчера родилась. Золотые здесьние места». И потому сожалел: «Глух и заброшен Алтай. И город на новом месте еще не построен». Этому вторит запись в дневнике Зинаиды Георгиевны: «Какая изумительная страна, скалы полны залежей, ждущих открытий. Строить здесь, творить здесь».

Н. К. Рерих, удовлетворенный открытиями, уверял свое окружение, да и кержаков Верхнего Уймона тоже, что у здешних земель в долине Усть-Коксы великое бу-

душее. Это место, которое он оценивал как одно из самых красивейших мест России, виделось ему подходящим для строительства города, названного им чисто по-риховски звонко и романтично — Звенигород. Все здесь, в предгорьях, для него подходит: и богатства природные, и красоты пейзажные, и земли прочные. Быть ему центром культуры! Староверы с готовностью соглашались, сомневаясь, правда, в одном: откуда же достать для города вдоволь воды? Николай Константинович успокаивал их: «Водопровод проведут». Он был настолько вдохновлен захватившей его идеей, что вскоре из Верхнего Уймона были отправлены два письма — одно в Москву Г. В. Чичерину, а другое в Улалу председателю облисполкома Алтая Алыгазову. В них предполагался план сооружения того самого, рожденного мечтой Зенигорода, железной дороги Барнаул — Катанда, откуда до Белухи оставалось бы всего два перегона, реконструкции существующих в Горном Алтае заводов и строительство новых, а также начало разработок залежей минерального сырья в отрогах Катунского хребта. Так «сердце Алтая» могло бы найти единение через Барнаул с Семипалатинском и Новосибирском.

Задуманное казалось тем более реальным, что еще в довоенное время строительство такой магистрали планировалось, и «уже тогда инженеры прошли по этой линии», как о том знали даже в Верхнем Уймоне. Местный же народ был готов к сотрудничеству, о чем свидетельствует запись в дневнике З. Г. Фосдик: «Пришло несколько человек. Они с огромным интересом говорили об Америке и выражали большую надежду сотрудничать с ней». О том же в записях Н. К. Рериха: «Теперь бы нам машинок-американок завести. Пора коней освободить. Народ помнит открытый характер американцев и подмечает общие черты. Прнезжайте к нам работать, зовут американцев. Рано или поздно, но будут работать с Америкой». Весь этот грандиозный план

должен был осуществляться совместно, на концессионных началах СССР и США, к взаимной выгоде обеих стран. Вот это была бы кооперация, и при том вполне вписывающаяся в каноны новой экономической политики страны. Кто мог знать тогда, что до времени резкого поворота от НЭПа оставалось совсем немного.

Богатства Уймонской долины заключались, между тем, не только в мертвых рудных залежах. Какое удовольствие было совершать путешествия по горам и долинам с таким знатоком растительного и животного царства, каковым выступал неизменный проводник Н. К. Рериха Вахрамеем Семеновичем Атаманов. Вот уж где проявилось во всем блеске знание им «травок и цветов», где растут они и где затаились. «Это уже неоспоримо». Одно удовольствие было отыскивать с его помощью целительные травы и с неменьшим восторгом наблюдать, «как он любит их и любитесь ими». Дневник Н. К. Рериха сохранил яркую сцену финала сбора лекарственных алтайских растений: «И до самой седой бороды набрав целый ворох многоцветных трав, он просветляется ликом и гладит их и ласково приговаривает о их полезности. Это уже Пантелеймон Целитель, не темное ведовство, но опытное знание». Из собранных в ходе поездок корней упоминается маральник. Н. К. Рерих проявлял также значительный интерес к рогам марала и струе кабарги, что относились к ценным товарам, доставляемым с Алтая издавна. В дневнике З. Г. Фосдик есть запись, свидетельствующая о покупке рогов марала: «Купили «маральи» рога, чтобы исследовать вещество, которое китайцы используют для медицинских целей». Панты были приобретены у Ф. П. Лаптева, агента «Заготпушнины» в Верхнем Уймоне. Поскольку известно, что Юрий Николаевич фотографировал маралов, то можно сделать вывод о посещении Рерихами мест, где они содержались. В дневнике Николая Константиновича имеется краткая запись,

позволяющая представить, чем определялся интерес его к пантам: «Нужно исследовать целебные свойства толченого рога маралов. Весенняя кровь, налившая эти мохнатые рога, конечно, напитана сильными отложениями» Н. К. Рерих, кроме того, отметил использование в Сибири для лечебных целей «мускуса алтайской кабарги», а в Тибете «мускуса барана», что позволило точно определить медицинскую задачу: «Все подробности мускуса должны быть исследованы» Его в связи с этим занимал вопрос: в чем состоит разница воздействия на человека этих народных лекарственных средств? Важную роль он, судя по всему, отводил рациону питания алтайской кабарги, специально заметив, что она питается хвоей кедра и лиственницы. На лечебные свойства алтайской хвои его внимание обратила также привычка коренных жителей жевать «хвойную смолу».

Древности Алтая за недолгое пребывание Н. К. Рериха в Верхнем Уймоне стали объектом самого взволнованного и вдохновенного интереса его, ибо они позволили в относительно спокойной обстановке нахождения в одном территориально ограниченном месте вновь обратиться к самому любопытному из своих «побочных увлечений» — к археологии. При почти ежедневных маршрутах по окрестностям, в ходе которых приходилось решать разные задачи исследовательской программы, нечего было и думать о том, чтобы приступить к раскопкам. Речь могла идти, естественно, всего лишь о чисто внешнем осмотре памятников, предварительных оценках значимости их, а также о сборе сведений, связанных с отношением местных жителей к памятникам старины, что могло вылиться в сотворение ими примечательных мифов и легенд. Н. К. Рерих никогда не пренебрегал тем, что для иного специалиста было не чем иным, как «никчемной выдумкой», совершенно не заслуживающей внимания серьезного служителя науки. Николай Константинович провозглашал, однако, иной

постулат: «Все легенды от были», и это позволяло ему усмотреть в народных повествованиях отражение весьма значительных исторических истин.

Справедливость такого вывода, в котором легко заподозрить натяжку апологета-летописца, можно, между тем, без труда подтвердить, обратившись к тем немногим и, к сожалению, предельно скудным дневниковым заметкам Н. К. Рериха, сделанным по случаям осмотра им древних памятников Уймонской долины и размышлениям по их поводу. Приступая к этой интереснейшей части сюжета, связанного с пребыванием Николая Константиновича в Сибири, следует прежде всего с уверенностью заметить, что его, конечно же, не могло не поразить обилие и разнообразие грандиозных погребальных сооружений Алтая. О том свидетельствует упоминание им керексуров (надмогильных холмов, насыпанных из «больших камней»), «стел безыменных народов», «олених камней» (загадочных плит, покрытых изображениями оленей с заброшенными за спину рогами с витиевато закрученными отростками), «каменных фигур» (изваяний «баб», называемых «кезерами», позволяющих при детализации изображений представить покроем одежды древних, детали одеяний, а также типы оружия). Впечатление от увиденного он отразил предельно коротко, но на удивление четко и емко: «И в доисторическом, и историческом отношении Алтай представляет нескрытую сокровищницу». Что, однако, можно ожидать найти в ней «при раскрытии?» Ответ будет не прост и для профессионалов, ибо, по убеждению Н. К. Рериха, будущим исследователям предстоит разобратся, что за люди заселяли в древности Алтай. Дело это будет нелегким: «до такой степени все покрыто мраком», когда даже «монеты с точными датами иногда приписываются в совершенно несоответственное время установленных периодов». Археологи пишут о сибирских памятниках, «делают вычисления», но, кон-

статирует Н. К. Рерих, «все же пути народов остаются невыясненными». Сложности определяются и тем, что общепринятые у историков «деления на гуннов, аланов и готов делятся на многообразные, необъяснимые подразделения». В этой связи Николай Константинович вспомнил о замечательных тканях из последних гуннских могил, открытых П. К. Козловым при раскопках в монгольских горах Ноин-Ула, которые, по его мнению, «дополнили знаменитые сибирские древности».

Как, однако, оценивались памятники древних культур современными обитателями долины Катунь? Этот вопрос занимал Н. К. Рериха, и в беседах со старожилами Верхнего Уймона он получил на него ответ, показавшийся ему весьма знаменательным. Конечно же, часто встречающиеся у подножий гор и в речных долинах могильные холмы с каменной наброской и «кезеры» не могли остаться вне внимания любого из маломальски любопытных жителей села, а тем более каждого из коренных насельников Алтая окрестных айлов. Последствия этого любопытства не оказались для Н. К. Рериха неожиданными: «В пределах Алтая можно слышать очень значительные легенды, связанные с какими-то неясными воспоминаниями о давно прошедших здесь племенах».

Одно из них, именованное «курумчинскими кузнецами», он назвал «непонятым племенем». О нем можно было судить лишь по названию — поскольку то были «кузнецы», то, следовательно, люди, составляющие «племя», отличались мастерством обработки металлов. Н. К. Рерих усматривал в том сохранение в народной памяти известий о тех, кто изготовлял «металлические поделки», подобные тем, которыми славится музей в Минусинске, а также коллекции, собранные на Урале. Такого типа предметы и находят обычно при раскопках каменных курганов, называемых порой «скифскими». Значит, «курумчинские кузнецы, старинный и непонят-

ный народ, не только прошел, но и жил в пределах Алтая». Оставалось решить вопрос: откуда он пришел сюда и куда отправился? Не скованная «историческими предрассудками» память Николая Константиновича невольно подсказала ему нечто давно знакомое — эпическое повествование о «сказочных нибелунгах, занесенных далеко на запад» и прославленных там в качестве великих мастеров по ковке могучего оружия. Так неужто сибирская земля породила мифических нибелунгов, европейских потомков «курумчинских кузнецов» Горного Алтая?

Название другого племени — чудь — поразило его в еще большей степени, разбередив воспоминания о занятиях своих археологией на северо-западе Руси, где этот народ с незапамятных времен дружелюбно соседствовал с финно-уграми. Эти сказы прошлых веков о чуди вдохновили его накануне начала мировой войны к созданию картины «Чудь подземная», на которой был представлен тревожный уход древних людей в расщелины меж холмов во благо спасения своего от земных бед. Кто бы мог подумать, что, оказавшись в Сибири, придется вновь услышать легенду о чуди, которой угрожали смертельные опасности? А знает повествование о ней каждый кержак Верхнего Уймона и может поведать о том без запинки. Но откуда эти знания? Не занесены ли они на Алтай из Руси теми, кто пришел к берегам Катуня три столетия назад да и поведал потомкам для передачи последующим поколениям? Может быть, но какими непривычными мотивами обросла старая легенда: «Старик ведет нас на каменистый холм и, указывая на каменные круги древних погребений, торжественно говорит: «Вот здесь и ушла чудь под землю. Когда белый царь пришел Алтай воевать и как зацвела белая береза в нашем краю, так и не захотела чудь остаться под белым царем. Народ решил, что не будет им жизни. Чуди выкопали ямы, поставили стойки, кам-

ни сверху навалили. Потом сами с конями, со скотом и детьми под низ подлезли, вырвали стойки и камнями засыпались. Ушла чудь под землю и завалила проходы камнями. Сами можете видеть их бывшие входы». По другому сказу чудь, люди темного цвета кожи, жители темных хвойных лесов, не закапывались, а ушли в свои «подземные тайники» сокрытыми галереями. Курганы с каменными набросами представлялись местами замурованных входов в подземелья. С тех пор и доныне обитает где-то в загадочном месте подземелья чудь, люди высокой культуры и возвышенных знаний.

Но неужели, интересовался Н. К. Рерих, они так навсегда и останутся в тех неведомых краях? На том же каменистом холме все тот же старик, в котором легко угадывается Вахрамей Семенович, любопытствующий услышал совершенно поразительный финал легенды: «Только не навсегда ушла чудь. Когда вернется счастливое время и придут люди из Беловодья и дадут всему народу великую науку, тогда придет опять чудь, со всеми добытыми сокровищами». Как следовало понимать, в рассказе Атаманова причудливо сплелись несколько легенд, бытовавших на Алтае как в среде коренного населения, так и пришлого, одинаково испытывавших гонения «белого царя». Отличия были только в одном: одни со временем появления в горной стране белой березы ушли из нее до лучших времен, а другие, опасаясь того, чтобы рука царя не настигла их в новом пристанище, упорно стремились отыскать Беловодье, землю истинного счастья. Н. К. Рерих расширил очевидные возможности оценки легенды о чуди. В ней он увидел отклик распространенного в Индии и Тибете сказания о подземном городе народа агарти. Еще важнее то, что в повествованиях алтайских кержаков о «курумчинских кузницах» и чуди Николай Константинович уловил глухое эхо исторической реальности: в них «запечатлелось переселение народов; Алтай в во-

просе переселения народов является одним из важных пунктов». Вот почему, раздумывая о грядущей судьбе «сердца Азии», Горного Алтая, он с тревожной надеждой вопрошал: «Не вернется ли подземная чуждь? Не седлают ли жители подземной Агарты своих коней? Не зазвонил ли колокол Беловодья? По Ергору не едет ли всадник?» Н. К. Рерих, наблюдая перемены в жизни обитателей Алтая, надеялся на лучшее, поскольку признаки того как будто были налицо: «Сознание нового мира — существует. Время схода событий — улажено, соблазн собственности — переборен, неравенство людей — превзойдено, ценность труда — возведена. На хребтах на Дальнем и на Студеном пылают вершины».

Да и многие в здешних горах осознали, сколь дорогую цену пришлось заплатить за наступившее, наконец, гражданское умиротворение. Н. К. Рерих, питавший отвращение к насилию человека над человеком, которое достигало своего омерзительного апогея в войне внутренней, интересовался эпизодами жестоких столкновений между противоборствующими сторонами в долине Усть-Коксы. Он посетил с Вахрамеем Семеновичем место расстрела белыми одиннадцати партизан на Большой балке. Здесь, на безымянном взгорье, лежали похороненными, как припоминал позже Василий Вахрамеевич, Клепиков, Лебедев, Парамонов и другие жители окрестных сел, что приняли сторону красных. Н. К. Рерих почтил память павших и отметил могилу, положив на нее гладкую каменную плиту. На обращенной к земле плоскости ее им была сделана какая-то надпись. В селе Тюнгур он осмотрел деревянный памятник еще одному участнику сражений недавних лет — Петру Сухову. В дневнике после посещения района, «где народ был побит в горах», появилась запись: «Все носит следы гражданской войны. Здесь, на Чуйском тракте, засадою был уничтожен красный полк. На

вершине лежат красные комиссары. Много могил, по путям и около них растет новая, густая трава.

Н. К. Рерих занес также в дневник описание «случая из недавних войн», который привлек его внимание лихим русским удальством и смекалкой: «Вызвался один наездник принудить к сдаче целый полк. Взял одного товарища и большой табун конский: «Больше,— говорит,— ничего и не надо». Подогнал табун с наветренной стороны, а сам поехал с товарищем для переговоров. Говорит: «Немедленно сдать оружие, иначе поведу на вас все свое войско». Подумали, поглядели на столбы пыли от табуна, да и сдали оружие. А удалец велит товарищу: «Скачи, отведи войско обратно». Так и принудили к сдаче весь полк. И это не Чингисова сказка, а недавняя быль». В дневник были также занесены краткие сведения о столкновениях алтайских староверов со своими единоверцами из Казахстана, которые вторглись в пределы Сибири и, пользуясь неразберихой внутренних распрей, занимались самым настоящим мародерством, в частности питали особое пристрастие к добыванию старинных сарафанов, коими славились кержашские села Алтая. Коварство при нападениях заключалось в том, что бухтарминцы ложноставляли себя за коммунистов. Н. К. Рериху по этому случаю рассказывали так: «А с бухтарминцами мы теперь не знаем. Они, вишь, прикинулись коммунарками и наехали грабить, а главное, старинные сарафаны. Так теперь их и зовут — «сарафанники». Теперь, конечно, одумались. Встретится — морду воротит: все-таки человек, и стыдно».

Раздумывая о жестокостях гражданской войны на Алтае, Н. К. Рерих вспоминал легенду о последних в истории человечества сражениях, которые, согласно пророчествам мудрецов далекой Индии, должны были случиться у подножий хребта Табун-Богдо с беловерной Катун-баш, Белухой: «На Катун и на Бии вста-

нет брат на брата. Будет избиение великое, а потом начнется новая жизнь — труд мирный». Усовестились бухтарминцы, и, быть может, есть то благостный знак начала умиротворения? Теперь, когда «словарь зла преисполнен», «измышленные и условные ценности поколебались и обветшали», а прежние кумиры человечества оказались «уже отброшенными», настала пора заняться созидательным трудом и просвящением, ибо только «культура слагала крепчайшие народы». Если что ныне и требовалось сибирякам, так это необходимость «перешагнуть через ветошь и мусор недоразумений и разрушительных непониманий», ужаснуться последствиям «смерти и разъединений», а вместо всего этого ада обратиться к укреплению самого значительного «зачинания нашего Отечества», зародившегося в последующие годы в Сибири — к сознательной кооперации, к сибирским кооперативам: «Когда мы говорим о созидании, о кооперации, разве мысленно не переносимся мы в дали Азии, в просторы Сибири, где такой непочатый край для всякого строительства!» Недаром в Верхнем Уймоне кержаки толкуют об ожидаемых в 1928 г. перемен: «Вот диво-то, один по астрономии, другой по астрологии, третий по писаниям, четвертый по числам и разговоры все о том же». Н. К. Рерих поддерживал занимавшие его разговоры, используя прочитанное в газетах, — следующие изменения, если верить «самоу новому вдохновенному человеку», изучающему циклы появления на Солнце пятен (речь идет о А. Л. Чижевском? — В. Л.), должны прийти на 1936 г.: «Пишут о магнитных бурях, о необычных температурах и о всяких ненормальностях в природе в связи со сгущением солнечных пятен. В будущем году эффект пятен будет еще значительнее. Возможны необычайные северные сияния. Возможны потрясения нервной системы. Сколько легенд связано с солнечными пятнами, с грозными морщинками светила».

Особую, воистину для души и сердца часть программы пребывания Н. К. Рериха на Алтае составляли поездки в сторону Белухи для исполнения этюдov ее с наиболее подходящих точек обзора («конечно, мое главное стремление, как художника, было к художественной работе»), а также ради посещения подножия ее. Катинбаш алтайцев, «владычица, белоснежная гора, питающая все реки и поля, готовая дать сокровища», была известна далеко за пределами Сибири, очевидно, со времен составления в Индии священных вед, в которых исследователи с удивлением обнаружили однажды отчетливые признаки «северных мотивов». Далеко на юге Азии «ведали» о том, что на севере, в горной стране Алтае, на правом берегу Катунь, высоко в небо поднимается многоглавая гора, значение которой «приравнивается к мировой горе Сумеру». Это и была Белуха, гора, «о которой шепчут пустыни», как записал о том в дневнике Н. К. Рерих. Она призвана определять «центр от четырех океанов», вследствие чего и сама Сибирь становилась священной Сумеру. Как удалось установить Николаю Константиновичу, коренные жители Алтая действительно воспринимали Белуху как Уч-Сюре или Уч-Сумер, трехглавую, мировую гору звезд великого Ориона. Она, откуда берет начало бирюзовая Катунь, была для них местом пристанища великих богов, куда почитатели их, рискни они это сделать, должны восходить не иначе, как по белому хадаку, в качестве коего, возможно, выступали языки ледников и снежников. Алтайцы, однако, именовали Белуху и совсем уж почтенным названием — Цаган-Убугун, «Белый Старик». Он виделся им возвысившим главу свою к самой вершине мира, что находится поблизости от Большой Медведицы. Белуха почиталась на Алтае и потому, что на вершине ее, по преданиям, нашел свою смерть от божественной небесной птицы дракон, носитель мирового зла. Белуха, «Сумеру Азии», выступала в ска-

заниях «белоснежным свидетелем прошлого и поручителем будущего». С ней алтайцы связывали «хранителя камня» Ойрота, с чем, однако, не соглашался Вахрамей Семенович, который считал настоящим «хранителем камня» более для него значимую личность — Ермака Тимофеевича.

При экспедициях в горы на лошадях Н. К. Рерих бывал с этюдником и фотоаппаратом на окружающих Катын-Баш белках Большой и Малый Батун, Погорелка и Студеный. Проходил Теректинским хребтом, расположенным параллельно хребту Катунскому, с целью посмотреть оттуда на Белуху. К подножию ее ездил через Кочурлу по правобережью Катуня, а далее через один из перевалов. Всюду делались наброски видов на белки и пейзажные зарисовки наиболее характерных уголков природы. Неоднократные маршруты экспедиции были связаны с поисками наиболее подходящих точек для этюдов, а также вызваны тем, что не так-то просто было подловить день, когда гора оказывалась не закрытой тучами или туманом. По-настоящему повезло всласть поработать кистью лишь однажды — 17 августа. В тот день Н. К. Рерих прошел Катунский хребет с севера на юг через перевал на Студеном белке и вышел к южной стороне Белухи: «А со Студеного белка лучше всего видно самую Белуху. Было так чисто и звонко, прямо Звенигород». Со Студеного белка Белуха смотрелась в особенности величественной. В тот день хорошо видны были как Восточная, так и Западная вершины горы, на переднем плане ледник Геблера, а далее покрытый снегом Разделенный гребень, пересекающий еще два ледника — Катунский и Берелоский. В целом пейзаж был потрясающий грандиозностью: «За Белухой виднеются хребты Куэнь-Луня, так милые сердцу, а за ними — «Гора Царица Небесной» и «Пять соковок снегов». И сама «Царица белых снегов», и все писаное и неписаное, сказанное и несказанное». Ве-

роятно, в тот вдохновляющий день, когда Н. К. Рерих истово работал над этюдами, он задумал сюжет будущей картины. Для него не составляло труда еще до воплощения замысла придумать название ей — «Сосуд нерасплесканный». А программный замысел был таков: «Самые синие, самые звонкие горы. Сама чистота, как на Фалюте. И несет он с горы сосуд свой».

...Почти полных две недели неустанно изо дня в день продолжалась напряженная работа членов экспедиции. С раннего утра, после легкого завтрака, начинались маршруты, пешие или конные, близкие или дальние, строго продуманные по целям, ориентированные на познание людей и природы во всей их многосложности. У каждого были свои, строго очерченные обязанности, но выполнялись и общие, когда поездки совершались в полном составе. Определились и пристрастия индивидуальные: Морис Михайлович, помимо занятий минералами и обдумывания проектов экономического сотрудничества, увлекся записями алтайских народных мелодий; Юрий Николаевич много фотографировал и, очарованный, как и отец, недюжинной личностью Вахрамеев Семеновича, эпизод за эпизодом снимал кинокамерой «жизнь его, опыты его и науки», что должно было стать частью большого фильма об Алтае и его жителях; Елена Ивановна в полную силу пользовалась возможностью в дни, свободные от «экскурсирования», спокойно работать над книгой. Она так и запомнилась жителям Верхнего Уймона: «Возле окна обычно сидела. Все писала, писала. Не по книгам, а на память писала». Сыну от нее постоянно доставалось: «шутила, мол, он ленивый, дневника писать не хочет». Наибольшая нагрузка приходилась, между тем, на Николая Константиновича, как общего координатора действий и участника каждой из значительных акций научного предприятия в Сибирь. А ведь ко всему прочему рука каждую

свободную минуту тянулась к этюднику («с мольбертом он не расставался, очень много работал») и заполнялась комната, заставленная книгами, свертками бумаг и банками, пейзажными зарисовками, которым, возможно, предстояло в будущем превратиться в картины с отражением в них тем, навеянных Сибирью. К тому же, судя по воспоминаниям очевидцев, дело не ограничивалось созданием набросков и этюдов. Николай Константинович нашел в себе силы написать в Верхнем Уймоне несколько законченных картин. Никогда в доме Атамановых, где, прибывая в Верхний Уймон на этюды, останавливались художники-пейзажисты Г. И. Чорос-Гуркин и Арбунов, не развешивалось на стенах такого изобилия художественных «реплик» знакомых всем кержакам видов окрестных гор и ущелий. Кажется, вершили одно с Н. К. Рерихом дело: Григория Ивановича тоже ведь тянула к себе Катунь-баш, Белуха, а Арбунова — лица мужиков, девки в ярких нарядах и горные пасеки. А поди ж ты, как разнится увиденное на Алтае Николаем Константиновичем — все ярко, светло, звонко. Впрочем, Н. К. Рерих хвалил Гуркина, осматривая картину, которую он подарил Атаманову: у него тоже могучи горы Алтайские, быстра река у подножия их, смел алтаец, переходящий всплывшийся поток по гибкой жердочке...

В конце дня, после завершения очередной поездки, при свете свечей начинались долгие «вечерние беседы» с обсуждениями всеми вместе планов, переписыванием «посланий» и чтением текстов. Запись в дневнике З. Г. Фосдик подтверждает, что Елена Ивановна действительно работала над книгой: «Третья книга теперь дается в долгих беседах». В целом это был труд радостный и вдохновенный, о чем свидетельствует одна только восторженная строчка из того же дневника: «Какая замечательная жизнь, которая укрепляет и расширяет наше сознание! Какая изумительная страна, не-

превзойденная красота природы. Строить здесь, творить здесь!»

По первоначальным планам исследования Н. К. Рериха на Алтае должны были продолжаться месяц. Однако они были неожиданно прерваны сборами к отъезду 17 августа (т. е. в день осмотра Белухи), что и свершилось через день — 19 августа. Остается до сих пор неясным, что вызвало столь поспешный шаг. Можно лишь с уверенностью утверждать, что не какие-то недоразумения, вызванные отношениями с местными властями. Это подтверждают намерения возвратиться в Верхний Уймон, отраженные дважды в записях З. Г. Фосдик: «Правительство посылает на Алтай пять экспедиций. Может быть, в следующем году Падуров сможет поехать с нами, хотя он говорит, что уже договорился с другими»; «Если я поеду в следующем году на Алтай, иметь в группе женщину-геолога». По воспоминаниям старожилов Верхнего Уймона Н. К. Рерих тоже говорил о намерении возвратиться на Алтай через несколько лет. Так, Агафье Вахрамеевне было сказано: «Я приеду и Ваню, сынишу твоего, грамоте научу»; другие тоже слышали: «Золотые здешние места, Из любого ключа пей — безопасно. Через пять лет буду тут...»

Как бы то ни было, но отъезд состоялся, а планы возвращения в Сибирь оказались несбыточными. Настало утро последнего дня пребывания в Верхнем Уймоне, и многие жители села прошли до околицы, провожая путешественников. Сколько было разговоров и разъездов по окрестным перевалам за десяток с небольшим дней! Самым поразительным результатом деяний этих необычных людей, будто пришедших из другого мира, стала уверенность кержаков, что они, остро любопытствующие о Беловодье, сумели за то небольшое время, пока находились на Алтае, найти дорогу туда и побывать в «священном месте, где процветает справед-

ливость», где «высшее знание и высшая мудрость существует во спасение будущего человечества». Вот она, легенда, сотворенная на виду у всех и рассказанная Агафьей Вахрамеевной: «Они (Рерихи.— **В. Л.**) и на Беловодье были! Три дня там гуляли. Идешь, с одной стороны — горы, с другой — болота. Никто не может доехать. Туман покрывает, только петухи слышны. А им раскрылось. Фотографии показывали оттуда. Василисе скатерть подарили, кому-то рубаху оттуда. Скатерть белая, вышитая черными цветами. Шаль белую, вязаную. Из Беловодья все». Нашлись, правда, бородатые скептики, кто захотел сбить с толку Агафью, ядовито спрашивая: «Чего ж они на Беловодье не остались, коли там были?» Рассказчица, однако, парировала сомневающимся вполне уверенно: «А сам (Н. К. Рерих.— **В. Л.**) ответил, что и другие страны повидать надо, и многое что сделать».

С особой грустью расставались Рерихи с членами семейства Атаманова, который предоставил им гостеприимный кров, стал на много дней добрым в самоотверженности поводырем по горам и долам, а теперь вот согласился проехать на повозках возчиком до самого Бийска дорогами, что доставят наименьшее беспокойство ученым странникам. Н. К. Рерих упрашивал Вахрамея Семеновича отправиться с ним в путешествие в дальние края, чтобы сам он, человек любопытствующий, мог «другие страны повидать», а им «природу помочь изучить». Атаманов, однако, не решился оставить семью в тревожные из-за неустойчивости времена. Не удалось и Елене Ивановне уговорить Марину Карпеевну, невестку его, отдать ей и Николаю Константиновичу «в дети» четырехлетнюю Олю. С нею, тоскуя до слез о младшем своем сыне Святославе, любила возиться в свободные часы Елена Ивановна: по утрам заплетала ей косы, вплетая в них ленты, сшила ей сама белое платье с цветочками и бантом впереди. А Николаю Кон-

стантиновичу доставляло удовольствие показывать Оле книги с картинками и рисунками, относить ее на руках по лестнице на первый этаж, а при случае и поучать, подтаскивая к умывальнику: «Руки надо вымыть, грязные руки». Кто бы мог знать, что расставание было навсегда, а Атаманова-старшего, одного из первых кооператоров и организатора комитета взаимопомощи в Верхнем Уймоне, ждет, как и многих других крепких в радостном хозяйствовании на земле кержаков Алтая, общая для россиян кровавая трагедия начала 30-х годов...

Но все это станет печальной явью в неведомом никому грядущем, правда, не столь уж и отдаленном, а пока скрылись за первым перевалом дороги к переправе через Катунь последние строения деревни. Затем, пока были «большие трудности с паромом и все мужчины толкали его, так как в этом месте река обмелела», Н. К. Рерих и сотоварищи в последний раз любовались вновь счастливо открывшейся им «великолепной панорамой Белухи с ее снежными пиками и седлом между ними». При этом шли разговоры о необычайно теплой температуре на белках в зимнее время, о том, сколь тучны стада, пасущиеся на альпийских лугах с роскошными травами, о быстром отступании ледника — на 180 метров за пятнадцать лет. Припомнили также рассказ о падении 2 августа к востоку от села алтайского огромного, сильно светящегося метеорита и о том, как в прошлом году на вершине одного из белков, расположенных к югу от Верхнего Уймона, были выброшены вдруг камни и песок. Говорят, в том месте можно видеть теперь воронку. Не при таких ли явлениях зарождаются предания о «черном камне», вестнике срока значительных событий? Н. К. Рериху в связи с этим показалось полезным сравнить «все устные сроки из Индии, Тибета, Египта и Монголии», поскольку «совпадения их напомним, как помимо историков пишется дру-

гая история мира». Долина Катунь и сама река видом своим навела также на размышление о мифической Шамбатон — реке Каббалы, перейти которую могут лишь те, кто не боится опасностей. Наградой им, как вещают восточные мудрецы, знатоки тайных учений, станет вступление в место «великого свершения» и встреча с людьми знака, под которым скрывается «имя грядущего».

Последующие дни путешествия к Бийску почти лишены известий о подробностях событий. З. Г. Фосдик записала в своем дневнике лишь такие скупые строчки: «Мы ехали из Верхнего Уймона по другой дороге, через Черный Ануь, Туманово, Матвеевку, Карпово, Солоновку. Никакого сравнения с предыдущей ужасной дорогой, очень хорошая дорога, прибыли на пятый день. Сильный дождь, красивая страна. 24 августа 1926 г. прибыли в Бийск». Здесь все распрощались с Вахрамеем Семеновичем, пожелав обоим друг другу благополучного пути, а 26 августа путешествие было продолжено на пароходе «Жорес». Оно прошло без особых приключений, если не считать посадки на мель утром, когда команде пришлось разгружать пароход, а затем вновь нагружать его до 4 часов дня. Прибрежные пейзажи следующего дня З. Г. Фосдик оценила предельно кратко: «Сегодня типичная Азия». Эти слова, быть может, породил «очень сильный «буран», песчаная буря», которая пронизала всю одежду пылью. Поэтому пришлось просидеть большую часть времени в каюте, но не без пользы: «Весь день разрабатывали планы организации «Согопа Mundi» и Музея Рериха.

В Новосибирск «Жорес» прибыл вечером, и тогда же стало ясно, что членам экспедиции предстоит вскоре расстаться: З. Г. Фосдик и М. М. Лихтман должны были отправиться на запад, в Москву и затем в США, а остальным предстояло продолжить путешествие на восток — к Байкалу, в Бурятию, в Нижнеудинск, а отту-

да в столицу Монголии — Улан-Батор-хото. Эти остальные включали только лишь членов семейства Н. К. Рериха. К его великому сожалению, с ламой Рамзана пришлось расстаться еще в Верхнем Уймоне, когда тот, «не вынеся северных низин», стал упрашивать отпустить его в Ладакх, заявив однажды: «Или уйду, или умру». Николай Константинович внял мольбе и, распрощавшись, записал в дневнике: «Рамзана ушел в Ладакх. Конечно, вся жизнь ладакхцев проходит на высотах не ниже двенадцати тысяч футов. Жаль Рамзана. Спокойно оставляли на ладакхцев охрану всех вещей. А ойротские ямщики на ладакхцев не походили».

В Новосибирске экспедиция пробыла 6 полных дней. О том, как прошли они, сказать можно немного. В дневнике З. Г. Фосдик записано, что она 28 августа работала с Н. К. Рерихом «над многими вопросами, касающимися дел». В тот же день ей была дана для прочтения книга Вивекананды «Космос», по случаю чего Елена Ивановна высказалась относительно полезности ознакомления многих с идеями этого сочинения. 29 августа утром Юрий Николаевич выехал поездом в Нижнеудинск, а на следующий день в Новосибирск прибыл Борис Константинович Рерих. В связи с этим З. Г. Фосдик записала: «Мы работали над нашими планами целый день». По косвенным данным можно заключить, что Н. К. Рерих встречался, возможно, с членами редакции журнала «Сибирские огни». Последствием такого визита следует, быть может, оценивать появление во втором номере этого журнала за 1927 г. «отрывка статьи» Г. Гребенщикова, в которой рассказывалось о Музее Н. К. Рериха в Нью-Йорке. В нескольких словах редакция сообщала читателям о посещении художником Алтая летом 1926 г., о маршруте его пути по Сибири в Монголию, где он намеревался «ознакомиться с искусством этой своеобразной страны». Из Новосибирска участники поездки на Алтай выехали 4 сентября.

Пребывание Н. К. Рериха в Сибири завершилось постановкой в Верхнеудинске. В Бурятии у него были, по-видимому, встречи с хозяйственными руководителями и кем-то из представителей ученого мира. Глухие намеки на то можно усмотреть в двух записях дневника из раздела главы «Алтай». В первой из них сообщается об интересе монголов и бурят к Америке и Германии из-за «необходимости расширить свой кругозор» и желания «увидеть разные страны». В связи с этим Николай Константинович записал старую притчу о лягушке и черепахе: «Лягушка жила в колодце, а черепаха в океане. Но приходит черепаха к лягушке и рассказывает о громадности океана. «Что же, по-твоему, океан вдвое больше моего колодца?» «Гораздо больше», — отвечает черепаха. «Скажешь, в три раза больше колодца?» «Гораздо больше». «И в четыре раза больше?» Тогда лягушка прогнала черепаху как хвостунью и лгунью». Вторая запись представляет собой размышления на лингвистические темы: «Как птицы по веткам, так из языка в язык перепархивают слова. Забытые и никем не узнанные. Забайкальцы называют паука мизгирем. Торговый гость, мизгирь, по сибирскому толкованию — просто паук. Такое тюркское наречие здесь помогло? Ветер по забайкальски — «хиус». Это уже совсем не понятно. Корень не монгольский и не якутский».

Вот и все, с чем была оставлена Сибирь и о чем можно судить на основании сильно укороченных (по цензурным соображениям: вдруг «кому-то не понравится») и приглушенных в живости «до уровня полицейского» «писаний» самого Н. К. Рериха и по воспоминаниям людей, с которыми он работал и встречался на Алтае. А впереди лежали тысячи километров пути, которые проходили по разным в природных обличьях землям монголов и китайцев, тибетцев и индусов. Там Н. К. Рериха и его верных в беспредельном долготерпе-

нии сотоварищей ожидали три долгих года тяжких странствий и напряженного во имя человека, культуры и науки самоотверженного труда, полного невзгод и опасностей, неудач и открытий, радостей встреч и печалей разлук, потерь и обретений. Что, однако, поддерживало Н. К. Рериха и его спутников на дальних азиатских тропях? Сам вдохновитель странствий по Востоку ответил на этот вопрос исчерпывающе, когда размышлял об основах, определяющих жизнь: мужество, дружелюбие, трудолюбие, неустанность и неисчерпаемость, энтузиазм и оптимизм, а превыше всего — стойкость при понимании осознанных ответственности и долга. Дух Н. К. Рериха поддерживался главной любовью и страстью его — Матерью Россией, думами о нелегких исторических судьбах соотечественников, во славу которых и свершался подвиг. Какие мысли обуревали его притом, что вдохновляло и тревожило, раскрывает эссе «Россия», написанное в монгольской пустыне после прочтения письма к нему историка-романиста Всеволода Никаноровича Иванова. Слова этого послания оказались глубоко созвучными мыслям Н. К. Рериха, связанным с образом Родины, и настолько правдивыми, душевными, дружелюбными и красивыми, настолько ярко мозаично отражали «многообразный лик великой России», что ему захотелось, отвечая писателю, заново пережить душевно прочувствованное при чтении письма. Сделал он это совершенно непривычным для него образом: усердно переписал в ответе полюбившиеся ему звучные и красочные реплики, явно наслаждаясь их правдивостью и уместностью для той тревожной поры истории. Вот эти «добрые вехи» верного и глубокого чувствования любимого образа России, которые, растревоженные, затронули самые потаенные сердечные струны Н. К. Рериха:

«Россия не только государство... Она — сверхгосударство, океан, стихия, которая еще не оформилась, не

влегла в свои, предназначенные ей берега. Не засверкала еще в отточенных и ограниченных понятиях, в своем своеобразии, как начинает в бриллианте сверкать сырой алмаз. Она вся еще в предчувствиях, в брожениях, в бесконечных желаниях и бесконечных органических возможностях.

Россия — это океан земель, размахнувшийся на целую шестую часть света и держащий в касаниях своих раскрытых крыльев — Запад и Восток.

Россия — это семь синих морей; горы, увенчанные белыми льдами; Россия — меховая щетина бесконечных лесов, ковры лугов, ветреных и цветущих.

Россия — это бесконечные снега, над которыми поют мертвые, серебряные метели, на которых так ярки платки русских женщин, снега, из-под которых нежными веснами выходят темные фиалки, синие подснежники. Россия — страна развертывающегося индустриализма, нового, невиданного на земле типа, неопределенного пока...

Россия — страна неслыханных, богатейших сокровищ, которые до времени таятся в ее глухих недрах.

Россия — не единая раса, и в этом ее сила. Россия — это объединение рас, объединение народов, говорящих на ста сорока языках, это свободная соборность, единство в разности, полихромия, полифония.

Россия — не только страна мгновенного настоящего. Она — страна великого прошлого, с которым держит неразрывную связь. В ее березовых солнечных рощах по сей день правятся богослужения древним богам. В ее окраинных лесах до сей поры шумят священные дубы, кедры, украшенные трепещущими лоскутками. И перед ними стоят бедные глиняные чашки с кашей-жертвой. Над ее степями плачут жалейки в честь древних божеств и героев.

Россия есть страна византийских куполов, звона и синего ладана, которые несутся из великой и угасшей

наследницы Рима — Византии, второго Рима. И придают России неслыханную красоту, запечатленную в русском искусстве. Россия — могучий, хрустальный водопад, дугою выющийся из бездны времени в бездну времен, неохваченный доселе морозом узкого опыта, сверкающий на солнце радугами сознания, гудящий на весь мир кругом могучим утверждением всеславянского бытия.

Россия грандиозна. Неповторима.

Россия — полярна. Россия — мессия новых времен.

Россия — единственная страна в мире, которая величайшим праздником своим славит утверждения жизни, праздник воскресения из мертвых, радуясь заре весеннего расцвеченного дня, с огнями крестных ходов под утренним яхонтовым, парчовым небом».

Не правда ли, и сейчас, когда наступило не менее тревожное в ожидаемых переменах время, тоже хочется, в преддверии решающих действий, не просто прочесть, а и переписать эти строки, ввиду их своевременности и желаемой обнадеженности? Как писал Н. К. Рерих в связи именно с подобными надеждами: «А ведь это так нужно. Так спешно нужно».

...Несчетное посчастливилось увидеть и познать в последующие три года, пока потерявшие связь с миром путники не достигли Кашмира, откуда 24 мая 1928 г. ушла в Новый Свет телеграмма, торжественно оповестившая всех, кто переживал за исход многотрудной эпопеи странствий, о благополучном окончании маршрута: «Экспедиция Н. К. Рериха после огромных трудностей достигла Гималаев. Таким образом, завершилась крупная экспедиция. Собрано много научных материалов и написано много картин. Очень много материалов по буддизму». С того дня достоянием истории путешествий стали 25000 километров пути, 35 высокогорных перевалов, караванные тропы степей, пустынь и гор, множество дорожных встреч и приключений. И возникают

тревожные опасения: не забылись ли в многоцветье калейдоскопа событий те светлые дни, которыми судьба одарила Н. К. Рериха и его спутников, предоставив им возможность посетить Сибирь и Алтай, эту голубую азиатскую жемчужину короны России?

Нет, не забылось, ибо то, что захватило однажды величием и значимостью душу и сердце, не уходит из памяти, растревоживая до ничтожных мелочей сокровенные тайники кладовых ее всякий раз, как только узрят глаза намеков на вдохновляющее былое. И тут, подтверждая сказанное, следует прежде всего заметить, что даже пейзаж долины Кулу в Кашмире, где Н. К. Рерих провел последние два десятилетия своей жизни, при взгляде на горы невольно навевал ему добрые воспоминания об Алтае и о всей Сибири. Все дело в том, что контуры скалистого, с покрытыми снегами вершинами массива Гэпанг, ограждающего с одной из сторон Кулу, оказались на удивление близкими характерным очертаниям многоглавой Белухи, какой она виделась в ясные дни от дома Вахрамея Семеновича Атаманова в Верхнем Уймоне. «Две прекраснейшие из высот азиатских» считал Н. К. Рерих до путешествия в Сибирь — Эльбрус и индийскую Канченджангу, что была на глазах у него с детства, ибо картина, писанная с нее, висела, будто призыв к странствиям, в одной из комнат в Изварах. К этим двум гигантам добавилась после пребывания на Алтае еще одна столь же прекраснейшая «азиатская высота» — Белуха. Недаром при организации одной из своих выставок в Париже Н. К. Рерих включил в экспозицию все три этюда своих любимейших из гор Азии: Канченджанги, Эльбруса и Белухи. Как же можно было забыть Сибирь, если отражением лика ее сверкали на Солнце снега кашмирского Гэпанга?

Память об Алтае и жажду сохранить добрые для Николая Константиновича связи с Сибирью, где он твердо намеревался побывать в ближайшие после окончания

экспедиции годы, подтверждают воспоминания жигелей Верхнего Уймона о переписке его с Атамановым, что удостоверяется также всего лишь одной, но чрезвычайно яркой строчкой записи в дневнике: «Здравствуй, Вахрамей Семенович! Для тебя на Гималаях Жар-Цвет вырос!» Как можно с уверенностью предположить, обмен письмами был взаимным — послания шли из Кулу в Сибирь и из Сибири в Кулу. По сохранившимся сведениям, Н. К. Рерих прислал Атаманову какой-то из зарубежных журналов, в котором была опубликована фотография, где они были запечатлены вместе на фоне Алтайских гор. Помимо писем Вахрамей Семенович по просьбе Н. К. Рериха отправлял из Верхнего Уймона в Индию посылки с лекарственными травами и, очевидно, другими лечебными снадобьями. Он так и запомнился в этом деле селянам, озабоченно приговаривающим: «Надо послать, надо послать!..» Едва ли можно сомневаться в том, что такие контакты не пережили времени начала коллективизации на Алтае, которая оказалась трагической для сказителя и хозяина двухэтажного дома, владельца пасеки и кузни, лекаря и проводника господ из Томска и Петербурга. Ведал ли Н. К. Рерих, как закончил свою жизнь первый участник уймонского кооператива и организатор комитета взаимопомощи, который внимательно выслушивал его советы? О том не дано знать, но для Николая Константиновича образ Вахрамея Семеновича навсегда слился с просветленным ликом легендарного русского Пантелея Целителя, к воплощению коего он возвращался многократно. И почему бы не предположить, что переданная в дар сибирякам небольшая картина с фигурой седобородого старца, собирающего лекарственные корни и травы, есть преображенный художнической фантазией портрет Вахрамея Семеновича? Глядя на эту картину, быть может, не случайно предназначенную для Новосибирской галереи, вспомните, пожалуйста, и по-

размыслите: «Знает он травы и цветики, любит их и любитесь ими. И, до самой седой бороды набрав целый ворох многоцветных трав, он просветляется ликом и гладит их, ласково приговаривает о их полезности. Это уже Пантелей Целитель». А картина эта была написана Н. К. Рерихом в 40-е годы.

Помнил он об Алтае...

Впечатлениями от поездки в Сибирь одухотворены и другие программные полотна Николая Константиновича, написанные после окончания алтайской части его азиатской экспедиции. Надо думать, не случайно в 1927 г. (то есть в следующем, как была оставлена Сибирь) он приступил к исполнению нового варианта сюжета картины «Чудь подземная», названной им «Подземный народ». При интерпретации этого полотна следует учитывать узnanное Н. К. Рерихом о чуди на Алтае: сибирским колоритом веет от высоких, покрытых снегами пиков гор, образующих фон картины; в сталактитовых, покрытых льдом сводах пещер угадываются контуры входов в подземелья, которые наблюдал художник около Черного Ануя на Караголе; островерхие шапки людей, готовых скрыться под землей, навевают воспоминания о головных уборах скифских воинов. Теперь «Чудь подземная» впитала в себя раздумья Н. К. Рериха о сибирском Беловодье, о чуди, завалившей камнями входы под землю, чтобы никто не мог воспользоваться ими, о подземном городе народа агарти тибетских преданий. А почему бы не предположить, что многое из увиденного им на Алтае нашло отражение в картине 1941 г. «Страж пустыни», на которой изображен могильный курган, «казер» с мечом и островерхие камни, символизирующие убитых древним богатырем врагов? Такими памятниками старины обильна и славна Южная Сибирь!

Суровым духом севера Азии веет также от полотна «Нибелунги», созданном Н. К. Рерихом в 1944 г. Ле-

генды Алтая и Бурятии о «курумчинских кузницах» в значительной мере питали, надо полагать, сюжет и духовный настрой картины. Как же, в ином случае, объяснить восточные, близкие алтайцам, черты лица героя художнического повествования, кующего вместе со своими собратьями по ремеслу грозный меч? И те же мысли о Сибири зарождаются при виде свода пещеры, освещенной бликами костра, и горного пейзажа. А что же в таком случае говорить при обращении к сюжетам, прямо связанным с Алтаем, положим, к той же знаменитой картине «Ойрот Алтай», воплотившей в себе давний ладакхский замысел художника написать живописную иллюстрацию «Поверья Алтая» — «Ойрот — вестник Белого Бурхана». Кто, взглянув в лицо восседающего на белом коне легендарного хана, не узрит в облике его коренного жителя горной страны? А если бы девушка, выписанная Н. К. Рерихом в центре композиции, могла отнять от лица руки, то в ней каждый узнал бы ту счастливую алтайку, коей судьбою было даровано первой узреть знак реальности наступления того долгожданного времени, когда восторжествуют свобода и благоденствие.

Сказанным, однако, не ограничиваются последствия путешествия Н. К. Рериха в Сибирь. Во многих значительных деяниях его самого и членов семьи в последующие годы косвенно (а порой и прямо) отражаются соприкосновения их всех с «Непролитой чашей» — «самыми синими, самыми звонкими горами» Алтая.

8. Мир через культуру и науку

Многое в философии жизни и бытия Н. К. Рериха стало следствием пятилетних странствий по Азии. В раздумьях его особо важное место, как и ранее, занимали проблемы, связанные с культурой, что и породило в конечном счете великие в своем гуманизме инициативы

Николая Константиновича, а среди них, в первую очередь, знаменитый «Пакт мира», осененный вдохновляющим призывом художника — «Мир через культуру». В этой связи следует вначале заметить, что, размышляя о мире как основополагающем в бытии человечества состоянии, Н. К. Рерих обратился к этимологии русского слова мир как «единозвучного» и «единозначного» в существе определения с одной стороны, — мирного состояния в обществе, а с другой — великого понятия Вселенной. Он воспринимал это слово как своего рода иероглиф, посредством которого предки давали понять потомкам, в чем заключается их спасение, — в осознании неразделенности мирного вселенского труда, «посев творящего», и всего окружающего Мира — Вселенной. Н. К. Рерих рассматривал пакт как «бессменный дозор во имя культуры». Сущность его заключалась «в частной инициативе» по общественной охране культуры, бескорыстно проявленной вне обычных правительственных мер и указов. К деятельности по спасению культурных ценностей призывался каждый землянин, обеспокоенный их судьбами, с ориентацией на работу как в одиночку, так и в отдельных, пусть порой немногочисленных по числу членов, группах и ячейках. Особое внимание Н. К. Рерих придавал просветительству детей, отзывчивых на «добрые речения» и накрепко усваивающих их, а также молодежи, со стремлением превратить ее в легионы «новобранцев культуры». Культура, не устал взывать к миру Н. К. Рерих, может лишь тогда перестроить несовершенства жизни, когда она станет достоянием всего народа, войдет в каждодневный обиход, сделав невозможным существование людей без книг, картин, музыки. Отсюда лозунг его: «Искусство есть знамя грядущего синтеза. Искусство для всех... Мир через культуру, через приобщение к ней», средоточие знаний, антипод грубого невежества, звериности, темного хаоса, злоречия и злонамеренности.

Культура должна стать объединяющим началом людей, их мощным оружием в смелой борьбе со злом и насилием.

Н. К. Рерих подчеркивал, что именно в культуре проявляется национальное каждого народа, оберегаются и одухотворяются его постижения в духовном и материальном, выражаются стремления к самоусовершенствованию и творчеству. Вот он, гимн народной культуре, воспетой Н. К. Рерихом со всей силой страсти ее верного служителя:

«Небрежение к Родине было бы прежде всего некультурностью. Культура есть истинное просветленное познание. Культура есть научное и вдохновенное приближение к разрешению проблем человечества. Культура есть красота во всем ее творческом величии. Культура есть точное знание вне предрассудков и суеверий. Культура есть утверждение добра во всей его действительности. Культура есть песнь мирного труда в его бесконечном совершенствовании. Культура есть переоценка ценностей для нахождения истинных сокровищ народа. Культура утверждается в сердце народа и создает стремление к строительству. Культура воспринимает все открытия и улучшения жизни, ибо она живет во всем мыслящем и сознательном. Культура защищает историческое достоинство народа. Всякое культуроборство есть невежество. Всякое против культуры сквернословие есть признак животности. Человечность и служение человечеству воздвигнутся от культуры. Нести знамя культуры — это значит охранять лучшие мировые ценности. Если мировое понятие близко душе человечества, то насколько же ближе и проникновеннее звучит слово о Родине. Если мы можем встретиться во имя ценности культуры, ведь это уже огромное счастье, еще так недавно невозможное. Пусть в своеобразных выражениях, пусть в смятении духа, но пусть бьется сердце человеческое во имя культуры, в которой сольются

все творческие находения. Мыслить по правильному направлению — значит двигаться по пути к победе».

Самыми страшными проявлениями бедствий для человека и природы были для Н. К. Рериха невежество и жестокость. В этой связи он неизменно предостерегал от легковесного определения понятия «культура», противопоставляя глубинную значимость ее понятию «цивилизация». Культура не есть «нечто эфемерно отвлеченное», а признаками ее не могут быть преходящие веяния моды, вроде модного платья и крахмальных воротничков, число условных и внешних атрибутов «неоспоримых достижений» цивилизующего человечества. Культура несовместима с суесловием, лжесловием, а тем более со сквернословием, грубостью, одичанием и звероподобностью, что в так называемой цивилизации явления отнюдь не редкие. Для нее характерны прежде всего некие непреходящие значительные гуманистические ценности, незыблемые в убедительности, неотторжимые от сердца человеческого и как бы сросшиеся с ним неистребимо. Культура не отделима от духовной утонченности и от всепоглощающей страсти человека к «сознательному познанию», «просветленному осознанию», «духовному совершенствованию». По мнению Н. К. Рериха, культура — пристанище духа человеческого в поисках его путей к просветительному, прекрасному и к религии, как своеобразной нравственной опоре, но она же и основа «благообразного построения жизни». В ней нет места злоречиям, крикам, ярости, раздражениям и гневу. Ядром цивилизации с ее условными, порой изжившими себя принципами и формами должна быть культура как гарант невозможности одичания, погружения в звероподобные разрушения, празднословия и лжи. Н. К. Рерих язвительно высмеивал в этой связи так называемые «дни торжества культуры», на которых одни и те же личности сначала клянутся в преданности ей, а через несколько дней допускают та-

кие «выражения и устремления», что оставляют лишь потрясение при виде откровенной мерзости культуры — слово и понятие, слишком великие, чтобы «зря и злоумышленно» в суете мирской трепать их. Чтобы культура стала реальностью, следует выходить на пути высоко духовные и устремляться к «воротам духовным».

Николай Константинович не устал призывать к бережному отношению к сокровищам прошлого ради окрыляющего и вдохновляющего будущего. Его лозунги лаконичны, просты и понятны любому: «О прошлом во имя будущего»; «Не знающий прошлого не может думать о будущем». В этом синтезе он усматривал непрерывность «нити знаний», временную взаимосвязь, без которой немыслима преемственность культуры. Поэтому «поучительное прошлое» и виделось ему «воротами в будущее». Для него всегда странными представлялись пренебрежения древностями, ибо из них при соответствующих знаниях и усилиях можно было извлечь утраченные в веках ценности как материальные, так и духовные. Он подчеркивал, что мощная творческая мысль просматривается в творениях далеких предшественников на всех этапах эволюции человечества, начиная со времени пещерных людей. Ценности культуры требуют, по его словам, «широкого понимания», а не предвзятостей и ограничений, которые, неосновательно умаляя достижения прошлого, тормозят продвижение к грядущему. Не тщета и суета — земные надписи, заклинал Н. К. Рерих, обращаясь к проблеме сохранения и забот о памятниках культуры, подверженных разрушительному воздействию времени и невежества человеческого. Он призывал и современников работать неустанно над «упорядочением материалов», чтобы избежать разрушений и «отравлений» новых творений культуры и лишения будущих поколений общего для всех достояния.

Но не наивно ли было в те тревожные для судеб че-

ловечества 20—30-е годы, полные смертельно опасных неурядиц и потрясений в мире, обращаться к проблемам культуры и искусства? Ответ Н. К. Рериха на этот вопрос всегда отличался твердостью и определенностью: все то, что питает дух человеческий, заслуживает в первую очередь изучения, знания и сохранения. Культурное достояние, «предмет священный, вдохновляющий, возвышающий» — непреходящая в значимости сокровищница результатов деяний человечества. О них требуется увлекательный, возвышенный разговор, обоснованный и справедливый, во имя неприкосновенного продолжения «летописи культуры» и отстранения угрозы уничтожения ее.

Вторая проблема, которая не в меньшей степени, чем культура, занимала Н. К. Рериха в его раздумьях о судьбах человечества, была напрямую связана с наукой, а в более широком плане — с ролью знаний во благо утверждения жизни. Обращаясь к этой теме следует прежде всего подчеркнуть, что он неустанно провозглашал полную свободу и неограниченность научного творчества и мысли, подчеркивая несовместимость его с мертвящим догматизмом, апологеты которого ответственны за смерть на кострах и от психологических пыток инакомыслящих. Догматик, ограничитель и запретитель с «машинным мышлением», в лексиконе которого господствует лишь мертвящее — «нет» свободному познанию, да самоуверенное в невежественности — «все уже найдено», картинно представлен им в ужасающем образе цивилизованного дикаря во фраке и с орденами, под тяжеловесной ступней которого «трещит Земля». Творчеству необходимы подвижность, бесстрашие, одоление невежества, взгляд на вечно обновляемый мир с платформы диалектики, уход от заикленности на никчемных подробностях. Лишь такой подход к познанию, утверждал Н. К. Рерих, обеспечит науке не эпизодические успехи, а «дружный вихрь блестящего пре-

успевания». Триумфы свободной науки оставят, наконец, в прошлом печальные эпизоды, когда инакомыслие объявлялось «бреднями» и «бездумными фантазиями», а осмелившихся думать нетрадиционно можно было безнаказанно топтать и подвергать унижительному глумлению. «Разве победа новых подходов к понятию пространственных энергий, новых идей астрохимии и возможности овладения человеком атомной энергии не должны охладить пыл догматиков?» — спрашивал Н. К. Рерих. Разве не должны они поостерегаться отвергать жизнь на других, кроме Земли, мирах Вселенной? А эффекты применения на Востоке «экстериоризации чувствительности» к человеку, группе лиц, а то и «как бы к целым местностям», этого грандиозного метода использования психической энергии?

Успех в научном исследовании обеспечивается, по мнению Н. К. Рериха, отнюдь не только лишь безоглядным новаторством. Помимо обязательных «неограниченности» и «бесстрашия» как фундаментальных основ обновляемой науки, она должна строиться на самом бережном отношении к «самым поучительным накоплениям древнего опыта», к тому, что уже «засвидетельствовано веками». Недопустимым представляется для него унижение (в опасениях прослыть «старообразным») «опытности тысячелетий», а тем паче отрицание древних накоплений, предвзятость суеверных суждений о них или предание мертвящей анафеме и тупым в равнодушии забвениям. Постижения предшественников в познании мира должны быть восприняты современными творцами наук ради увеличения мощи мышления, ускорения и облегчения эволюции человечества. Николай Константинович призывал осваивать знания предшествующих веков и тысячелетий увлеченно, открыто, благожелательно и творчески, непременно истолковывая их в понятиях нового времени.

В этой связи он, в частности, неоднократно и с

вдохновенной страстью обращался к одной из своих особенно остро любимых тем, связанной с обеспечением самого драгоценного — здоровья людей: к оживлению фармакопей предков, стародавней мудрости своеобразных способов борения с такими устрашающими до сих пор бичами человечества, как болезни сердца, рак, туберкулез, астма. Речь при этом шла отнюдь не просто о слепом следовании предписаниям полузабытых лечебников, а о смелом и творческом использовании рецептуры их, требующей к тому же прозорливых расшифровок условно-символических (иероглифических) предписаний с выражениями, значения которых могли многократно меняться, а то и становиться напрочь потерянными или непроницаемо путаными в содержательности. Трепетно бережное возвращение из небытия древней фармакопей, бесценного опыта охраны здоровья предшествующих поколений народных лекарей Н. К. Рерих считал благодатнейшим и благороднейшим полем приложения сил пытливых, с широким кругозором молодых ученых, лишенных догматического мышления и циничной отрицательности, творчески бесстрашных, безоглядно ориентированных на поступательное движение своего дела, обогащенного опытом прошлого.

Синтез наук — мощный двигатель прогресса в расширении объема знаний. Н. К. Рерих уже в свое время чувствовал, по-видимому, несправедливость и недостойность взгляда свысока набирающих мощь воздействия на общество технократов в отношении человековедения. Вот, очевидно, почему даже его восторженный гимн своей первой в сфере наук любви — археологии, с ее «изумляющей изысканностью смысла» и «утонченным изяществом форм», культурными остатками давних веков, неожиданно прерывается призывом к заботливому и почтительному вниманию «к этим заветам древности» в связи с аспектом, который может умерить глухоту представителей точных наук при виде древностей,

мнимо бесполезных для сухих прагматиков. Ведь они, эти древности, при должной оценке находок археологов, могут, положим, разгадать забытые секреты приготовления лаков, проникнуть в тайны предупреждения разрушений веществ, реконструировать рациональные приемы обработки камня. Но и сами гуманитарии должны избавиться от пренебрежения к «нахождениям археологии», ибо в них просматриваются потаенные корни фольклора — песен и преданий, которые, в свою очередь, могут при кропотливом проникновении в содержательность их, «подкрепить пути истории».

Так было в теории. Ну, а как на практике? Зная характер Н. К. Рериха, продуманное не могло не воплотиться в реальность, ибо для чего же собирались целое пятилетие подвижнического труда тысячи этнографических, археологических, геологических экспонатов, рукописных и письменных источников, раскрывающих историю, культуру и религию народов Южной, Центральной и Северной Азии, Сибири. В эти венчающие грандиозное предприятие практические деяния решающий вклад внес каждый из участников экспедиции. Здесь следует прежде всего упомянуть идею Н. К. Рериха о создании «специальной научно-исследовательской станции». Возможная программа ее работы обсуждалась, надо думать, коллегиально, а вот как она выглядела в изложении Елены Ивановны, почтительно провозглашенной почетным президентом — основателем будущего исследовательского центра, не имеющего прообраза в мировой науке ни по структуре, ни по целям, ни по принципам организации: «Станция должна развиваться в город Знания. Мы желаем в этом городе дать синтез научных достижений. Потому все области наук должны быть впоследствии представлены в нем. И так как знание имеет своим источником весь Космос, то участники научной станции должны принадлежать всему миру, то есть всем национальностям; и как

Космос неделим в своих функциях, так и ученые всего мира должны быть неделимы в своих достижениях, иначе говоря, объединены в теснейшем сотрудничестве. Место станции избрано совершенно сознательно и обдуманно, ибо Гималаи представляют неисчислимые возможности во всех отношениях. Здесь возможно изучение новых космических лучей, дающих человечеству новые ценнейшие энергии. Для астрономических наблюдений условия здесь совершенно исключительные. Геологически Гималаи также интересны, и пещеры их хранят не одну тайну для археологов, зоологов и антропологов. Редчайшие лечебные травы и растения сосредоточены на этих горах, и богатство ботанических видов непревзойденно. В археологическом отношении долина Кулу одна из наиболее древних и богатых. Имеются следы и древней буддийской культуры. Очень примечательно здесь и количество наречий. Также здесь наблюдаются огненные атмосферные проявления и часты так называемые гималайские сияния. Конечно, станции наблюдений должны быть во многих местах и сотрудничество должно быть самое тесное и точное. Правильно, что беда в том, что нет синтеза достижений и теряется много энергии и множество ценных наблюдений. Поэтому организация истинного сотрудничества на Земле необходима».

Это не стало прекраснодушными мечтаниями, ибо пройдет ровно два месяца после завершения экспедиции, и 24 июля 1928 г. Н. К. Рерих объявит в Дарджилинге о создании Гималайского института «Урусвати» («Свет утренней звезды»). Окончательное местоположение институт получил через несколько месяцев, когда Николай Константинович купил в Кашмире, в древней долине Кулу или Кулуту, 20 акров земли. Здесь разместились три здания для зарубежных исследователей, ученых Индии и тибетских лам, консультантов по истории, филологии и фармакологии Гималаев и Тибета.

«Урусвати» составляли три научных отдела: археологический (с подразделениями общей истории, древнего искусства, культуры народов Азии и филологии), естественных наук и медицины, музеев с экспедиционными коллекциями и библиотека. Так в одном из самых почитаемых с древности мест Индии, где, согласно легендам, жили великие подвижники и мудрецы, в том числе сам Будда и собиратель Махабхараты риши Вьяса, где родился Виасанунд — «Место исполнения желаний», был зажжен, как любил говорить Н. К. Рерих, огонь дружбы и сотрудничества народов Востока и Запада.

Директором института стал в том же, 1928 году Ю. Н. Рерих, к тому времени достаточно известный в ученом мире. Ведь когда караваны экспедиции продолжали еще отмерять бесконечные мили в просторах Центральной Азии, в Париже в 1925 г. уже вышла в свет публикация «Тибетская живопись», подготовленная им за время пребывания в Сиккиме, этом древнейшем заповеднике буддийской культуры. Для Ю. Н. Рериха со времени принятия на себя бремени директорских обязанностей начался новый период деятельности, который ознаменовался выдающимися свершениями. Он проводил широкие исследования в Индии и в то же время неоднократно осуществлял экспедиции в Тибет, Монголию, Маньчжурию и Китай. Стремясь по возможности полнее и оперативнее довести результаты своих археологических, этнографических и лингвистических изысканий до сведения научной общественности, Ю. Н. Рерих выступал с лекциями в университете Каллимпонга, а также в Сорбонне. Главные его усилия в те годы были направлены на осуществление комплексного изучения Востока. «Урусвати» виделся ему, в полном соответствии с желаниями учредителя Н. К. Рерика, как центр международного сотрудничества исследователей Азии, результаты научных изысканий которых он предполагал публиковать в специальном издании —

«Журнале Урусвати». Ю. Н. Рерих, следуя планам отца, искусно направлял деятельность своих немногочисленных сотрудников. Приходится лишь поражаться, насколько разносторонней и продуктивной была она: в «Урусвати» за короткий срок сконцентрировались богатейшие ботанические и зоологические коллекции; собранный местный «лекарственный материал» позволил вскоре составить первый в мире атлас тибетских лекарственных трав и приступить к обобщению сведений по тибетской фармакопее; были созданы показательные питомники, а местные «растительные экстракты» посылались в медицинские учреждения Европы для проверки силы их терапевтического воздействия; на основе обширных лингвистических записей был составлен фундаментальный англо-русско-тибетско-санскритский словарь, беспрецедентный по полноте в истории мирового востоковедения; выявленные в ходе экспедиций рукописи и редкие издания переводились затем на европейские языки; готовились к изданию словари лахульского и амдоского диалектов тибетского языка; в высокогорьях Гималаев начались исследования по изучению космических лучей; большие надежды возлагались на биохимическую лабораторию, в состав которой входил отдел по изучению рака. Почетный президент-основатель «Урусвати» Елена Ивановна работала над книгами, в которых предстояло изложить учения махатм Гималаев. Эти сочинения, изданные позже, рождались в сложнейших по темам беседах с махатмами, глубокими знатоками восточных философий и религий, а также «идей о новой эре, вооруженной мощными силами космических энергий».

Сотрудники «Урусвати» редко появлялись в кабинетах института — их рабочим местом была вся нагорная Азия. Караваны их отрядов пересекали в разных направлениях долину Кулу, Лахор, Ладак, Спит, Лахур и другие районы Гималаев, и оттуда в «Урусвати» не-

прерывным потоком поступали сборы, коллекции, гербарии, рукописи. Институт, любимое детище Николая Константиновича, для научного обмена завязывал и поддерживал широкие международные связи. Выдающийся русский ботаник и генетик Н. И. Вавилов запрашивал в «Урусвати» информацию по злакам и получал оттуда посылки с семенами для своей знаменитой ботанической коллекции. Материалами «Урусвати» пользовались сотрудники Пенджабского и Мичиганского университетов, ботанических садов Нью-Йорка и Ленинграда, Музеев естественной истории в Париже и Нью-Йорке, а также Гарвардского университета. Не менее тесные связи, обмен научными изданиями и корреспонденцией осуществлялись через «Журнал Урусвати». С научным центром в Кулу связали свою жизнь ученые Г. Ф. Лукин, К. К. Лозин-Лозинский, В. Шибаев, ботаник Султан Ахмед, выдающийся индийский биолог Джагадис Чандра Бош, профессор Е. Д. Мерилл и Кашиап, буддологи Чомпел, Лобзанг Мингюр Дордже, Лобзанг Цондю, Дава Тензинг, махапандит Рахула Санкритияна. «Много, много ценных сотрудников»,— это о них писал Н. К. Рерих.

Деятельность Ю. Н. Рериха в «Урусвати» не ограничивалась только лишь организаторскими функциями. Исследования в области тибетологии и буддологии, монголоведения и индологии, результаты филологических, историко-культурных и археологических изысканий уже в 30-е годы прочно утвердили имя Рериха-младшего в ряду выдающихся востоковедов. Особенно значительными оказались достижения в разработке проблем тибетологии, которая, бесспорно, увлекала его более, чем какая-либо другая отрасль востоковедения. Перу Юрия Николаевича принадлежат поразительные по разнообразию тематики труды. В них освещались актуальные вопросы истории, археологии и этнографии Тибета, искусства, религиозных ритуалов, тибетского буддизма и

его истории и, конечно же, тибетского языкознания. Особое место отводилось в них обзорам исторической литературы этой высокогорной части Азии. Бесценными, в частности, остаются описания материальной культуры древних кочевников Севера и Востока Тибета, скрупулезно исполненные Ю. Н. Рерихом. Путешествие по ранее не исследованным местам высокогорий Центральной и Восточной Азии позволило ему провести аналоги с кочевым миром степей и пустынь Монголии и Восточного Туркестана, в результате чего он, подтверждая на новом уровне взгляды Н. К. Рериха, пришел к выводу о родстве культур этих регионов. Этим проблемам посвящены многие страницы книги Ю. Н. Рериха «По тропам Срединной Азии», своего рода летописи Центрально-азиатской экспедиции, которая вышла в свет в Лондоне в 1931 г., как и специальные публикации, в том числе монография «Звериный стиль у кочевников Северного Тибета» и статья «Кочевые племена Тибета».

История Тибета особо волновала Ю. Н. Рериха. Вот почему он с таким увлечением работал над переводом и комментированием одного из наиболее ценных трудов по средневековой истории этой страны — «Синего Тэптхэра», составленного в конце XV века видным тибетским историком Го-лоцзавой Шоннупалом. В комментарии к этому сочинению были освещены вопросы периодизации тибетского средневековья и даны оценки источникам, положенным Го-лоцзавой Шоннупалом в основу «Синего Тэптхэра» — «Красному Тэптхэру» и хронике Ба-ше. Перевод текста «Синего Тэптхэра» и введение к нему стали значительным вкладом в историческую литературу. Наряду с исследованиями тибетского средневековья и истории сект и течений тибетского буддизма Ю. Н. Рерих столь же страстно увлекался изучением героического эпоса о Гэсэре, чрезвычайно популярного среди монголо- и тибетоязычных народов Азии. Опубликовав неведомый ранее вариант сказания

о Гэсэре, он написал исследование «Сказание о царе Кесаре Лингском», в котором подробно рассмотрел иные версии эпоса и высказал ряд глубоких соображений относительно времени и места его появления.

Не менее значительными оказались заслуги Ю. Н. Рериха в изучении тибетского и монгольского языков. Особое внимание он уделял сбору и обработке материалов о современных наречиях Тибета, а также составлению лингвистической карты этого района Азии. Богатейшие записи живой разговорной речи, сделанные им в различных областях Тибетского нагорья, позволили ему впервые выделить и определить главные фонетические, морфологические и синтаксические особенности лхасского, северо-восточного и лахульского диалектов тибетского языка. Вопросам диалектологии посвящены три монографии Ю. Н. Рериха: «Лажульский диалект тибетского языка», «Учебник разговорного тибетского языка (центральный диалект)» и «Говор Амдо». Общие проблемы тибетского языкознания рассмотрены им в обобщающей монографии «Тибетский язык». В монгольском языкознании Ю. Н. Рериха прежде всего привлекали вопросы взаимосвязей и взаимовлияний монгольского и столь отличного от него тибетского языков. Он связывал проникновение в монгольскую лексику тибетской философской и религиозной терминологии с переводом Ганчжура в эпоху позднего средневековья, когда монгольские ламы-переводчики подвергли чисто тибетские термины фонетической обработке, приспособивая их к монгольскому произношению. Громадный интерес вызывают также успешные попытки его восстановить фонетический строй и произношение древнемонгольского языка. Здесь ему помогло изучение лексики, заимствованной коренным населением Тибета в период, когда монголы осуществляли сюзеренитет над страной. Пригодилось и его знание тибетского и монгольского языков. Ю. Н. Рерих в совершенстве владел ими и потому

смог поставить и успешно решить ряд сложнейших филологических проблем.

Интересы Ю. Н. Рериха в области индологии отличались вначале значительной широтой, но постепенно под влиянием Н. К. Рериха они сконцентрировались на отдельных наиболее важных аспектах буддологии и истории индийской философии. Успехи его в этой отрасли востоковедения производят особенно сильное впечатление. Не случайно его собеседниками были выдающиеся мыслители Индии, в том числе Джавахарлал Неру и С. Радхакришнан. Юрий Николаевич перевел жизнеописание тибетского путешественника, «великого гуру» Дхармасвамина, который посетил Индию в XIII веке; написал статью «К изучению калачакры», положив в основу ее перевод труднейшего для понимания источника с изложением древнего философско-астрологического учения средневекового Тибета, которое неоднократно привлекало внимание востоковедов в связи с легендами о знаменитой Шамбале. Он издал также перевод «Паралокасиддхи» — сложный для толкования источник, содержащий сведения об одном из направлений махаяны.

Деятельность Ю. Н. Рериха как организатора науки и исследователя отличалась широким размахом. И все же, несмотря на предельную занятость, он, следуя по стопам отца, находил время для общественной работы. В частности, известна его роль в отстаивании идей «Пакта охраны культурных ценностей в условиях военного времени». «Образовательные, художественные и научные учреждения, научные миссии, персонал, имущество и коллекции таких учреждений и миссий будут считаться нейтральными и как таковые будут подлежать покровительству и уважаемы воюющими». Эти призывные слова звучали на заседаниях постоянных комитетов «Пакта» в Комитете по делам музеев при Лиге наций, в Международной комиссии интеллекту-

ального сотрудничества, на международных конференциях «Пакта Рериха», в обращениях к правительствам и народам всех стран. Вместе с Рерихом-старшим Рерих-младший боролся против темных сил, которые готовили новую мировую войну.

Находясь вдали от Родины, Николай Константинович и Ю. Н. Рерих оставались ее верными сыновьями. Известен четкий ответ Н. К. Рериха на вопрос, не собирается ли он совсем перебраться в СССР. «Но ведь я же и не перебирался за границу,— спокойно отвечал Николай Константинович.— Я путешествовал и намеряю новые путешествия, а совсем уезжать из России — такое вообще не приходило мне в голову». То же самое мог бы сказать и сын. В самом деле, разве не сердечное чувство любви к России побудило Рериха-младшего в июле 1941 г. обратиться к советскому послу в Англии И. М. Майскому с просьбой зачислить его добровольцем в Красную Армию? В дни, когда над СССР нависла смертельная опасность, а недруги предрекали стране скорую и неминуемую гибель, Ю. Н. Рерих, не колеблясь, заявил о своей готовности отдать жизнь за Россию. В годы войны дом Рерихов у подножия покрытых сверкающими снегами Гималаев стал центром Индо-русской культурной ассоциации. На весь мир раздавались отсюда страстные призывы помочь СССР в борьбе с гитлеризмом. Здесь седобородый мудрец и художник делился с друзьями самой душевной своей мечтой — вернуться на Родину. Победа в войне с фашистской Германией приветствовалась Н. К. Рерихом во вдохновленном эссе «Русь»: «В дальних снежных Гималаях радуемся, что именно Великая Русь победоносна, и прежде всего мыслим о торжестве науки, о творчестве, о связи общечеловеческой. Народ русский привык побеждать. Герои высоко подняли знамя Победы. А за ним высоко развевается Знамя Мира. Знамя Культуры. Это славное русское слово — «подвиг». В нем

и движение, и творчество, и преуспеяние. Именно русскому народу довлеет подвиг».

Увы, желанию вернуться в Россию не суждено было сбыться — смерть оборвала жизнь великого сына России в разгар приготовлений к отъезду из Индии. Нс волю отца осуществил Ю. Н. Рерих: осенью 1957 г. он возвратился в СССР и передал в дар русскому народу завещанное отцом собрание его картин (418 полотен), 60 из них хранятся теперь в Сибири, составляя золотой фонд Новосибирской картинной галереи, а остальные — в Русском музее в Ленинграде. Бесценная коллекция произведений древней монгольской и тибетской живописи была передана в Эрмитаж. Ю. Н. Рерих привез с собой уникальную библиотеку — около 5000 томов редких книг и рукописей. Ученый совет Института востоковедения Академии наук СССР, учитывая его выдающиеся заслуги в развитии востоковедения, представил Ю. Н. Рериха к ученой степени доктора филологических наук, а Высшая аттестационная комиссия утвердила это представление без защиты диссертации. Он вскоре возглавил сектор истории религии и философии Индии в Институте востоковедения АН СССР. Так начался третий, самый короткий, но весьма плодотворный период деятельности ученого и путешественника.

Возвратившись в СССР, Юрий Николаевич отдал много сил укреплению дружественных связей своих соотечественников с народами Азии. В особенности весом его вклад, внесенный в становление Советско-индийского и Советско-цейлонского обществ дружбы. В этом он продолжил благородные традиции семейства Рерихов: «Заветной мечтой отца моего, Николая Константиновича Рериха, — писал Юрий Николаевич, — всегда была дружба между народами Советского Союза и Индии, дружба, основанная на взаимном понимании культурных сокровищ обоих народов. Только на этой основе заложат прочное немеркнувшее сотрудничество обоих наро-

дов в великом деле построения мира во всем мире, деле, которому посвятила себя наша страна». Ю. Н. Рерих призывал всемерно помогать народам Азии в строительстве новой жизни, а также поддерживал их стремление сохранить свое национальное культурное наследие. Сотрудничество нашей страны со странами Востока, сбросившими с себя колониальное иго, способствовало, как постоянно отмечал Ю. Н. Рерих, упрочению мира, развитию науки и становлению подлинно равноправных отношений между народами.

Юрий Николаевич считал, что труд востоковеда-исследователя должен служить прогрессу, углублению взаимопонимания и сотрудничества народов Земли. В секторе истории, религии и философии Индии под его руководством началась напряженная работа. Он считал необходимым усилить изучение культурных традиций народов Индии, вызвать интерес к индологии у представителей смежных специальностей, и в самых широких кругах страны. Забота Ю. Н. Рериха о возрождении и укреплении индологии как классической отрасли русского востоковедения отвечала духу времени. За самый короткий срок ему удалось решить ряд важных задач. Он успешно продолжал научные исследования, подготавливал к изданию свои труды и осуществлял руководство по изучению, переводу и публикации памятников общественной мысли народов Востока. Но особой заботой Ю. Н. Рерих окружал молодых исследователей-индологов. Он преподавал им тибетский и три индийских языка. В лекциях и беседах со студентами и учениками Юрий Николаевич выступал как мудрый учитель, для которого не существовало тайн в самых сокровенных сферах индийской культуры. Они лишались налета экзотики, абстрактные категории наполнялись жизнью и светом.

За два с половиной года работы в Институте востоковедения АН СССР усилиями Ю. Н. Рериха была соз-

дана «рериховская школа» индологов и тибетологов, отличающаяся особым стилем своих исследований. Дело Ю. Н. Рериха ныне успешно продолжают его ученики, а их высококвалифицированные труды — лучший памятник своему учителю.

Научный и жизненный подвиг Ю. Н. Рериха высоко оценен не только в нашей стране, но и за рубежом. За выдающиеся заслуги в изучении культур Центральной и Южной Азии он был избран почетным членом Географического общества СССР, Королевского азиатского общества Лондона, Азиатского общества Бенгалии, Археологического и Этнографического общества Армении, Парижского географического общества и ряда других научных организаций мира. Достаточно привести высказывания известных политических и общественных деятелей, а также видных представителей науки и культуры в связи с 60-летием Ю. Н. Рериха, чтобы уяснить, каким уважением пользовался он как ученый и гражданин*.

Джавахарлал Неру, премьер-министр Республики Индии: «Я встречал доктора Рериха во время его пребывания в Индии, и на меня произвели огромное впечатление его знания и исключительные лингвистические способности, а также та работа, которую он вел. Я рад, что его работа так же высоко оценена Академией наук СССР. Вполне обоснованно чествование таких людей, и, учитывая, что доктор Рерих долго жил в Индии и был тесно связан с этой страной, я хотел бы присоединиться к этому чествованию от лица своего народа».

К. Л. Шримали, министр просвещения Республики Индии: «Доктор Рерих был великим творческим гением, внесшим важный вклад в развитие востоковедческой науки и проложившим путь для развития взаи-

* Послания к 60-летию профессора Юрия Николаевича Рериха, отмеченному научной сессией в Институте востоковедения Академии наук СССР 15 октября 1962 г.

мопонимания и дружбы между двумя странами — Индией и СССР. О докторе Рерихе всегда будут помнить как о выдающемся ученом, великом гуманисте и искреннем друге Индии».

Б. А. Рыбаков, директор Института археологии АН СССР: «Удивительную и яркую жизнь прожил Юрий Николаевич Рерих, выдающийся советский востоковед. Его труды изданы в ряде стран и известны востоковедам всего мира. Многогранная бескорыстная деятельность Юрия Николаевича Рериха внесла большой вклад в дело взаимопонимания между народами. Вся семья Рерихов посвятила жизнь сближению народов Индии и нашей страны».

Эти изъяснения искренней признательности и любви Ю. Н. Рериху услышать, однако, не довелось — он скончался от сердечного приступа 21 мая 1961 г., за два года до юбилейных торжеств, организованных по решению Президиума Академии наук СССР в Институте востоковедения. На могильной плите, установленной на Новодевичьем кладбище, выше надписи «Выдающийся востоковед профессор Юрий Николаевич Рерих. 16/VIII.1902—21/V.1960» выбито изображение «Знамени Мира», или «Синтеза Жизни», — на белом фоне красная окружность с тремя кругами посредине.

Один из вариантов толкования символики этой древней эмблемы в свое время был предложен Николаем Константиновичем Рерихом: Вечность (большая окружность), выраженная в Прошлом, Настоящем и Будущем человечества (три малых круга). В изучении великого прошлого, воплощенного в достижениях человечества в области материальной и духовной культуры, и проявились со всей мощью жизненные устремления всего семейства Рерихов.

В. Е. Ларичев,
доктор истор. наук

КОСМИЧНОСТЬ ИСКУССТВА

Н. К. РЕРИХА

Сибирь влекла Николая Константиновича Рериха с юности. Уже тогда ему «слышались зовы к далям и вершинам — Белуха, Хан-Тенгри». И сама Россия за Уральским хребтом была уже Азией, о которой мечта-лось и грезилось, колыбелью кочевых цивилизаций, родиной уникальных, самобытных культур больших и малых народов, донесших до наших дней мудрость и красоту далеких тысячелетий. Здесь, в Сибири, в Азии, все поражало: и огромные пространства, и могучие ре-ки, и самые высокие, восхищающие дух горы. Девст-венный, не тронутый цивилизацией материк, чистые, яр-кие, солнечные, совсем другие, чем в туманной Европе, краски. Голубые волны хребтов на горизонте, резвый бег лошадей, вольный степной ветер манили своей неиз-вестностью, питали разгоравшуюся страсть к путеше-ствиям. Тут и там виднеющиеся кольца курганов, стоя-щие, как маяки, каменные стелы и изваяния, перво-бытные храмы, ритуальные площадки, следы великого переселения народов — во всем этом заключалось для Н. К. Рериха «много непередаваемой словами прелес-ти». С юношеских раскопок испытал он очарование от непосредственного прикосновения к предметам большой древности. Будучи свидетелями былого, они создают какую-то необычную атмосферу, по-особому воздей-ствуют на человека, и кажется, что у него появляется какое-то новое чувство. Оно не только обостряет зре-ние, обоняние, слух, но кажется, что все клеточки орга-

низма начинают ощущать дух этих далеких веков. И в самом человеке просыпается что-то давно упрятанное в глубины, какая-то часть души, которая ранее была где-то в забытии и которая теперь проснулась и радостно ожила, наполнив человека новым содержанием. Человек как бы приобрел новое видение мира, живое ощущение прошлого, незримое и вместе с тем реальное.

Николай Константинович необычайно развил в себе эту способность воспринимать мир в единстве с его прошлым, которое оживает во многих его работах. И потому они оставляют ощущение огромности пространства, созерцания космоса и прозрения минувшего. Их настрой необычен, они чем-то притягивают к себе и, быть может, призваны пробудить у зрителя это его спящее «шестое чувство», чувство единения с миром природы и истории. Зритель подчас не в состоянии осознать, где пространственная точка отсчета — на земле или в космосе, какое время представляют картины художника: прошлое, настоящее или, может быть, будущее? И как оказывается, и космичность видения, и устремленность в будущее — все это завязано у Рериха на Сибири, на ее прошлом и настоящем.

Убедительность открытия космичности искусства Рериха состояла в том, что оно было сделано не на Земле, а именно в космосе. Это признание как бы само собой вырвалось из уст первого космонавта Ю. А. Гагарина, который, передавая свои впечатления из космоса, не задумываясь, метко и точно сравнил их с картинами Н. К. Рериха, совсем недавно увиденными на выставке: «...Неописуемая цветовая гамма. Необычно, как на полотнах Рериха».

Аналогичное признание есть и у другого космонавта — В. И. Севастьянова. На одной из выставок Н. К. Рериха он записал в книге отзывов: «Сегодня я вновь увидел нашу голубую планету из космоса».

Интересна попытка проследить, как же вызревала у

Николая Константиновича эта неординарная эстетическая концепция. Как это ни покажется парадоксальным, но к своей космичности он пришел от земли, вернее, даже из-под земли, и связано это было с его увлечением археологией. Непосредственное соприкосновение с памятниками древности столкнуло его с иной психологией, отличной от современной, где вся картина мира имеет точкой отсчета самого человека. В ранний период своей истории человек видел мир по-другому, охватывая его единым взглядом и отнюдь не выделяя себя из единого и цельного миропорядка. Синкретичное творчество первобытного человека одухотворяла соразмерность его бытия космическим ритмам Вселенной, неизбежность смены природных сезонов, повторяемость астральных циклов. Неслучайно Рерих сравнивает «понятие части древнейшей жизни» с возможностью увидеть клочок «звездного неба».

Космичность видения была присуща не только каменному веку, она живет и в архаических культурах аборигенных народов Сибири. Отдавая дань изучению всего этого многообразного искусства, Н. К. Рерих в то же время увлеченно впитывал народные образы и представления, сюжеты легенд и преданий — все, в чем запечатлелась человеческая мысль о мире.

Уже в 20-е годы Николай Константинович поставил задачу создания в своем искусстве «ощущения космической правды». К своей цели он шел уверенно и неуклонно, осваивая весь опыт мирового искусства. Главнейшая роль в живописи художника отводилась цвету. Размышляя об этом, он писал: «Выявление космического творчества может даже ослепить наш слабый глаз своею мощью, но оно никогда не дает соединения оскорбительного». Рерих ищет чистые, светоносные краски и находит их, как ни странно, не на жарком юге, а на Русском Севере. Завороженный сполохами полярных сияний, он, как никто из художников до него, отважился

запечатлеть на полотне эту огненную стихию. И вот в картине карельского цикла «Мост славы» (1923 г.) впервые засветились холодными лучами вспышки пространственных излучений. Это уже была та фактура цвета, которая возобладала в последующих его работах. И плотные громады гор, и рдеющие над ними облака — все теперь несло одну природу цвета и было одновременно космическим и земным.

И все же все эти живописные находки могли бы оказаться чисто внешним приобретением, если бы не та устремленность к космичности, которая пронизывала все его художественное мышление. «И если через оболочку вещей каждого дня вам удастся рассмотреть вершины космоса — какой новый, чудесный аспект примет мир для освобожденного глаза». Чтобы вот так видеть не оболочку вещей, а вершины космоса, необходимо было многое переосмыслить. Сами физические характеристики космоса — временная необъятность, беспредельность, ритм, гармония — осмысливаются Рерихом многопланово и с позиций современного научного знания, и народного опыта, и мифопоэтических представлений, приобретая богатое эстетическое и, в некоторой степени, этическое, нравственное содержание.

Действительно, Николай Константинович с большим интересом следил за развитием современной науки и глубоко вникал в суть революционного пересмотра физической картины мира, которая была связана с возникновением квантовой механики и теории относительности. Крупнейшие ученые — А. Эйнштейн, Р. Милликен, Луи де Бройль — оказывали содействие основанному Рерихом Гималайскому научно-исследовательскому институту «Урусвати». В журналах «Урусвати» обсуждались проблемы волнового и корпускулярного дуализма материи, соотношения неопределенностей В. Гейзенберга. Особенно восхищала Рериха знаменитая эйнштейновская формула, связывающая массу и энергию. В сво-

их философских эссе он высказывает мысли, в какой-то мере созвучные идеям В. Вернадского о ноосфере и грезам К. Циолковского о небе, о формах жизни в космосе. Ему всегда было важно найти параллели между древними космогониями и современными концепциями развития Вселенной.

Через историю, через космичность Н. К. Рерих стремился постичь будущее. Вглядываясь как бы из глубин Вселенной, он подымал насущные проблемы, которые могли быть решены только совместными усилиями. Его Пакт был посвящен охране культурных достижений всего человечества. Он страстно выступал в защиту природы всей Земли. Он видел, что корни экологических проблем в оскудении души, что для восстановления пустынь вначале нужно оросить пустыни человеческого духа. И вот сегодня, когда люди осознали общность своего космического дома-планеты, когда истерзанная войнами и измученная современными промышленными производствами природа уже не в состоянии справиться одна и восстановить свою организованность, разве теперь люди не обязаны, наконец, понять, что, только договорившись, можно сохранить свою жизненную среду? Доступным всем языком сердца и доверия, языком искусства Рерих обращается ко всему человечеству. Искусство может объединить «давно разъединенное сознание народов». Эта его уверенность базировалась на том, что однажды уже существовала «таинственная международность культуры камня». Существовала десятки тысячелетий! У каждого народа,— писал он в статье «Радость искусства»,— есть «общечеловеческий путь к пониманию красоты — путь через откровения каменного века».

Чутким глазом большого художника Рерих увидел не «затемненную археологию», а «острое чувство меры», «ясность мысли обобщения», «торжество строгой формы и линии» — все то, что так настойчиво искали жи-

вописцы XX века. Соединить современное западное искусство с заветами каменного царства, найти путь художественного синтеза, понятного всем народам,— именно такая цель вдохновляла все его творчество. Вначале он подробно воскрешал жизнь первобытного человека, создавая суммарный образ, как бы взгляд на мир глазами далеких предков.

В 1904 г. Николай Константинович создает проекты фриза для майолики «Каменный век. Север. Охота на моржей. Пляски. Олени». В отличие от росписей А. Васнецова в Историческом музее Рерих стремился в своих рисунках претворить художественную пластику произведений искусства палеолита. К тому же он явно следовал стилистике и сюжетам чукотско-эскимосского искусства гравировки по кости. В эскизе «Олени» Рерих во многом ориентируется и на образцы петроглифов, которые широко распространены в Сибири. Так же как и на каменных писаницах, и в изделиях мастеров из Уэлена, в композициях Н. К. Рериха доминирует плоскостная графика линий. Богатство ритмики контуров, силуэтов, изысканная гармония масс, условность пространственных планов — все соответствует духу прошлого и общей декоративной направленности майолики.

Обращение Рериха к традиционной изобразительности арктических племен было не случайным. Здесь, на севере Азии, он находил «наследие высокохудожественных сибирских древностей» и прибегал к этому источнику как наиболее достоверному для реконструкции образа жизни и художественной культуры людей каменного века. Подобный подход считается оправданным и с современной научной точки зрения.

Обобщающим его произведением о каменном веке стало «Призыв солнца» (1919 г.). Народное творчество северян и здесь вело Н. К. Рериха. Поэтическим образом, как он пишет, ему послужили весенние песнопения якутов. Физическое ощущение рассвета перед

появлением дневного светила, бурное, экстатическое поклонение ему воспринимается как вселенский гимн космическому огню, гимн, перерастающий у художника в торжество жизни, духовного восхождения человечества по его первым ступеням культуры. Противоборство света и тьмы — лейтмотив всего творчества Рериха, и победа света звучит здесь удивительно радостно, вплетая «великие ритмы человеческих устремлений» в космическую эволюцию планеты.

Николай Константинович высоко оценивал искусство не только арктических племен, но и всех коренных народов Сибири. В те годы, когда на них висело клеймо «темных язычников», когда всюду процветал европоцентризм, когда духовные достижения стадиально далеких культур еще не были в должной мере изучены, подобная позиция молодого художника была подлинно исторической и гуманной.

Необъятные пространства Сибири явились ареной для шествия многочисленных народов, говоривших на «пятистах языках» и оставивших «богатейший конгломерат» культуры. «От всех этих великих путников наслоились не только бедные, но и высокодуховные наследия». Более того, Рерих считал, что эти сокровища очень близки «художественной концепции современности». Само его искусство стало своеобразным феноменом на стыке культур Запада и Востока, где под Востоком понимаются не только страны Юго-Восточной Азии, но и цивилизации кочевых народов и Восток архаических культур аборигенных народов Сибири. Все это разнообразие давало огромную пищу воображению. Он нашел в своих произведениях ту меру обобщения, которая позволяла ему свободно претворять искусство самых, казалось бы, разнородных стилей. Своими картинами он обращался к людям Запада и Востока на понятном для них языке.

Итак, Сибирь стала для Рериха базисом, той плат-

формой, отталкиваясь от которой он развивал главные тенденции своего творчества — создание космизированного искусства, соединяющего в себе достижения прошлого и современности. Замкнулся пространственный и временной круг его исканий. Космическое, надземное и земное, подземное — в пространственном плане; от палеолита до искусства будущего — во временном. В центре этой пространственно-временной сферы, в стягивающем воедино фокусе находилась Сибирь. «Центр между четырех океанов» — эти слова Рериха об Алтае воспринимаются не столько в географическом аспекте, сколько раскрываются в контексте всех его творческих устремлений. Глубокое, многогранное постижение прошлого Сибири, ее несметных богатств сливалось у него с мыслями о великом предназначении этого замечательного средоточия. Чрезвычайно интересно проанализировать хотя бы в общих чертах, как конкретно тема Сибири воплощалась в искусстве Николая Константиновича.

В «Сибирском фризе», представленном на выставке 1905 г., были идолы, архаика, загадочные, тревожные, несколько мрачные композиции. Однако в них зарождались стилистические черты, идущие от первобытного искусства, от наскальных изображений, от декоративно-прикладного искусства народов Сибири. Все это явно возобладало в работах на северную тему — в его Охотах, Поединках, Плясках, в пастелях о каменном веке. В те же годы, вернее, параллельно Рерих работал над темой о естественно-историческом развитии человечества. Здесь его чрезвычайно увлекали механизмы взаимодействия человека и природы. Не прагматические, хозяйственные, а иные — ритуальные, таинственные, малопонятные для нас. Герои Рериха из далекого прошлого — не безропотные существа, беспрекословно подчиняющиеся натиску стихий и преклоняющиеся перед ними. Нет, они активно противостоят вихрям хаоса, они ищут и, как им ка-

жется, находят способы магического воздействия на силы природы и через них оказывают влияние на свою судьбу и жизнь общины. Таковы произведения Н. К. Рериха «Заклятие земное» (1907 г.), «Заклятие водное» (1905 г.), «Заклятие Огня» (1907 г.) и др. В изменчивом и подвижном узоре неба выделялся человеку сакральный смысл будущего бытия «Знамение» (1915 г.). Застыли, словно сошедшие с наскальных писаниц, фигуры адорантов, как бы читая в восходящих столбах облаков «Веления неба» (1915 г.).

Конечно, это была не просто историческая ретроспекция. Художник искал такие выразительные средства, которые позволили бы ему показать, что природа, говоря словами Ф. И. Тютчева, «не слепок, не бездушный лик», и что она, одушевленная, может свободно говорить с его холстов на своем языке. Рерих изучает то, что донесли до наших дней традиционные культуры аборигенных народов Сибири. Их оптимальное, эмпирически выверенное, бережное отношение ко всему сущему дает подлинный пример нашему времени. Сегодня мы заново открываем их удивительно «богатое проникновение в язык природы», понимание камерных, скрытых взаимосвязей и закономерностей, утраченную психологическую и физиологическую чуткость восприятия разнообразных природных явлений. Николай Константинович предвидел, что о том времени мы узнаем еще многое, узнаем то, о чем «только иногда еще помнит индийская и шаманская мудрость!» Он писал: «А сколько же времени северные народы чтили силы природы, принадлежали одной из самых поэтических религий! Эта религия — колыбель лучших путей творчества».

Действительно, анимистическое восприятие природы, одушевляющее все сущее, цельный охват мира, космизированное видение природы, проникновение в ее тонкие взаимосвязи — все то, что характерно для архаичес-

ких культур Сибири, и вошло в искусство Рериха. Вспомним его антропоморфные лики гор, почти живые очертания скал и ледников, какую-то настороженную, чем-то наполненную тишину пространства его картин, восторженное, а порой и почтительное отношение к белоснежным гигантам, столь созвучное культу гор, распространенному в Тибете, Монголии и на Алтае. А потом, в 1926 г., состоялось непосредственное общение с Сибирью. Рерих прибыл на Алтай во время своей Центральноазиатской экспедиции.

...Алтай — голубые горы. Голубеют снега вершин сквозь чистый воздух. Синеют чаши озер в вышине ульдов холодных. Травы высокие — голубые сверху. И густеет с высотой цвет неба до бесконечной синевы.

За рекой Катунью, за белком Холодным, есть озеро цветом — лазурит камень. Чистейшее — солнце. По берегам — дельфиниумов стрелы, аквилегий шапки, колокольчики генциан. Что здесь синее — снега, цветы, вода или небо?

«Задумана картина «Сосуд нерасплесканный». Самые синие, самые звонкие горы. Вся чистота. И несет он сосуд свой».

Путь Рериха на Алтай был с Востока: солнечная Индия, Гималаи, Кара-Корум, Такла-Макан, Тянь-Шань. «И странно и чудно — везде по всему краю хвалят русский Алтай. И горы-то прекрасны, и недра-то могучи, и реки-то быстры, и цветы-то невиданны. А на реке Катунь должна быть последняя в мире война, а после — труд мирный».

«На Алтае, на правом берегу Катунь, есть гора. Ее значение уподобляется мировой горе Сумеру». Чтобы увидеть священную Белуху, художник поднимался на соседние горы. «Семнадцатого августа смотрели Белуху. Было так чисто и звонко. Прямо Звенигород». Известный этюд «Белуха» написан с истоков Катунь, до куда еще не менее полусотни километров.

В Верхнем Уймоне до сих пор вспоминают экспедицию Н. К. Рериха. Фекла Семеновна Атаманова рассказывает: «В тот год ягоды уродились, орехи, шишки, урожай большой собрали... Шибко уж они умные, добрые да скромные были. Сам небольшого роста, борода маленькая, в светлой одежде и шляпе. Юрик тогда был совсем молодой парень. Книг у них много было. Съезды куда и идут... Вот сколько лет живу, все удивляюсь, как он вперед знал. Ездили они в горы. Он остановился и рукой развел: Помогите, Вахрамеем Семенович, и детям своим расскажите — вот здесь село будет стоять. Покося там были, зароды, хлеб засеянный. Ведь стоит там теперь село-то Тихонькое. Пошто было ему дано знать это? Как пророк будто или апостол. И про Беловодье рассказывал. Говорят, не всем людям дается этот путь. Дороги туда узкие, по лесу. Как на гору заезжают, туман, дождь наступает, и никто не может пробраться. Но нам стежка открылась, и Беловодье, и горячие воды открылись».

Все помнят, что, уезжая, Рерих обещал лет через пять вернуться. Видимо, он еще надеялся, что ситуация в стране изменится и что он сможет еще поработать на Родине...

Произведений о Сибири у Рериха немало и, как ни странно, некоторые из них были написаны еще до Центральноазиатской экспедиции. Такие «забеги» в будущее вообще характерны для Николая Константиновича. Возможно, это была его принципиальная позиция. Вспомним, как он создавал пейзажи Норвегии в декорациях к «Пер Гюнту». Говорил: «Сперва напишу, а потом поеду». Так и с Сибирью. Еще до посещения Алтая появилась «Чудь подземная» (1913 г.). Картина «Ойрот — вестник Белого Бурхана — поверие Алтая» задумана была в Ладакхе в 1924 г. Поверие это повествует о том, как одной девушке явился всадник на белом коне с предвестием о приходе Бурхана. К 1926 г.

относятся натурные зарисовки Белухи, уймонских сюжетов, буддийских пещер над Кырлыком. Позднее, в 1927 г., были написаны «Сосуд нераспесканный» и «По Ергору едет всадник» — из цикла легенд о Белухе.

Рерих глубоко прочувствовал и испытал на себе огромное воздействие сложившейся среди мира кочевников Азии художественной концепции «человек — пространство». Имеется в виду традиционный скульптурный образ с пространственным планом, который встречается и в Монголии, и в Хакасии, и на Алтае. Антропоморфное каменное изваяние устанавливалось с большим пониманием внутренней взаимосвязи между каменотесной скульптурой и выразительными особенностями ландшафта. Темный силуэт вертикально поставленного камня среди ровного участка степи в панораме гор сразу привлекает к себе внимание, наводит на размышление о бесконечности космоса и вечности духовной сущности человека, запечатленной в камне. Художественную концепцию «человек — пространство» в своем «чистом» виде художник воплотил в своей картине «Страж пустыни».

Конечно, в творчестве такого большого мастера, увлеченного искусством Азии, традиционный образ кочевнических культур не остался только мимолетным впечатлением. Убедительно и органично Н. К. Рерих увязывает художественные концепции Запада и Востока в своем произведении «Держательница Мира» (другое название — «Камень несущая», 1933 г.). В композиции доминирует вертикальная фигура женщины на фоне неба и гор. Мастер еще более усиливает акцент пространственного плана, насыщая его острыми вершинами и замыкая высоким куполом синего неба. Однако вместо изваяния художник в своей картине рисует женский образ, перефразируя замечательный памятник ранней готики, — скульптуру маркграфини Уты из Наумбургского собора. Ларец с камнем в руках женщины выступает

как сокровище культуры, как символ творческих устремлений, на которых держится мир.

Картина Рериха «Звенигород» (1933 г.). Может быть, и она об Алтае, о том, что привиделось ему при созерцании Белухи? В письме к В. Булгакову Николай Константинович писал: «Глубоко порадовало нас ваше сведение, что вы — сибиряк и притом большой патриот своего Отечества. Вы ездили по горам алтайским, а Алтай является не только жемчужиной Сибири, но и жемчужиной Азии. Великое будущее предназначено этому замечательному средоточию. Долина между Уймоном и Катандою будет местом большого центра». Быть может, будущий центр — это Звенигород и его макет выносят святые старцы из храма на картине художника? Храм здесь, надо полагать, выступает символом духовного плана. Но есть ли конкретное указание у Н. К. Рериха, что задуманное относится к Алтаю? Пожалуй, можно ответить утвердительно, если присмотреться внимательно к левой половине холста. Там изображена степь в ладонях гор, голубых, плавных, с деревянными избами, как в Уймонской долине. Возможно, здесь действительно когда-нибудь появится центр, как появилось село Тихонькое. Только сроки у сокровенного плана свои...

В тяжелое, критическое время люди вспоминают самое дорогое, священное. Так и Рерих обратился к Алтаю в дни Великой Отечественной войны. Он пишет Героическую сюиту. В произведении «Богатыри пробудились» художник словно поднимает заснувших витязей на бой с врагом.

Подробнее следует остановиться на другой картине этой серии — «Победе». На ней изображен богатырь, отрубивший голову Змею Горынычу. Традиционный сюжет, известный у многих народов мира, художник наполнил современным звучанием. Напряженно сияет светоносная палитра: голубовато-сиреневые тона скал и

снегов, розовато-фиолетовые краски восхода. Устойчивым линиям гор противостоят колючие очертания дракона. В образе богатыря предстает воин в древнерусских доспехах, а грязно-зеленый цвет дракона недвусмысленно указывает на цвет нацистской формы. Фоном в картине служит высшая точка Сибири — двуглабая Белуха.

В произведениях Рериха никогда не бывает ничего случайного. Конкретные, казалось бы мало заметные детали помогают разглядеть значительное, вызывают целый спектр ассоциаций. Картина датирована 1942 г. и, надо полагать, была создана не без воздействия впечатляющей битвы под Москвой. А возможно, она была посвящена этой победе. Ведь именно тогда впервые героически проявили себя сибирские дивизии. Не об этом ли говорит немного восточный облик богатыря и голубые кристаллические формы священной Белухи, ставшей символом непобедимости Родины, ее оплотом и твердыней?

Вспомним, в какое время создавалась картина. Деспотический гнет сталинской диктатуры, трагедия миллионов, уничтоженный в лагерях цвет нации, огромные утраты в русской национальной культуре, фашисты у стен Москвы, всеохватное, армагеддоново пожарище над страной. Быть может, никогда еще Россия не была в такой беде, никогда еще роковые события не сталкивали ее до столь низкой черты. Один шаг до гибели.

И вот, наконец,— победа, отражение фашистских орд от столицы. Это была первая в этой войне победа русского оружия. Именно она стала переломной точкой в судьбе нашей Родины. Точкой подъема нации, началом возрождения страны. Превозмогая все беды и несчастья, «Иван-стотысячный» расправил плечи и совершил почти невозможное. Впереди еще будут и Сталинград, и Берлин, и развенчание культа, и осознание ошибок прошло-

гс. Но эта первая, долгожданная победа навсегда останется поворотным пунктом в анналах нашей истории.

Еще далеко до ликования, еще многое предстоит, еще свежа память о невиданных жертвах; наверное, поэтому так печален облик рериховского героя. И все же общий мажорный лад произведения вселяет уверенность. «Победа! Победа! И сколько побед впереди!» — так, пророчествуя, писал в те годы Н. К. Рерих.

И еще одно из важных пророчеств художника, вернее, наказ на будущее, сформулированный в его «Завете», который прежде всего касается Сибири и слова которого становятся нам все ближе и яснее: «Русскому народу, всем народам, которые с ним, даны дары необычные. Сокровища азийские доверены этим многим народам для дружного преуспевания...»

Как сама Россия, так и Сибирь были в центре внимания Рериха. Не совсем справедливо считать, что все написанные им горы — это Индия и Тибет. Разве могли Гималаи полностью затмить «жемчужину всей Азии»? Наверное, нет. Возможно, что и среди наших новосибирских работ Рериха есть пейзажи, посвященные Алтаю. Здесь горы не такие высокие, но более мягкие по очертаниям и как-то более приближены к человеку. Многие исследователи картину «Чарака» не без оснований причисляют к алтайской теме, посвященной уймонскому проводнику Николая Константиновича, народному врачевателю Вахрамею Семеновичу Атаманову.

Еще одна работа — пейзаж, где сравнительно невысокие коричневато-синие предгорья напоминают отроги Катунского хребта. Тогда в августе вдруг резко похолодало, выпал снег, но вскоре стаял. Клубятся сероватые облака у снежных полей, просветляется ущелье, словно открывая путь — куда?

Здесь же еще две картины — два озера. Одно при закате с бело-розовой волной. Заря над ним будто пти-

ца багряная. Такое можно увидеть возле Белухи у Ак-Кемского (Белого) озера с видом на Теректинский хребет. Другое озеро — все как перед рассветом зеленым и три облачка рядом, смотрящих с высоты, как живые существа. (Рерихи тоже были втроем на Алтае...)

...Вспомнилось как-то озеро светлое в неоглядной закатной дали. Еле слышно медовые волны катят к теплым родным берегам. И летят к нему мысли и взоры побывать в том родимом краю. И уже над зеленым простором залетело три облачка светлых в грусти печальной о милой далекой земле. Самое синее и белое... Голубые горы — Алтай.

Е. П. Маточкин,
кандидат искусствоведения

ПОСВЯЩАЕТСЯ СЕМЬЕ РЕРИХОВ

27 сентября 1960 г. В Новосибирской картинной галерее состоялось открытие экспозиции картин Н. К. Рериха. На ней было представлено шестьдесят полотен художника. Большая часть наследия Николая Константиновича привезена из Индии его сыном — Ю. Н. Рерихом. Он выполнил желание отца, который хотел, чтобы его картины были в Сибири. Реализации этого намерения в немалой степени способствовали новосибирские искусствоведы П. Д. Муратов и В. П. Токарев. Однако это событие осталось как-то незамеченным. Не сохранилось ни фотографий той поры, ни текстов выступлений, ни отчета о нем в местных газетах, более того, о рериховской тематике молчали еще многие годы. Наше идеологическое руководство смущала необычная биография художника, и они рассматривали его не иначе как эмигрантом. Большинство зрителей отнеслось к этому дару также сдержанно: ведь они уже давно не видели настоящего искусства, так как в течение многих лет воспитывались на официальных парадно-натуралистических полотнах, лакирующих действительность.

Июнь — август 1963 г. В районе Белухи под руководством Г. Г. Андреева проводилась альпиниада Томского облсовета СДСО "Буревестник", цель ее — траверс массива Белухи с запада на восток. Следуя на Алтай, альпинисты сделали остановку в Новосибирске, где познакомились с выставкой картин Н. К. Рериха. Прибыв к месту альпиниады, однажды вечером они были поражены необычным зрелищем. С Ак-Кемского ледника на запад они увидели красивую скалистую вершину правильной треугольной формы. Вершина возвышалась над ледником, круто спадающим вниз. Заходящее солнце окрасило в розовые тона небо, снега и скалы, оттенило

синим густые тени. Отдельные пробившиеся сквозь облака снопы света золотом высвечивали пирамиду вершины. Все, кто был на леднике, невольно залюбовались феерией горного заката. Все пылало, горело, светилося, сияло, как на полотнах Н. К. Рериха. Вот тогда-то и возникло у ребят желание назвать эту вершину именем художника. 15 августа, в День независимости Индии, томские альпинисты поднялись на ранее безымянную вершину и назвали ее именем Н. К. Рериха. Альпинисты двигались по северо-восточному ребру двойками, т. е. группами взаимодействия. Спуск траверса прошел по северному гребню. Участники первовосхождения: В. Сыркин, Г. Шварцман, А. Иванов, В. Петренко, Л. Спиридонов, Г. Скрябин, В. Слюсарчук, Ю. Саливон, Б. Гусев, С. Лобанов.

1965 г. Вышел в свет первый путеводитель по выставке Н. К. Рериха. Автор его — искусствовед Новосибирской картинной галереи Вера Яковлевна Кашкалда, страстный пропагандист творчества художника.

Август 1967 г. Организована самодеятельная экспедиция в Усть-Коксинский район. Цель ее — найти следы пребывания Н. К. Рериха на Алтае. Участники экспедиции: барнаульские художники И. Рудзите и Л. Цесюлевич, которые по личному совету и напутствию Ю. Н. Рериха приехали жить и работать на Алтай из Риги; а также Б. Валушите из Каунаса и Г. Рудзите, ныне председатель Латвийского общества Н. К. Рериха. В ходе экспедиции впервые были обнаружены богатейшие материалы о пребывании на алтайской земле семьи Рерихов, собрано множество воспоминаний старожилов, встречавшихся с художником. Кроме того, в Верхнем Уймоне был найден дом, где жили Рерихи. Тогда же члены экспедиции предложили организовать в этом доме музей Н. К. Рериха и открыть мемориальную доску в честь пребывания Н. К. Рериха на Алтае.

Август 1968 г. Алтайский краевой музей изобразительных и прикладных искусств организовал экспедицию по селам Усть-Коксинского района. Участниками ее были: сотрудник

музея Л. И. Снитко и художник И. Рудзите. Участники экспедиции предложили красному обществу охраны памятников истории и культуры взять дом в Верхнем Уймоне, где останавливались Рерихи в 1926 г., на государственную охрану и установить на нем мемориальную доску.

25 февраля 1972 г. Принято решение Алтайского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры о взятии под государственную охрану дома в Верхнем Уймоне, где останавливался Н. К. Рерих, и об установлении на доме мемориальной доски.

1972 г. Вышла в свет книга "Рерих" из серии ЖЗЛ. Авторы ее — В. П. Князева и П. Ф. Беликов.

4 июля — 20 августа 1973 г. В Доме ученых Новосибирского академгородка была открыта выставка произведений Н. К. Рериха. Организатор ее — Э. В. Паршина, стараниями которой были привезены картины Рериха из частных собраний И. М. Богдановой, В. Терешковой, В. Севастьянова и из семи государственных музейных коллекций Риги, Ашхабада, Третьяковской галереи, Театрального музея им. Бахрушина, музея МХАТа, Русского музея, Эрмитажа. Всего на выставке было представлено свыше 150 работ. Среди них — картины "Стрелы неба — копыта земли" (Ашхабад), а также "Гэсэрхан", "Держательница мира" — любимые полотна Юрия Николаевича из его мемориальной квартиры. Здесь же было несколько портретов Николая Константиновича кисти Святослава Николаевича.

Март 1974 г. Проведено юбилейное восхождение на пик Н. К. Рериха. Руководитель группы туристов из Академгородка — Е. Великанов. Участники его: Е. Маточкин, Ю. Петров, И. Смутьский, В. Усольцев. В день восхождения, 11 марта, разыгрался сильный ветер, однако отступать было уже поздно. Подъем проходил по северной снежно-ледовой стене. И чем выше, тем тише был ветер и ярче светило солнце. На вершине обнаружили небольшой тур и в нем записку одиннадцатилетней давности. С трудом нашли камень с трещиной

и прибили прямо на белое с красными кругами полотно Знамени Мира скальными крючьями чеканный барельеф Рериха, который выполнил В. Липенков по эскизу художника В. П. Сокола. Знамя Мира сшила сотрудница Новосибирской картинной галереи Г. Лаевская.

Август 1974 г. Прошли съемки фильма «Николай Рерих» на Алтае. Авторы документальной ленты — Р. А. Григорьева и Л. В. Шапошникова. Снимала фильм киностудия «Киевнаучфильм» под руководством режиссера Р. П. Сергиенко. Операторы: О. Ф. Мартынов и В. С. Квас. Консультантами были В. С. Ревякин, А. Н. Зелинский, а также барнаульские художники Л. Р. Цесюлевич и И. Р. Рудзите. 18 августа съемочная группа вместе с альпинистами из Академгородка (руководитель В. Семешин, участники: Г. Вургафт, В. Чуприянов, Е. Маточкин) была доставлена вертолетом из Горно-Алтайска на ледник Западный.

На следующее утро вертолет доставил всех участников на южную сторону Белухи, к самым истокам Катунь, где в течение четырех дней проходили съемки фильма.

Затем работа над кинолентой была продолжена в селе Верхний Уймон. Здесь 28 августа состоялось открытие мемориальной плиты с барельефом Николая Константиновича на доме, где останавливался с экспедицией Н. К. Рерих. Автор плиты — барнаульский скульптор В. Рублев, барельеф выполнен по проекту рижского скульптора И. Васильева.

Октябрь 1974 г. В музее истории культуры народов Сибири Института истории, филологии и философии СО АН СССР открылась выставка «Рерих и археология». Экспозиция репродукций с работ Н. К. Рериха была удачно дополнена подлинными экспонатами из фондов института. Это: фрагмент «оленного камня» конца I тысячелетия до н. э., древнетюркское изваяние VII — V вв. н. э., «Гэсэр-хан», буддийская скульптура и др. Были также представлены фотографии, документы, научные труды, тексты воспоминаний о Н. К. Рерихе.

21 ноября 1974 г. Группа сибиряков встречалась в Москве

со Святославом Николаевичем Рерихом. В последующие годы в Москве состоялось еще несколько таких встреч.

25 декабря 1974 г. Юбилейный вечер, посвященный 100-летию со дня рождения Н. К. Рериха, прошел в Новосибирской картинной галерее. На нем прозвучал рассказ о жизни и творчестве художника и воспоминания о нем. Затем зрители познакомились с литературно-музыкальной композицией «Образы Рериха». Ведущей выступила Н. Д. Спирина, стихи Рериха читал Л. Шкутин, музыкальное сопровождение на фортепиано — Е. Маточкина.

Март 1975 г. Группа туристов Новосибирского академгородка провела лыжный поход в район Катунского хребта. В честь предстоящего празднования Дня Победы совершенно восхождение на пик Разоружения. От истоков Ак-Кема группа прошла самым южным, доселе неизвестным, перевалом вблизи пика Рериха. Отсюда рукой подать и до самой вершины, однако из-за непогоды пришлось срочно спускаться в долину Кочурлы. Чтобы последующим альпинистам был ориентир на пути к новому перевалу, туристы нарисовали на скале символы Знамени Мира. Перевал имеет теперь два названия: перевал Рериха и перевал 30-летия Победы. Таким образом, был завершён маршрут прошлого года и разведан путь восхождения на пик Рериха с запада. Руководитель похода Е. Великанов, участники: Л. Андросова, Н. Плетнев, и А. Полищук.

3 июня 1975 г. В день Елены в Новосибирском академгородке, в помещении спорткомплекса НГУ, открылась выставка картин Н. К. Рериха. Было представлено 112 произведений из коллекции Святослава Николаевича Рериха, привезенных из Индии для показа на юбилейных выставках в Советском Союзе. В экспозицию вошли произведения на темы Древней Руси, легенд Востока, большой цикл горных пейзажей. Значительностью замысла и патриотизмом выделялась «Богатырская серия», написанная в годы Великой Отечественной войны. Выступая на открытии выставки, академик А. П. Окладников отметил: «Картины, созданные Ре-

рихом в Индии, стали нам близкими и родными. Они — часть нашего духовного наследия. Художник предвидел расцвет Сибири и завещал нам 60 своих произведений. Мы рады, что такой крупный художник стал во главе культурного строительства Сибири».

Сибирские ученые высказали пожелание приобрести картину Николая Константиновича «Победа», на которой изображена священная Белуха. В ответ на их просьбу 19 июня в адрес Новосибирского академгородка из Индии пришла телеграмма: «С большим удовольствием приношу в дар Сибирскому отделению Академии наук картину Николая Константиновича «Победа». В этой картине сочетались его непоколебимая вера в Родину и прогноз великого будущего. Прошу передать мой самый сердечный привет коллективу Академии. Святослав Рерих». 13 июля выставка закрылась.

16 июля — 30 сентября 1975 г. В Новосибирской картинной галерее проходила выставка произведений Святослава Николаевича Рериха. Привезены они из Бангалора — города, где живет в Индии художник. Было представлено 175 картин. Выставка пользовалась огромной популярностью. Произведения Святослава Рериха познакомили нас с природой, людьми, древней и богатой культурой Индии. Затем выставка переехала в Улан-Удэ.

28 июля 1975 г. Восхождение на пик Рериха прошло с запада, со стороны Кочурлинского озера. На вершине на камнях альпинисты нарисовали три Знамени Мира. Белуха спустила, как приветствие, лавину. Возникла идея назвать соседние вершины, образующие общую подкову, именами членов семьи Рерихов. Руководитель восхождения Е. Маточкин, участники: Л. Андросова, В. Карлинер.

25—27 октября 1976 г. Первая Всесоюзная конференция «Рериховские чтения» состоялась в Новосибирске. Она была посвящена 50-летию пребывания экспедиции Рерихов на Алтае. Организаторы конференции. Востоковедческая комиссия Президиума СО АН СССР, Институт истории, филологии и философии СО АН СССР и Новосибирская картинная галерея.

рея. Помимо новосибирских ученых и искусствоведов в работе конференции участвовали ученые из Риги, Таллинна, Смоленска, Москвы, Астрахани, Томска, Омска, Барнаула, Улан-Удэ. На заседаниях было заслушано около 30 докладов искусствоведов, ботаников, географов, философов, археологов, историков, физиков. Материалы конференции опубликованы в книге «Рериховские чтения. 1976 г».

1977 г. По предложению академика А. П. Окладникова и Алтайской организации Союза художников РСФСР Алтайский крайисполком принял решение о создании в Верхнем Уймоне Дома-музея Н. К. Рериха.

Июль 1978 г. На Алтае состоялись учебные сборы горных туристов Красноярска и Красноярского края. 6 июля группа альпинистов под руководством В. Пивоварова поднялась на безымянную вершину и прошла перевал между пиком Рериха и Белухой. Перевал и вершина названы именем «Урусвати» и посвящены Елене Ивановне Рерих. В период с 6 по 11 июля горные туристы трижды поднимались на вершину «Урусвати». Всего на эту вершину поднялось 8 человек: В. Пивоваров, Л. Андросова, Ю. Иванов, П. Кормилец, Ю. Мирошников, Н. Пивоварова, С. Севрюков, В. Хвостенко. 11 июля на вершине туристы развернули белое полотнище с нашитой красной двойной ваджрой. Таким было знамя института «Урусвати» — символ гармонии и равновесия Вселенной. Тогда же в туре была оставлена репродукция с картины Н. К. Рериха «Держательница мира», посвященная Елене Ивановне.

1 декабря 1978 г. При Алтайском крайисполкоме создана комиссия по организации в Верхнем Уймоне Дома-музея Н. К. Рериха. Председателем ее стал И. И. Акишев.

1978 г. В Верхнем Уймоне начато строительство здания под экспозиционный павильон музея Н. Рериха. Подлинное здание, где останавливался художник, решено отреставрировать и превратить в мемориальный Дом-музей.

Ноябрь 1979 г. Группа ученых под руководством А. П. Окладникова посетила Индию. Изучались вопросы возобновле-

ния деятельности Гималайского научно-исследовательского института «Урусвати».

23 июля 1979 г. В Новосибирске побывали Катерина Кэмпбелл-Стиббе и Гизела Ингеборг Фритчи — почетные президент и вице-президент Музея Н. К. Рериха в Нью-Йорке. На встрече в Доме ученых СО АН СССР госпожа К. Кэмпбелл сказала: «Правление Музея Н. К. Рериха в Нью-Йорке просило нас передать Знамя Мира, выполненное по рисунку Николая Константиновича Рериха, специально для алтайского музея Рериха». В тот же день госпожа К. Кэмпбелл вручила также Знамя Мира горным туристам, которые совершили восхождение на вершину Урусвати.

17—19 октября 1979 г. Проведена вторая Всесоюзная конференция «Рериховские чтения», посвященная 50-летию Гималайского научно-исследовательского института «Урусвати». На ней было представлено более 40 докладов, подготовленных специалистами по вопросам истории, археологии, литературы, искусства и различным естественно-научным аспектам. Часть докладов была посвящена юбилейным датам: 75-летию со дня рождения С. Н. Рериха и 100-летию со дня рождения Е. И. Рерих.

8 июня 1981 г. Вице-директор Музея Н. К. Рериха в Нью-Йорке З. Г. Фосдик передала в дар Дому ученых в Новосибирском академгородке древнюю статую Будды.

18 августа 1981 г. Состоялось первое восхождение на пик Юрия Николаевича Рериха. В честь приближающегося 80-летия выдающегося советского востоковеда его совершила тройка горных туристов из Новосибирского академгородка. Они поднялись на безымянную вершину между пиками «Урусвати» и Н. К. Рериха и назвали ее Пиком Юрия Рериха. Подъем начинался со стороны Кочурлинского озера, от памятного знака на скале. Далее он проходил через перевал и вершину «Урусвати», по острому волнообразному гребню с узкой каемкой снега, обрывающемуся в обе стороны крутыми сбросами. Вершинный взлет — скальный. На вершине в туре была оставлена записка-посвящение и фотография Ю. Н. Ре-

риха. Руководитель — В. Теряев, участники: Е. Маточкин и В. Сахаров.

Август 1982 г. В Алтайском краеведческом музее создан кабинет открытых фондов, посвященных Н. К. Рериху и членам его семьи. В кабинете собрано более 2500 экспонатов. Заведующей кабинетом стала Т. И. Вараксина.

13—14 сентября 1982 г. В Улан-Удэ состоялись третьи «Рериховские чтения», посвященные 80-летию Юрия Николаевича Рериха. В них участвовали ученые из Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Фрунзе, Абакана, Читы, Владивостока и других городов нашей страны. Работало четыре секции: истории, археологии и этнографии, философии и религиоведения, источниковедения восточной медицины, литературы и искусства.

29 октября 1982. В Новосибирской картинной галерее прошел юбилейный вечер. Посвящен он был 80-летию Юрия Николаевича Рериха. Воспоминаниями о нем поделились ученик Юрия Николаевича бурятский ученый Бал-Доржи Бадараев и близко знавший его А. Н. Зелинский.

1982 г. В Хабаровском книжном издательстве вышла в свет книга Ю. Н. Рериха «По тропам Срединной Азии». Предисловие подготовили академик А. П. Окладников и доктор исторических наук В. Е. Ларичев. Слово об авторе книги написано В. Е. Ларичевым.

17 июня 1983 г. Состоялось первовосхождение на пик Святослава Рериха в честь его 80-летия. Оно было совершено международной группой молодых ученых из Чехословакии и Института гидродинамики СО АН СССР им. М. А. Лаврентьева. Экспедиция проходила в составе трех групп под общим руководством В. Юдина и И. Пржидалы (ЧССР). Интернациональный состав поднялся на высшую точку Алтая — Белуху. Восхождение на пик Святослава Рериха началось с Ак-Кемского ледника. На вершину поднялись восемь человек — шесть чехов и двое русских: Иржи Пржидалы, Меда Пржидалова, Йозеф Швец, Вацлав Вотруба, Властимил Мусил, Квета Кубикова, Юрий Загарин и Виктор

Манжелей. На вершине была оставлена репродукция с картины С. Н. Рериха «Ты не должен видеть это пламя».

27 июля 1983 г. Открылась выставка Н. К. Рериха и С. Н. Рериха в Новосибирской картинной галерее. Представлены были произведения из собрания Святослава Николаевича Рериха (Бангалор, Индия).

14 августа 1983 г. Накануне Дня независимости Индии состоялось новое восхождение на пик Святослава Рериха. Руководитель — Е. Маточкин, участники: Л. Андросова и В. Тельнов. Все они — из Новосибирского академгородка.

17 августа 1983 г. В этот день на Алтае вблизи Белухи было совершено одновременно два первовосхождения. Одно — на пик Сердце, другое — на пик Беликова. У северной стены Белухи, около пика «Урусвати», находится сравнительно невысокая вершина, по форме напоминающая сердце. Другая вершина находится рядом с пиком Святослава Рериха, и, собственно, с нее и начинается подкова пиков Рерихов. Обе эти вершины были названы в честь ближайших сотрудников Н. К. Рериха, ушедших из жизни в том году, — Павла Федоровича Беликова и Зинаиды Григорьевны Фосдик (пик Беликова и пик Сердце). З. Г. Фосдик являлась вице-президентом Музея Н. К. Рериха в Нью-Йорке. В 1926 г. она была на Алтае в составе Центральноазиатской экспедиции Рериха. На пик Сердце поднялись: В. Якубовский (руководитель), Л. Андросова и Н. Саватеева. Горные туристы, поднявшиеся на пик Беликова: А. Морозов (руководитель) и Е. Маточкин.

21 августа 1983 г. Первовосхождение на пик Учителя. Если посмотреть на подкову пиков Рерихов с востока, с высоты примерно трех тысяч метров, как с перевала «Дружба», то за всеми ими можно увидеть высокий, удивительно красивый и стройный пик. Восхождение проходило по юго-западному склону из долины Мюшту-Айры. Наиболее сложный верхний участок маршрута представляет собой ледяной склон, чередующийся со скалами. Спуск был по значительно более простому пути — по западному снежному гребню, который сначала понижается, а затем образует еще одну вершину, кото-

рая была названа пиком Ученика. Участники восхождения: А. Морозов (руководитель) и Е. Маточкин.

Октябрь 1983 г. Открылась выставка Н. К. Рериха и С. Н. Рериха в Алтайском краевом музее изобразительных искусств. Представлены произведения из собрания С. Н. Рериха (Бангалор, Индия).

Январь 1984 г. Начали работу «Рериховские семинары» под руководством академика В. П. Казначеева. На них побывали ученые, писатели, художники со всех регионов нашей страны. Наибольшее внимание уделялось вопросам экологии культуры коренных народов Сибири. Обсуждались и проблемы изучения детского творчества северян, о которых докладывала Р. П. Зверева.

16—17 октября 1984 г. Четвертая Всесоюзная конференция «Рериховские чтения» состоялась в Новосибирске. Она была посвящена 110-летию со дня рождения Н. К. Рериха и 80-летию С. Н. Рериха. Оригинальную слайд-композицию представили Н. Д. Спирина и А. П. Юшков. В изданных материалах конференции опубликовано 17 сообщений в разделе «Биографические материалы и общие вопросы», 8 — в разделе «Охрана природы и здравоохранение», 15 сообщений — в разделе «Древнее искусство Северной и Восточной Азии», 10 — в разделе «История и культура». Материалы подготовили 60 авторов.

30—31 мая 1987 г. В Новосибирске находилась группа иностранных туристов — активистов Музея Н. К. Рериха в Нью-Йорке. Руководитель группы — директор этого музея Даниэль Энтин.

23 сентября 1987 г. В Алтайский музей изобразительных искусств поступила картина Н. К. Рериха из архитектурной серии 1906—1909 гг.

31 января 1989 г. Учреждено Новосибирское отделение Общества советско-индийской дружбы. Председателем его избран академик М. М. Лаврентьев, секретарем — В. А. Корсакова.

11—12 февраля 1989 г. В Доме ученых СО АН СССР со-

стоялась общественная конференция, посвященная 110-й годовщине со дня рождения Е. И. Рерих. Тема ее: «Культурное и философское наследие семьи Рерихов». Среди присутствующих были и «харбинцы» — ветераны рериховского движения: 96-летний А. П. Хейдок из города Змеиногорска Алтайского края, новосибирцы Н. Д. Спирина и Б. А. Данилов. По материалам конференции издан сборник докладов «Матерь Агни Йоги» (Новосибирск, 1989). В нем помещены статьи о жизни и деятельности Е. И. Рерих, о творческом наследии семьи Рерихов, об основных положениях Учения «Живая Этика» и их практическом приложении.

31 марта 1989 г. При Новосибирском отделении Общества советско-индийской дружбы образована «рериховская» секция. Председателем ее избран Б. А. Данилов.

25—28 июля 1989 г. В Верхнем Уймоне и Усть-Коксе Горно-Алтайской автономной области состоялись первые «Рериховские встречи». На них кроме сибиряков были ученые и деятели культуры из Москвы и Ленинграда. Участники встречи обсуждали возможности использования идей и опыта семьи Рерихов для социально-экономического и культурного развития Горного Алтая.

12 августа 1989 г. В Новосибирской картинной галерее проходила конференция, посвященная Е. П. Блаватской. Организатор ее — «рериховская» секция. С основным докладом выступила Т. Ф. Антонова. Прозвучала также литературно-музыкальная композиция «Блаватская в воспоминаниях учеников и близких сотрудников».

Август 1989 г. В Новосибирском книжном издательстве вышла в свет книга Н. К. Рериха «Стихотворения. Проза». Составитель — Ю. М. Ключников.

21—22 октября 1989 г. В Новосибирском инженерно-строительном институте проведена научно-общественная конференция, посвященная 115-летию со дня рождения Н. К. Рериха и 85-летию со дня рождения С. Н. Рериха. Тема ее — «Духовное и нравственное наследие семьи Рерихов».

Ноябрь — декабрь 1989 г. Впервые в Советском Союзе

переиздана одна из книг «Живой Этики» — «Община» (Улан-Батор, 1927 г.). Она вышла в журнале «Сибирские огни» в номерах 10—12. Публикация подготовлена Ю. М. Ключниковым.

11 февраля 1990 г. В Новосибирском отделении общества «Знание» прошло собрание, посвященное 111-й годовщине со дня рождения Е. И. Рерих.

Февраль 1990 г. В Барнауле создан Рериховский исследовательский центр «Корона сердца». Исполнительным директором его стал М. Ю. Шишин.

Март 1990 г. Вышла в свет первая книга из серии «Живой Этики» — «Зов». Она подготовлена к изданию предприятием «АЛГИМ» при Новосибирском отделении общества СССР — Индия. Председатель его — Б. А. Данилов. К концу 1991 г. вышло 10 из 13 книг учения. Изданы также сборник «Знамя Преподобного Сергия», «Пути Благословения» Н. К. Рериха, «Основы буддизма» Н. Рокотовой (Е. И. Рерих), «Голос Безмолвия» и «Тайная Доктрина» Е. П. Блаватской.

8 мая 1990 г. Во Дворце культуры «Юность» отмечался День «Белого Лотоса», посвященный Е. П. Блаватской. С докладом выступили Н. Д. Спирина и П. П. Лабетский. В исполнении О. А. Воскобойниковой прозвучала литературная композиция из произведений Е. П. Блаватской.

27 мая 1990 г. В обществе «Знание» состоялся первый «круглый стол» по вопросам духовного наследия семьи Рерихов. Его ведущие — члены правления «рериховской» секции. «Круглые столы» стали проводиться регулярно каждое последнее воскресенье месяца. Тринадцатое по счету собрание состоялось 24 ноября 1991 г.

12 июня 1990 г. По новосибирскому радио в программе «Каким мы» прозвучала первая передача «Беседы о Живой Этике». Ведущая передачи — Н. Е. Гребенникова, постоянный ее участник — Н. Д. Спирина. К концу 1991 г. прозвучало 16 таких бесед.

29 августа — 14 сентября 1990 г. В Новосибирске прохо-

дили Дни индийской культуры. Новосибирское отделение Общества советско-индийской дружбы провело международную конференцию «Алтай — Гималаи». В ней участвовали ученые и общественные деятели из США, Мексики, Швейцарии, Италии, Индии. После чтений докладов в Доме ученых СО АН СССР участники конференции выезжали в Барнаул, Горно-Алтайск, Верхний Уймон и к Белухе.

16 сентября 1990 г. Во Дворце культуры «Прогресс» проводился День Сергия Радонежского, посвященный 610-летию Куликовской битвы. Торжественное собрание открыл хор Дома культуры «Академия». Н. Д. Спирина зачитала слово о Сергии Радонежском. Вечер завершили духовные песнопения камерного хора Новосибирской филармонии.

30 сентября 1990 г. Состоялось учредительное собрание Сибирского Рериховского Общества (с центром в Новосибирске). Оно было утверждено в Москве 5 февраля 1991 г. как отделение Советского Фонда Рерихов и зарегистрировано Новосибирским облисполкомом 5 апреля 1991 г. Почетным председателем общества является Н. Д. Спирина, председателем — Л. И. Борина. Общество создано путем реорганизации «рериховской» секции при НООСИД. Сибирское Рериховское Общество объединяет «рериховские» организации Новосибирска и области, Омска, городов Кузбасса и Горно-Алтайской республики.

Сибирское Рериховское Общество ставит перед собой следующие основные задачи: духовное возрождение человека путем его самосовершенствования, основанного на изучении и применении в жизни философско-этического наследия семьи Рерихов; возрождение нравственности и культурных ценностей народа; развитие международного сотрудничества на базе миротворческих, культурных и экологических движений под лозунгом «Мир через культуру».

Сибирским Рериховским Обществом начато издание библиотечки «Изучающим Живую Этику». Напечатано семь лекций Н. П. Баныкина. Кроме того, опубликованы тексты радиопередач, брошюра «Пути света и тьмы» Н. Д. Спириной

и Н. П. Баныкина, а также газета «Рерихи и Живая Этика».

23 октября 1990 г. Сибирское Рериховское Общество во Дворце культуры «Юность» провело День культуры. Он был задуман как исполнение мечты Н. К. Рериха, когда «под одним знаменем по всему миру раздается светлое слово о сокровищах культуры народных, всемирных». В ходе его были прочитаны доклады Н. Д. Спириной и Н. В. Жуковой, демонстрировался документальный фильм «Николай Рерих». В фойе Дворца экспонировались репродукции картин Н. К. Рериха, оформленные В. Липенковым.

12 февраля 1991 г. В конференц-зале обкома партии состоялся вечер, посвященный Е. И. Рерих. С докладом («Основы») выступила Н. Д. Спирина. Прозвучала музыкально-литературная композиция «Песнь о Шамбале», подготовленная Н. Е. Гребенниковой.

1—3 марта 1991 г. В Москве состоялась первая Всесоюзная встреча рериховских обществ. В ней участвовали 148 представителей от 108 организаций из 76 городов страны. Был создан координационно-информационный совет, председателем которого избрана Л. И. Борина.

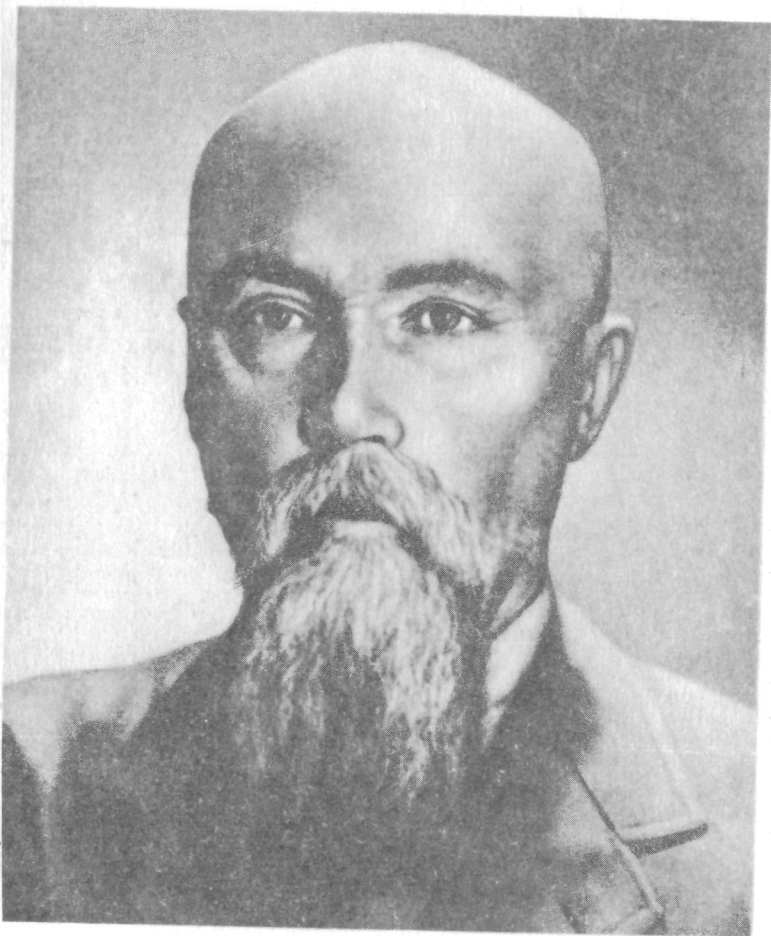
Август 1991 г. Алтайское книжное издательство выпустило в свет книгу «От сердца к сердцу», в которую вошли статьи Е. И. Рерих, Н. К. Рериха и С. Н. Рериха. Составители книги: И. Р. Рудзите и М. Ю. Шишин.

11—12 августа 1991 г. В Доме ученых СО АН СССР проходила Всесоюзная общественно-научная конференция, посвященная 160-летию со дня рождения и 100-летию со дня ухода из жизни Е. П. Блаватской. Конференция организована Сибирским Рериховским Обществом. Были прочитаны доклады исследователями из Львова, Минска, Новосибирска, Москвы, Улан-Удэ. Сообщение о влиянии идей Е. П. Блаватской на творчество и мировоззрение А. Н. Скрябина сопровождалось музыкой. Экспонировалась большая выставка уникальных фотографий о Е. П. Блаватской под названием «Сфинкс XIX столетия».

29 августа — 12 сентября 1991 г. Этим же юбилейным датам Е. П. Блаватской была посвящена международная общественно-научная конференция «Алтай — Гималаи». Организовало ее Новосибирское Рериховское Общество «Знамя Мира» во главе с В. В. Гейдтом. В конференции участвовали гости из Австралии, Англии, США, Мексики, Индии, Франции. По сложившейся традиции участники конференции съездили на Алтай.

7 сентября — 9 октября 1991 г. В залах Новосибирской организации Союза художников РСФСР проходила выставка картин Н. К. Рериха под общим названием «Гималаи» из коллекции Советского Фонда Рерихов. До Новосибирска она была показана в Мурманске, Барнауле и Южно-Сахалинске. На выставке работал кабинет Рериха с читальным залом, проводились экскурсии. Ежедневно в Доме политпросвещения читались лекции и демонстрировались слайд-программы. Одновременно со школьниками 6—11 классов вел беседы лектор Общества «Знание» Н. П. Баныкин. Посетители выставки высказывали пожелания о создании в Новосибирске Музея имени Рерихов. Выставка завершилась проведением Дня культуры в Доме политпросвещения, в техникумах и на предприятиях города.

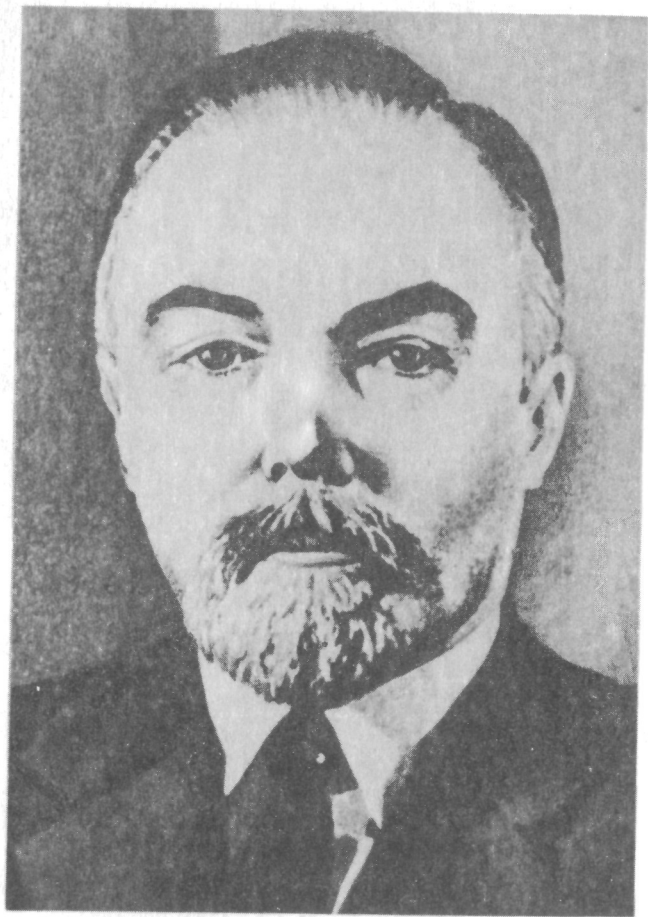
**Е. П. Маточкин,
кандидат искусствоведения**

Николай Константинович Рерих

Елена Ивановна Герих

Юрий Николаевич Герих

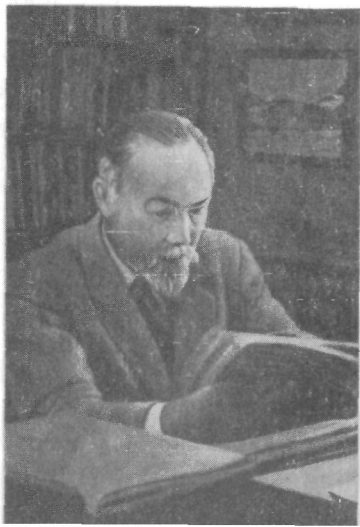

Н. К. Рерих и Ю. Н. Рерих во время Центральноазиатской экспедиции (на этой странице, вверху)

Почти две недели продолжалась напряженная работа членов экспедиции на Алтае. С раннего утра начинались маршруты, пешие или конные, ориентированные на познание людей и природы... (на развороте слева)

Перу Ю. Н. Рериха принадлежат разнообразные по тематике труды: по истории, археологии, этнографии Тибета, тибетскому буддизму, по тибетскому языкознанию, по истории индийской

По воспоминаниям жителей алтайского села Верхний Уймон Н. К. Рерих «с мольбертом не расставался, очень много работал»...

Особое место во время экспедиции занимали встречи ее членов с деятелями науки и культуры (на развороте слева).

В феврале 1972 г. на доме в Верхнем Уймоне, где останавливался Н. К. Рерих, установлена мемориальная доска. В августе 1974 г. во время съемок фильма «Н. К. Рерих» (на этой странице вверху)

В июле-августе 1973 г. в Доме ученых Новосибирского академгородка была открыта выставка произведений Н. К. Рериха.

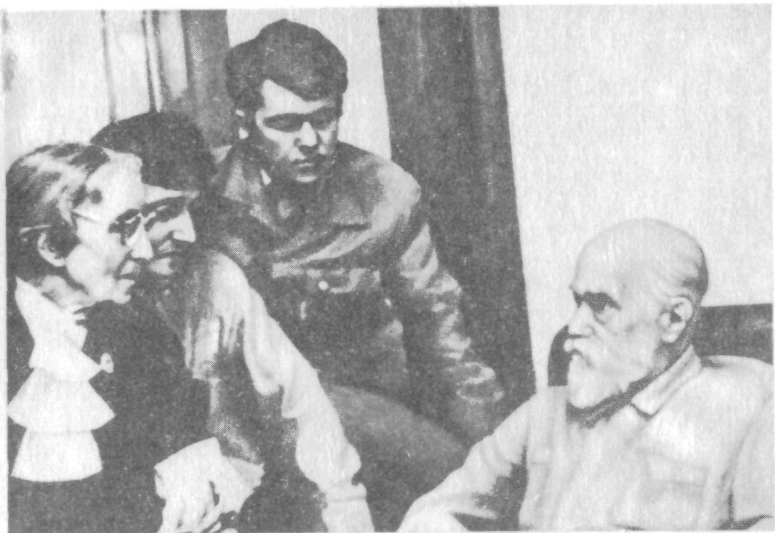

С марта 1974 г. начались восхождения на вершины, посвященные Н. К. Рериху и членам его семьи

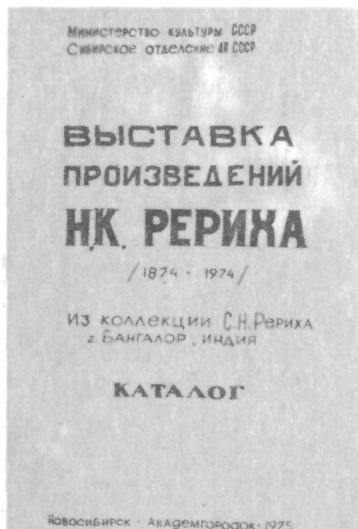
В ноябре 1974 г. группа сибиряков встретила в Москве со Святославом Николаевичем Рерихом (на развороте справа вверху)

Юбилейный вечер, посвященный 100-летию со дня рождения Н. К. Рериха, прошел в Новосибирской картинной галерее (на развороте справа внизу)

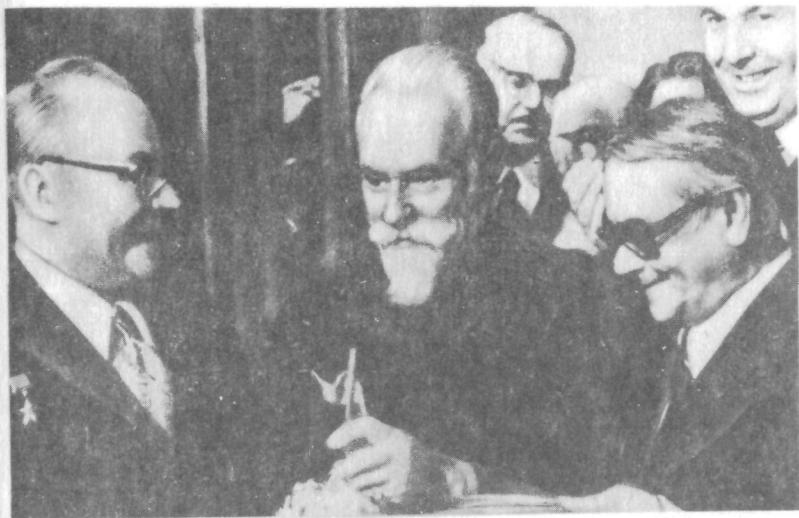

С. Н. Рерих на одной из выставок в Москве.

В 1975 г. в день Елены в помещении спорткомплекса НГУ открылась выстав-

С. Н. Герих среди деятелей культуры.

С. Н. Герих с женой Девикой Рани —

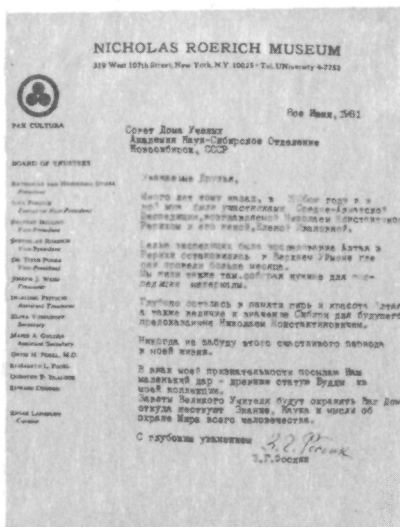
В 1976, 1979 1984 гг. в Новосибирске состоялись Всесоюзные конференции «Рериховские чтения», посвященные Н. К. Рериху и членам его семьи. Участникам их были ученые, искусствоведы Сибири, Прибалтики, Бурятии, Москвы и Ленинграда.

П. Ф. Беликов — автор книги о Н. К. Рерихе в серии ЖЗЛ беседует с академиком А. П. Окладниковым в перерыве конференции.

В центре — Л. В. Шапошникова, член фонда им. Н. К. Рериха (на развороте справа вверх)

В президиуме конференции (слева направо): П. Ф. Беликов, Л. В. Шапошникова и доктор истор. наук В. Е. Ларичев (на развороте справа вниз)

Вице-директор Музея Н. К. Рериха в Нью-Йорке, участник Центрально-азиатской экспедиции Н. К. Рериха, соратник Николая Константиновича Зинаида Григорьевна Фосдик в 1981 г. передала в дар Дому ученых Новосибирского академгородка древнюю статую Будды

Н. Д. Спирина — почётный председатель Сибирского Рериховского Общества.

Экспонаты из кабинета открытых фондов Алтайского краеведческого музея, посвященные Н. К. Рериху и

Н. К. Рерих. Охота. Этюд к картине «Охота». 1937 г.
Картон, темпера

Шестьдесят произведений Н. К. Рериха в Новосибирской картинной галерее стали для Сибири драгоценным даром большой коллекции. Работ такого крупного мастера еще не было в сибирских собраниях.

Конечно, Н. К. Рерих известен прежде всего своими большими картинами, тематическими композициями, однако наши скромные произведения в своей совокупности говорят, пожалуй, не меньше о его творчестве. Надо отметить, что тематические полотна Рериха, как правило, трудны для восприятия. Их

Н. К. Рерих. Настасья Микулична. Холст, темпера

образный смысл подчас зашифрован, неоднозначен по отношению к своему первоисточнику, тоже в большинстве случаев малоизвестному. Все это требует от зрителя внутренней работы, в какой-то мере сотворчества, к чему он не всегда готов. Напротив, небольшие этюды, составляющие большую часть в сибирской коллекции, открыты для восприятия. В них автор как бы специально снимает все психологические барьеры и использует все свое недюжинное мастерство живописца, чтобы кратчайшим путем проникнуть в сердце зрителя.

Н. К. Рерих. Облако над озером. 1945 г. Картон, темпера

Новосибирская коллекция произведений Н. К. Рериха уникальна еще и своей цельностью, поскольку все полотна были созданы художником в последние годы его жизни. К тому же это, в основном, не программные сочинения; на этих картинах, где запечатлены образы гор (цикл «Гималаи»), мысль художника льется легко и свободно, не отвлекаясь на сюжетную сторону. Краски на этих полотнах сияют, линии звучат, горы зовут куда-то. В образах, созданных на картинах, раскрывается новый мир, который властно захватывает человека.

Н. К. Рерих. Чарака. Картон, темпера

Мы словно попадаем в святая святых художника — его мастерскую, получаем возможность следить за ходом его мыслей и чувств, которые возникали в процессе создания той или иной картины, становимся свидетелями богатой и напряженной внутренней жизни мастера. Мы как будто ощущаем воздействие его личности в доверительном, возвышающем душу общении. Много постигается здесь благодаря мудрой простоте и искренности художника. Вглядываясь в сибирское собрание картин художника, невольно возникает вопрос: разве есть такие горы, как пла-

Н. К. Рерих. Тангла. 1943 г. Картон, темпера

мя или как стиснутые руки, или горы, как лики? Таких нет. Но мы находим их на полотнах Рериха и верим ему. Мы так же, как и он, допускаем возможным вот так, почти одушевленно, видеть весь мир, вместе с ним ощущаем беспредельность. Горные пейзажи, хребты и вершины Николай Кинстантинович писал не с высоты человеческого роста, а как бы в полете. Художник увлекает зрителя в этот свой полет над горами, и наша душа, словно под воздействием музыки Баха, устремляется куда-то ввысь, в космос, и возвращается затем на землю в каком-то своем новом, очищенном и облагороженном качестве.

Н. К. Рерих. Чингис-хан. 1937 г. Холст, темпера

Вспомним для сравнения «Руанские соборы» Клода Моне. Соборы при устренном свете, при ярком солнце, в закатных лучах. Прекрасное зрелище! И все же художник не заводит нас внутрь их, а как бы останавливает перед порогом портала. У Рериха даже тогда, когда он изображает буддийские монастыри или христианские церкви, главное — не само строение. Его пейзажи — это как бы составные части одного огромного образа природного храма Земли планетарно-величественного и торжественного. И в любом отдельно взятом его сочинении везде явно прослеживается эта причастность общему соборному

Н. К. Рерих. Гималаи. 1942 г. Картон, темпера

началу. Его картины почти всегда — не только предмет эстетического наслаждения, но и нечто большее — еще и нравственная проповедь, рассчитанная помимо всего еще и на духовное созерцание. Каждое его произведение — это мудрое слово Учителя, пламенная речь, подобная той, что произносит его герой — Бэдэ-проповедник, не оставляющий в безмолвии даже камни.

Быть может, более всего в рериховском видении мира поражает его цветовая насыщенность, бесконечные вариации гармонически согласованных тонов. Зайдите в рериховские залы,

Н. К. Рерих. Кулута. 1943 г. Картон, темпера

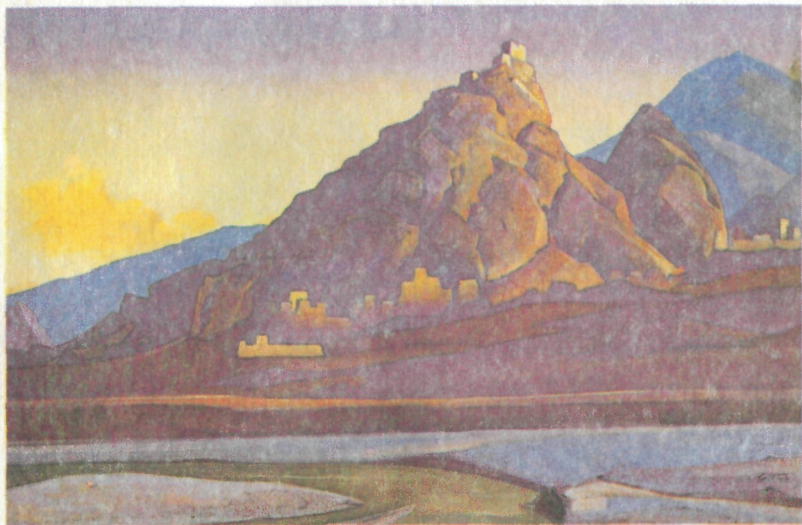
и вы сразу же попадете в необычную цветовую атмосферу, где со стен на вас будут литься потоки цвета. Вспомним снова замечательного французского художника Клода Моне. Его полотна тоже поражают — они блещут импрессионистической игрой света и цвета, полутеней, рефлексов, в них все окутано, напоено окрашенным воздухом. Им необычайно тонко подмечено воздействие солнечных лучей на земную атмосферу и объекты в ней. Цвет у Рериха иной художественной природы: он активен, он как бы исходит из самой плоскости холста. Его палитра —

Н. К. Рерих. Сантана. Холст, темпера

это краски высокогорья, не разбавленные мутным воздухом низин. Быть может, таких ярких красок нет даже и в горах, они, наверное, характерны для более высоких слоев.

Однако его краски верно попадают в цель, они заставляют вспомнить, как мы однажды были поражены огненным закатом или замерли, залюбовавшись крыльями бабочки. Кажется, что каждый пережитый кем-то и когда-то восторг художник извлек из анналов пространства и перенес на свой холст. Постигая законы ярчайших природных феноменов, меняя их тональность, он

Н. К. Рерих. Маульбек. 1937 г. Холст, темпера

создает все новые и новые красочные аккорды. Поэтому каждый находит в бесконечной вариации тонов свое, когда-то запавшее в душу созвучие и, поддавшись обаянию, как бы заново переживает его. Все это, завещанное художником, мы приняли как свое сокровенное, запрятанное в тайниках нашей души. И поверили художнику, потому что у каждого из нас где-то теплится ниспосланная богом искра нового озарения.

Картины Н. К. Рериха не оставят нас равнодушными, они заставят нас задуматься и по-новому взглянуть на то, что более

Н. К. Рерих. Гималаи. 1938 г. Картон, темпера

всего волнует. В чем-то они укрепят нас, от чего-то отстранят, но обязательно вселят надежду, хотя, возможно, путь к ней будет совсем непростым. Так обычно идут герои Рериха к своей цели, а его вершины становятся символами духовного восхождения. Николай Константинович так выстраивает графическую структуру своих композиций, что сами эти восходящие, нисходящие и возносящиеся к небу линии гор по-особому воспринимаются, оставляя ощущение душевного подъема. И через совершенство цветовой гармонии, через эмоциональный порыв

Н. К. Рерих. Гималаи. Холст, темпера

красок также проводится идея духовного подъема. Сияющие небесной чистотой вершины, как маяк света, как зовущая мечта о совершенстве, как путь, с которого открываются далекие горизонты. «Через цвет звучит приказ будущего»,— так говорит и так воплощает в своем творчестве Н. К. Рерих.

«Держать выше»— это напутствие Л. Н. Толстого молодому Рериху стало знаменем его искусства, и теперь этот высоко-нравственный призыв звучит со всех полотен мастера гор. Прикоснувшись к красоте его полотен, осознав ее духовную силу,

Н. К. Рерих. Ледник Сассера. 1947 г. Картон, темпера

человек не остановится на месте, а займется самоусовершенствованием.

Экспозиция картин Н. К. Рериха появилась в Новосибирске в годы «первой оттепели». К счастью, она не была свернута, а продолжала светить, гореть и в последующие годы тяжелого давления административно-командной системы. Его картины помогали обрести внутреннюю уверенность, не потерять нравственные ориентиры и способствовали поиску путей выхода из кризисной ситуации.

Н. К. Рерих. Горный пейзаж. Озеро. 1944 г.
Картон, темпера

Прошло вот уже более тридцати лет, как мы получили в дар картины Рериха. Мы полюбили их, они вошли в нашу жизнь, стали частью нашего духовного достояния. И сейчас они удивительно созвучны нашему времени, возрождению интереса к общечеловеческим ценностям. И все же, возможно, мы еще не до конца осознали всего завещанного нам Рерихом, не поняли всей глубины его творчества, не разглядели еще той перспективы, которая открывается с высот его искусства. Что ж, это все еще впереди. Подлинное искусство — это всегда тайна, которую постигают бесконечно.

Н. К. Рерих. Ойрот — вестник Белого Бурхана.
1924 г. Холст, темпера
США, частное собрание

Приветствовать сибиряков — это значит почувствовать и сказать что-то очень мужественное и созидательное. Понятие сына Сибири есть зов труда и познание тех действительно неисчерпаемо прекрасных сокровищ, которыми наполнена эта страна глубокого прошлого и великого будущего.

Во всех странах, где пришлось побывать, никто ни на минуту не смущался понять все великое, еще несказуемое значение Сибири. Белуха, эта Сумеру Азии, стоит белоснежным свидетелем прошлого и поручителем будущего. Сибиряки не только любят Сибирь, но они всегда стремятся к ней для работы, для труда, для сотрудничества...

Н. К. РЕРИХ

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО О СИБИРИ Н К РЕРИХА

Славной Ермака годовщине! Всем сибирским друзьям!	3
Всем сынам Сибири сердечный привет!	
Славное сибирское казачество	6

РЕРИХ И СИБИРЬ

<i>В. Е. Ларичев</i> Н К Рерих и сотоварищи в Сибири	11
<i>Е. П. Маточкин</i> Космичность искусства Н К Рериха	161
<i>Е. П. Маточкин</i> Посвящается семье Рерихов	177

ВИТАЛИЙ ЕПИФАНОВИЧ ЛАРИЧЕВ
ЕВГЕНИЙ ПАВЛАДЬЕВИЧ МАТОЧКИН

РЕРИХ И СИБИРЬ

Текст к слайдам Е. П. МАТОЧКИНА

Редактор И. И. Кванская
Оформление художника Е. Ф. Зайцева
Художественный редактор В. П. Минько
Технический редактор М. Н. Коротаева
Корректор В. В. Туркевич

ИБ № 2942

Сдано в набор 21.04.92. Подписано в печать 14.09.92. Формат 70×108 1/32.
Бум. тип № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 84+1.05.
вкл. Усл. кр. отт. 10.67. Уч. изд. л. 9.28+1.08. вкл. Тираж 20 000 экз. Заказ № 27.
С. № 3. Новосибирское книжное издательство 630076. Новосибирск 76. Вок-
зальная магистраль 19. ПНО. Печать 630007. Новосибирск. Красный прос-
пект 22.